

**ПРОБЛЕМЫ
ЭТНОГЕНЕЗА
И ЭТНИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
НАРОДОВ
СРЕДНЕЙ АЗИИ
И КАЗАХСТАНА**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

**ПРОБЛЕМЫ
ЭТНОГЕНЕЗА
И ЭТНИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
НАРОДОВ
СРЕДНЕЙ АЗИИ
И КАЗАХСТАНА**

**Выпуск II
ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**

МОСКВА 1990

Ответственные редакторы: Б.А.Литвинский
Т.А.Жданко

Ответственный секретарь С.В.Чешко

Редакционная коллегия: С.Г.Агаджанов, В.Н.Басилов,
Е.Е.Неразик, Г.Л.Хитъ, О.М.Машкина

Е.Е.Неразик

ПРИАРАЛЬЕ: НЕКОТОРЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Известно, что роль природных факторов в формировании древних этнических общностей чрезвычайно велика. В условиях докапиталистических формаций географическая среда существенно влияла на сложение типов хозяйства, направление их развития и поэтому экологические данные постоянно учитываются при исследовании социально-экономических (в меньшей степени) этнических процессов¹. Адаптация человеческого общества к среде обитания находит, кроме того, отражения в особенностях его материальной и духовной культуры, чертах быта и т.д. Она "не только накладывает отпечаток на культуру народов... но, оказывая определенное воздействие на развитие производства, тем самым опосредствованно влияет на ход этнических процессов"².

Однако, если толковать термин "экология" расширительно, имея в виду не только природно-хозяйственные факторы, но и всю совокупность условий существования человеческих коллективов, включая их взаимодействие с социальным окружением, а также собственно этническое развитие³, то аспекты данной темы окажутся практически неисчерпаемыми. В связи с этим, ограничив их круг, мы остановимся лишь на некоторых экологических особенностях, выделив те из них, которые, на наш взгляд, способствовали этнической стабильности общества и его внутренних связей, поскольку, как уже справедливо отмечалось, "этническая сплоченность общества поддерживается господствующей в нем социальной системой". Внутренние органические связи cementируют общество, обуславливая прочность и других связей — по языку, культуре, самосознанию"⁴.

Приаралье представляет собой один из наиболее перспективных регионов для разработки поставленной задачи. И дело не только в том, что в силу своего географического положения на стыке степей Евразии с древнейшими орошаемому земледельческими цивилизациями мира Средней Азии этот регион на всем протяжении своего

истории являлся одним из важнейших узлов скрещения этногенетических процессов⁵. Перспективность выбора этого региона заключается еще и в том, что к настоящему времени накопился большой фактический материал, позволяющий на новом уровне, с использованием теории этноса и на основе комплексного подхода рассмотреть интересующие нас аспекты этнической истории данной области.

Вместе с тем, учитывая, что в Приаралье в степном окружении сформировалась только одна древняя и высокая оседло-земледельческая цивилизация — хорезмийская — и взаимодействие скотоводов и земледельцев составляло здесь стержень этнических процессов, особое значение при их рассмотрении приобретает теория о хозяйственно-культурных типах (в дальнейшем тексте — ХКТ)⁶. В связи с этим важно отметить, что характеристика ХКТ Приаралья в последнее время существенно продвинулась вперед, подверглись детальному исследованию их развитие и взаимодействие на протяжении длительного периода, выделены их варианты⁷, определены контактные зоны, где это взаимодействие носило наиболее активный характер⁸.

С другой стороны, сделаны попытки разобраться в этнической ситуации, сложившейся в Приаралье в древности и средневековье⁹, рассмотреть вопрос о становлении антропологического типа населения собственно Хорезма и его периферии¹⁰ и, что особенно важно, проследить генезис отдельных этнических общностей, конкретные пути их перемещений, а также этнокультурные контакты на широкой территории¹¹.

В целом, совокупность разнообразных сведений позволяет выявить не только основы формирования экологического равновесия в Приаралье, нарушавшегося в периоды крупных миграций и завоевательных походов с заметным притоком иноэтничного населения, но и причины традиционности ХКТ, степень адаптации пришлого населения к новым условиям. Все это очень существенно для понимания роли экологии в ходе этнических процессов. Однако, наиболее важным в рассмотренном плане представляется вывод об исторически сложившемся различии хозяйственно-культурного развития двух областей Приаралья — низовий Амударьи и Сырдарьи¹². К этому весьма значительному

итогу палеоэтнографических исследований в Приаралье неоднократно обращались при характеристике местных ХКТ и проблем ирригации¹³, но, как нам кажется, эти данные еще не привлечены в достаточной степени под углом зрения развития внутренних связей общества и специфики его этнических контактов. Обращаясь к указанным вопросам, мы имеем в виду преимущественно т.н. "античный" период истории (с IY в. до н.э. по IY в. н.э.) с "выходами" в более поздние эпохи.

Установлено, что в низовьях Амударьи издревле сложился ХКТ пашенного земледелия, основанного на ирригации из крупной реки. Спецификой его является большая трудоемкость работ по проведению каналов на местности с незначительным уклоном поверхности; из реки, постоянно менявшей направление, подмывавшей берега, что требовало частого перенесения головных сооружений. Данное обстоятельство вынуждало земледельцев селиться вдалеке от реки и, соответственно, увеличивало протяжение каналов. Большое количество ила в водах Амударьи приводило к сильному заилению каналов и требовало их постоянной очистки. Все это обусловило необходимость жесткой кооперации трудовых усилий. Особо следует отметить, что в Хорезме земледелие возможно только на основе ирригации, в то время как в Согде, Чаче и других областях оно сосуществовало с богатым, причем согдийские богатырские районы имели такое развитое сельское хозяйство, что один только средневековый рустак типа Бузмаджана или Абаргара по ал-Макдиси мог прокормить всю область в течение 2-х лет¹⁴. Не требует особых доказательств и тот факт, что орошение из небольших речек и саев много проще, чем из Амударьи¹⁵. Указанные особые условия, конечно, не могли не наложить отпечатка на формировавшееся в низовьях Амударьи общество. Так, уже В.В.Бартольд отмечал консервативность и архаичность многих черт материальной и духовной культуры Хорезма, а также то обстоятельство, что даже заимствованные извне черты "получают здесь новое развитие"¹⁶. Однако он объяснял эти особенности изолированным положением Хорезма, окруженного песками. Конечно, географическая изоляция влияла на формирование культуры Хорезма и отмеченная В.В.Бартольдом неувязка ее черт наблюдается, например, в формах архитектуры, керамики.

Вместе с тем, несомненно, особой устойчивости культуры способствовал также и сам строй хорезмийского общества. Необходимость упомянутой выше жесткой кооперации труда вызвала устойчивость и стабильность земледельческих общин, пронизанных родственными, агнатическими связями¹⁷. Мы соприкасаемся с данным явлением сразу же, обращаясь к пока немногочисленным древним документам. Напомним дома-семьи — ВУТ топраккалинских документов — это коллективы, где фигурирует не только семья домоглазки, но также его сыновей и дочерей¹⁸. В целом, включая рабов, такие семьи насчитывали от 20-ти до 40-ка человек. В более поздних надписях на токкалинских оссуариях (VII—VIII вв.) выступает также обширный родственный коллектив, причем счет поколений ведется от одного предка по мужской линии¹⁹. К аналогичным результатам мы приходим в итоге исследования сельских жилищ и поселений, являющихся прекрасным источником для изучения семьи и общества. Опираясь на эти исследования, можно думать, что агнатические (патронимические) группы сохранялись в Хорезме на протяжении многих столетий²⁰.

В связи с вышеизложенным очень важными были бы сведения о роли религиозных и этических норм в жизни хорезмийского общества, в особенности — характере брачных запретов. Эндогамность общин, в частности, (если бы таковая была установлена) являлась бы одним из важных условий сохранения этнической устойчивости и этнических традиций²¹. К сожалению, мы не располагаем прямыми данными по этому поводу, но все-таки некоторые основания для соответствующих предположений имеются. Отметим, прежде всего, что накопление письменных источников о древнехорезмийском обществе выявляет все больше точек сопоставления с иранским обществом, что нашло отражение в саманидском Судебнике Матаклан-и-Хазар-Датестан. И в данном плане примечателен факт эндогамности иранских агнатических групп²². К тому же эндогамия входит в число 10-ти предписаний Зороастра человечеству²³, а Хорезм по мнению многих исследователей — одна из исконно зороастрийских областей²⁴. О.А. Сухарева, отталкиваясь от этнографических материалов, пришла к выводу о большой древности прослеживаемой ею семейно-родственной эндогамности земледельческого населения Сред-

ней Азии, в основе которой лежали экономические причины, в первую очередь стремление сохранить имущество семьи и избежать раздела земли при заключении брака²⁵. Можно не сомневаться, что в рассматриваемый период в полной мере действовали те же факторы. Они продиктованы и многие статьи упомянутого Судебника. Кроме того, как справедливо отметила О.А. Сухарева, хозяйство на поливных землях по сути своей требует стабильности обстановки, которая поддерживается такой системой семейно-брачных отношений, как эндогамия²⁶.

Все сказанное в свете имеющихся данных о довольно замкнутом, полунатуральном хозяйстве хорезмийских общин²⁷ позволяет сделать вывод об этнической устойчивости древнего хорезмийского общества, которое должно было труднее в силу этого поддаваться иностранным воздействиям извне, нежели структурно более рыхлые общества. К этому можно добавить и другие соображения об экологических и социальных особенностях Кжно-го Приаралья. Так, отметим отсутствие там богатых залежей природных ископаемых (скромные месторождения таковых, имеющиеся в горах Султануизадага, никогда не играли сколько-нибудь важной роли в экономике Хорезма)²⁸ в отличие, например, от Чача, ставшего к эпохе средневековья центром металлургии Средней Азии. А это обстоятельство послужило основой для оживления городской жизни, развития торговли, способствовало активизации процесса объединения скотоводческого населения²⁹ и, в конечном счете, влияло на этнические процессы на Средней Сирдарье.

Ландшафт Приаралья не отличался разнообразием: здесь не было столь отличающихся ландшафтных зон как в Бактрии-Тохаристане, где в речных долинах, в межгорных котловинах, в различных горных поясах складывались специализированные хозяйственные районы³⁰, и это, в частности, также способствовало развитию экономических, культурных и этнических контактов населения. К тому же и сам процесс объединения скотоводов и земледельцев и земледельческую группу в разных ландшафтных зонах имел свою специфику. Как установлено, несомненно немалую роль играл сходство в этногенезе, обусловленное общими частями в этногенезе³¹. Так, в области

Чарчика и Анграна оседавшие кочевники, в отличие от Хорезма, попадали в генетически родственную среду с исходным скотоводческим субстратом и близким ХКТ, поскольку местное население наряду с поливным земледелием занималось еще и скотоводством на богарных землях. Кроме того, как указывалось, здесь было легче организовать орошения вновь осваиваемых адырных территорий, чем в низовьях Амударьи. Имела значение и плотность населения и особенности его расселения. Это обстоятельство отметил П.П.Иванов, указав, что оседлые жители и кочевники Ферганы, например, не были так резко разграничены территориально, как в низовьях Амударьи, где скотоводы, в силу плотности заселения центральных областей, оседали не чересполосно, как в Фергане, а на окраинах Хивинского ханства. Речь шла о XIX веке, но, по мнению исследователя, такое же положение наблюдалось и в I веке ³¹. В рассматриваемый период пришлое кочевое население в Южном Приаралье легче вступало в контакты со скотоводческой периферией Хорезма, опосредствовавшей прямое этническое взаимодействие с собственно хорезмийцами. Это взаимодействие, дававшее мощные импульсы этническому развитию в Южном Приаралье, является специальной темой исследования. Отметим лишь, что оно вызвало к жизни специализированные ремесленные отрасли, поддерживало городское ремесло, особенно на окраинах страны, привело к притоку туда скотоводческого населения ³². Не последнюю роль в ассимиляционных и иных этнических процессах, протекавших на периферии страны под эгидой Хорезма, принадлежала зороастризму (или, по всяком случае, близким ему верованиям и обрядам, характерно сложившимся, в частности, погребением в оссуариях) ³³. Не лишне в связи с этим заметить, что верования и обряды, как известно, рассматриваются как одно из главных проявлений этнической специфики, а унифицирующее значение религии в культурных и этнических процессах весьма велико.

Совокупной мир (несмотря на общность истоков генезиса, происходящего к сакской древности) с иными общественными связями, этническими характеристиками и религиозными воззрениями, представляет области Сырдарьи, Юго-восточное Приаралье. В качестве одного из ярких показателей различия этих двух

миров можно, видимо, рассматривать тот факт, что в этом районе вплоть до эпохи тюркского каганата нет никаких признаков оссуарного обряда, столь древнего в низовьях Амударьи. Этот факт примечателен еще и потому, что именно присырдарьинские области играли важнейшую роль в этнической ситуации, складывавшейся в Приаралье в целом и в Хорезме - в частности. Этнические же контакты населения низовий двух великих рек в известной степени определялись специфическими чертами сформировавшегося в Юго-восточном Приаралье общества, причем, как и в Южном Приаралье, существенную роль в этом плане сыграли местные экологические условия.

Население данной области издревле занималось каирно-лиманным земледелием, используя подтопление и дамбирование стариц, устраивая в них водохранилища. Здесь существовала мелкая оросительная сеть, но крупных каналов не было. На этой основе сложилось комплексное земледельческо-скотоводческо-рыболовческое хозяйство, для которого характерны натуральность, консерватизм и устойчивость ³⁴. Указанные черты, отмечаемые историками и этнографами, подкрепляются и археологическими данными ³⁵. Так, культуре т.н. "болотных городищ" и джетиасарского урочища свойственны чрезвычайный архаизм и стабильность, проявлявшиеся, например, в длительном сохранении на протяжении многих столетий таких архаичных элементов материальной культуры как лепная керамика кострового обжига, основных принципов планировки жилищ помещений и строительной техники ³⁶. Думается, что специфика ХКТ, сложившегося в низовьях Сырдарьи, также должна была тормозить интенсивность этнических контактов между двумя рассматриваемыми областями ³⁷, хотя, разумеется, она не определяла целиком культуру этнических общностей этих областей. Рассматривая вопрос об их контактах, следует учитывать, что Амударья и Сырдарья, по крайней мере в рассматриваемый период, служили ретрансляторами разных этнокультурных связей. Эту особенность отметил и В.В.Бартольд, разбирая вопрос о дуабе (пространстве между двумя реками, протекавшими так близко одна от другой, что их оросительные системы составляли как бы одно целое). В.В.Бартольд писал: "Таким дуабом в

Туркестане могла бы быть признана только местность между Чирчиком и Ангреном. Амударья и Сырдарья в верхней части своего течения отделены одна от другой высокими горными цепями, в нижнем — огромной пустыней. Область между реками не представляет и никогда не представляла ни в политическом, ни в этнографическом отношении самостоятельного целого; для будущей экономической жизни края местности, находящиеся вне дуаба, как Хивинское ханство и северная часть Ферганы, будут иметь во всяком случае не меньшее значение, чем середина дуаба — бассейн Заравшана³⁸. В свете новых данных это интересное высказывание, получая подтверждение, может подвергнуться и некоторой корректировке. Так, уже в древности влияние Хорезма на низовья Сырдарьи встречало соперников. К периоду раннего средневековья в присырдарьинских районах начало ярко проявляться влияние Согда, подражание согдийским эталонам, опосредствованное, после оформления чачской государственности, воздействием Чача³⁹. Таким образом, Согд — "середина дуаба" к VI—VIII вв. оказывал определенное влияние на эти области и Хорезму приходилось все больше считаться с его крепнувшим экономическим и культурным потенциалом. Не зря на хорезмийских монетах VIII в. появляются надписи на согдийском языке.

В эпоху средневековья ситуация в рассматриваемой зоне резко меняется. Имеющийся большой материал свидетельствует о том, что на разных этапах развития хозяйственно-культурных типов скотоводов и оседлых земледельцев неодинаковым был характер их взаимодействия. Значительно уменьшается воздействие ХКТ на этнокультурный фонд. Можно говорить о качественном изменении этнических процессов в Приаралье. Важную роль в этом смысле сыграло формирование в раннем средневековье скотоводческого хозяйства с дальним циклом перекочевков. Изобретение стремени, высокого седла, несомненно отразились на мобильности скотоводов. А накопление богатств, концентрация скота в руках кочевой знати влекли их к расширению пастбищ, приводили к столкновению с Хорезмом. Огузско-салджукские завоевания, привлечение Ануштегинидов, обь оцинивших в своих руках территорию обеих дельт, изменили роль присырдарьинского

региона в этнических контактах в Приаралье.

С другой стороны, в основе этнокультурных и этнических контактов, помимо усиления производящего хозяйства в степях Сырдарьи, лежат теперь такие факторы как разрыв локальных связей в Хорезме благодаря распространению икта и замене старой родовой аристократии новой служилой знатью, часто — иноэтничной, огузо-кипчакского происхождения; рост торговли, городов, в полном смысле преобразовавшие этническую карту низовий двух великих рек. Следует учесть и роль мусульманизации обществ, нивелирующей культуру населения.

Однако, эти консолидационные процессы все-таки не смогли стереть до конца этническое своеобразие древнего субстрата, проявлявшегося в отдельных элементах материальной и духовной культуры еще много веков спустя в процессе формирования новых средневековых тюркоязычных народностей.

Конечно, в данной небольшой статье не исчерпана обширная тема об экологических аспектах этнических процессов в Приаралье. Повторим, что ставилась лишь задача выявить некоторые этностабилизирующие факторы, способствовавшие устойчивому сохранению этноса, этнодифференцирующим нег и, в конечном счете, яркой этничности населения Приаралья в древности. Разумеется, однако, нельзя представлять себе развитие этнических общностей той меры вне всяких контактов, в изоляции; напротив, имеющиеся антропологические и археологические материалы отражают большую сложность этнических процессов, их многогранность и неоднозначность, особенно в периоды крупных этнических перемещений и завоеваний, которыми богата история этого региона. Однако, эти сюжеты не являлись предметом рассмотрения и заслуживают специального исследования.

1. Так, И.М. Дьяконов, анализируя пути развития восточных древних обществ Ближнего Востока, отмечает, что именно экология (наряду с общим уровнем развития производительных сил) диктует, какие конкретно формы примут в обществе социально-экономические отношения и что долго будет длиться тот или иной этап его развития (И.М. Дьяконов, Социально-экономическое развитие древнего общества (развитие на территории Заволжья), Проблемы цивилизационного общества в древности, М., 1971, с. 141-142).

2. Бромлей Н.В. Этнос и этнография. М., 1973. С.261.
3. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С.212-215 и сл.
4. Лашук Л.П. О формах донациональных этнических связей // Вопросы истории. 1967. № 4. С.81.
5. Толстов С.П. Аральский узел этногонического процесса. // Сб. СЗ. У1-УП. М.-Л., 1947.
6. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЗ. 1965. № 4.
7. См. статью Б.И.Вайнберга в данном сборнике, там же - литература по этому вопросу.
8. Вайнберг Б.И. Модели взаимодействия скотоводов и земледельцев по археологическим материалам из Хорезма и сопредельных областей // Сб. тезисов "Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций". Алма-Ата, 1987. С.15-18.
Неразник Е.Е. Некоторые аспекты взаимодействия земледельцев и кочевого населения в эпоху раннего средневековья. Там же. С.183-185.
9. Неразник Е.Е. Об этнических процессах в раннесредневековом и средневековом Хорезме // Материалы к этнической истории Средней Азии. Ташкент, 1986.
10. Ягодин В.Н., Ходжаев Т.К. Некрополь древнего Чиздахана. Ташкент, 1970. С.169-245; Ходжаев Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, 1980. С.7-18; Яблонский Л.Т. Взаимодействие кочевых племен и древних земледельцев Хорезма по материалам могильников (1 тыс. до н.э. - сер. 1 тыс. н.э.) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1987. С.131-133.
11. Андриянов Б.В., Левина Л.И. Некоторые вопросы исторической этнографии Восточного Приаралья в 1 тыс. н.э. // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979; Буряков Ю.Ф. Археологические материалы к этнической истории бассейна Средней Сырдарьи в древности и средневековье // Материалы к этнической истории Средней Азии. Ташкент, 1986.
12. Андриянов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1968. С.226-227.
13. Андриянов Б.В. Проблема исторического взаимодействия кочевых культур и древних земледельческих цивилизаций в свете концепции о хозяйственно-культурных типах (по материалам Приаралья) // Взаимодействие кочевых культур... С.13-15.
14. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т.П. Ч.1. М., 1963. С.114.
15. Народы Средней Азии и Казахстана. Т.1. М., 1962. С.32-36.
16. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Соч. Т.П. Ч.1. М., 1963. С.206.

17. Длительное сохранение общин и общинных связей вследствие ирригационного земледелия подчеркивается исследователями докапиталистических формаций на Древнем Востоке, особенно в дискуссиях об азиатском способе производства (см. Ю.В.Качановский. Дискуссия об азиатском способе производства на страницах зарубежной марксистской печати // Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971; Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1975. С.113-160 и др.). Однако, значение этого факта для хода этнических процессов обычно не рассматривалось.
18. См. Лившиц В.А. Гл.У1 "Документы" // Топрак-кала. Дворец. М., 1983. С.226-267.
19. Гудкова А.В., Лившиц В.А. Новые хорезмийские надписи из некрополя Ток-кал и проблема хорезмийской эры // Вестник Каракалпакского филиала АН Уз.ССР. 1967. № 1. С.7-9.
20. Неразник Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.). М., 1976. С.222-223, 228-230.
21. См. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. С.119.
22. Периханян А.Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983. С.64-65.
23. Периханян А.Г. Указ. соч. С.65.
24. Дьяконов М.М. История древнего Ирана. М., 1961. С.360, 362; Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948. С.19-20; Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971. С.18, 56-57 и др.
25. Сухарева О.А. Традиции семейно-родственных браков у народов Средней Азии // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978. С.120-124 и сл.
26. Сухарева О.А. Указ. соч. С.125.
27. См. Неразник Е.Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966. С.III.
28. См. Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. С.127-135 и сл.
29. Ртвеладзе Э.В. Древняя Бактрия-Тохаристан. Автореф. докт. дисс. М., 1988. С.II.
30. Вайнштейн С.И. Проблема формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии // Сб. тезисов: Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых исследований 1970 г. М., 1971. С.49.
31. П.П.Иванов. Очерки по истории Средней Азии. М., 1958. С.151, 184.
32. См. Неразник Е.Е. Сельское жилище... С.217; Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977. С.95.
33. Яблонский Л.Т. Взаимодействие кочевых племен и древних земледельцев... С.132.

34. Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. С.185-221.
35. Кданко Т.А. К вопросу о хозяйственно-культурном типе полуседлых скотоводов - земледельцев - рыболовов дельтовых областей Средней Азии // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
- Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976. С.25.
36. См. статью Л.М.Левиной в наст. сборнике.
37. В этой связи интересно отметить, что даже в условиях непосредственного соседства с Хорезмом в рамках единой государственности и религиозной системы населения Кердара (дальта Амударьи), занимавшееся тем же комплексным хозяйством, что и обитатели низовий Сырдарьи, в течение нескольких столетий устойчиво сохраняло архаичные черты культуры, в частности, изготовляло лепную керамику кострового обжига, составлявшую не менее 80-90 % всей посуды.
38. Бартольд В.В. Рецензия на кн. W. Rickmer'a "The Quab of Turkestan" (1913) // Соч. Т.Ш. М., 1965. С.296.
39. См. Массон В.М. Согдийская эпоха и культурная интеграция // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Душанбе, 1977. С.5-7; Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986. С.93-96 и сл.; Андрианов Б.В., Левина Л.М. Указ. соч. С.97-98.

Б.И.Вайнберг

РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ (по археологическим материалам из Восточного Прикаспия и Приаралья)

Общность территории является, как известно, одним из основных условий возникновения и существования этнической общности. Особенности природных условий в ходе этногенеза наряду с другими факторами влияют на характерные черты материальной и духовной культуры этносов. Хотелось бы обратить внимание на влияние экологических факторов на формирование этнической территории. Тесную взаимосвязь их в прошлом (в древности и в средневековье), особенно в аридной зоне, показывают археологические и этнографические материалы.

Территория Восточного Прикаспия и Приаралья может рассматриваться как единая экосистема скотоводов и земледельцев пустынной зоны Средней Азии. Комплекс природных условий (в первую очередь источники обводнения и сезонные пастбища) обусловил традиционные размеры хозяйственных территорий в регионе. Здесь с древности вплоть до начала XX в. соседствуют хозяйственно-культурные типы: оседлых земледельцев дельтовых областей (ирригация), оседлых и полуседлых скотоводов дельтовых областей, в хозяйстве которых традиционно присутствует и земледелие (чаще всего каприное и лиманное), и кочевников-скотоводов пустынь и полупустынь (различные подтипы и их сочетания). Последних часто безосновательно относят к хозяйственно-культурному типу кочевников степей, хотя характер ведения скотоводческого хозяйства у них (отсутствие табунного коневодства, например) резко отличен от того, что известен в степной зоне.

Постоянное взаимодействие разных групп населения пустынной зоны Средней Азии на протяжении веков показывает, что на практике складывалось несколько моделей взаимодействия скотоводов и земледельческих цивилизаций в этом регио-

не I, хотя этот сложный и многогранный процесс не получил полного отражения в археологическом материале, на базе которого ведется наше исследование. Перечислим эти модели:

1. Преимущественно торговые отношения.
2. Культурное влияние земледельцев, вызванное их относительно кратковременным политическим объединением со скотоводами.
3. Постоянное взаимодействие скотоводов и земледельцев, проживающих в пределах одного оазиса или более крупного района.
4. Массовые миграции, при которых активизируются взаимодействия скотоводов и земледельцев, происходит частичная селентеризация кочевников в оазисах, активизируются процессы культурного взаимодействия, этнической ассимиляции, интеграции и т.д.

Для сложения той или иной модели взаимодействия определяющее значение имеют географические условия (среди них близость или удаленность от земледельческих оазисов скотоводческих групп населения, особенности хозяйства, связанного с конкретной природной "нишей", резкое изменение условий обводнения), а также уровень развития производства в земледельческих областях и политические условия.

В настоящее время для древности мы располагаем археологическими материалами из Хорезма, включая его скотоводческую периферию², низовьев Сырдарьи³ и Восточного Прикаспия⁴, а также Восточного и Центрального Устурта⁵. Многие, если не большинство этих материалов, опубликованы⁶.

Сейчас этот представительный материал дает основание выделить определенные культурные ареалы и проследить развитие культуры в их пределах.

По конструкции погребальных построек (каменные наземные или слегка заглубленные в грунт склепы с ложносводчатым перекрытием) и обряду захоронения (практически выставление в склепе на уровне древнего горизонта, на смену которому приходит захоронение здесь же очищенных костей в сосудах и оссуариях) выделяется район от Узбоя на юге до северной ча-

сти Устурта и от Каспия на западе до Сарыкамыш на востоке, в устуртской части – вплоть до Арала. Здесь известны памятники, начиная с УП–У вв. до н.э. На материалах Узбоя и северо-западной Туркмении выделен комплекс местной лепной керамики с рядом характерных только для этого района признаков. В районе Большого Балхана и у Келькора (вблизи впадения Узбоя в древности в Каспий) комплекс керамики имеет ряд региональных особенностей. Здесь же в местах, удаленных от гор, встречены и погребения очищенных костей с небольшим инвентарем в ямках и сосудах. В каждом из этих выделяющихся здесь подрайонов открыт культовый центр скотоводов: это Ичанлы-дэпе на Узбое (возвышенность Дордуль) и Гараул-дэпе на верхней точке Большого Балхана. Оба эти памятника связаны с культом огня и культом предков, возможно, среди объектов почитания была и вода. Природные условия этого района – каменистые и небольшие песчаные пустыни восточного Прикаспия, ограниченные с юга руслом Узбоя, условия водообеспечения определяли в древности и тип хозяйства – подвижное (возможно, пастушеское) скотоводство. Вблизи Узбоя и колодцев и родников на Заузбойском плато встречаются остатки развалившихся поселений. Рыболовство и охота были бесспорно дополнительными отраслями хозяйства. Именно к группе кочевников, живших у Узбоя и его устья, можно отнести свидетельство Страбона (XI, УШ, 7) о массагетах – обитателях равнин, которые "не занимаются земледелием (хотя земля у них есть), но живут на манер кочевников и скифов, питаются бараниной и рыбой". Гонимая керамика в этом районе представлена единичными экземплярами, преобладает парфянская, на верхнем Узбое – хорезмийская. На среднем Узбое к I в. до н.э. возникла парфянская крепость Игди-кала, просуществовавшая до конца обводнения Узбоя (до IV в. н.э.)⁷. Инвентарь погребений указывает еще на одно направление торговых связей – на север в Приуралье, что могло быть связано с летними перекочевками скотоводческих групп из северной части этой зоны. Особенно сильны эти связи на Устурте, В.Н. Ягодин на основании их делает даже вывод о принадлежности ряда погребальных комплексов

к прохоровской культуре⁸. В устуртских материалах заметнее и влияние Хорезма, именно через него по путям перекочиков на север поступала хорезмийская гончарная керамика (особенно в IV-V вв. до н.э.), находки которой сейчас известны вплоть до Башкирии⁹.

Массовый переход к конгу II в. до н.э. к захоронению очищенных костей в сосудах и оссуариях, фиксируемый на материалах приузбойских памятников, возможно, происходил под воздействием культовой практики, широко распространившейся в Хорезме даже среди некоторых скотоводческих групп населения.

На территории восточного Прикаспия и Приаралья можно выделить следующие основные экологические районы (ниши), в пределах которых обеспечивался необходимый комплекс природных условий для того или иного вида хозяйственной деятельности человека:

1. Прибалханье, Краснодарский полуостров, пески Чильмамедкум и прилегающая часть Заузбойского плато. Кочевники (полукочевники), снабжавшиеся водой колодцев и естественных водных источников. Верблюдоводство и овцеводство. Малый радиус перекочиков, иногда пастушеское скотоводство. В периоды обводнения Узбоя в древности и средневековье в его дельте образовывался особый хозяйственный комплекс, где скотоводство сочеталось с интенсивным рыболовством.

2. Узбой, прилегающая часть Заузбойского плато и северная часть низменных Каракумов. В периоды обводнения Узбоя — полукочевники, значительное развитие рыболовства. В остальное время — кочевники, с водоснабжением из малого количества колодцев (в основном в зоне стока весенних вод с возвышенностей).

3. Западноприсарыкамьшский — Ассакекаузданский район, пески Кумсебшен. В периоды обводнения впадин-озер в древности и средневековье — полукочевники с малым радиусом откочиков.

4. Центральный и восточный Устурт, Кочевники, меридиональные пути перекочиков.

Районы 2-4 по комплексу пастбищ преимущественно овцеводческие, в небольшом количестве — верблюды.

5. Мангышлак. Археологически почти не изучен. Полукочевники и кочевники. Незначительное развитие земледелия и полуседлых форм скотоводческо-земледельческого хозяйства на родниках и в зонах саев. Сезонные откочевки на север.

6. Присарыкамьшская дельта Амударьи в части, обрамляющей с запада земледельческий оазис Хорезма в периоды обводнения в древности и средневековье. Оседлые и пастушеские скотоводы и примитивные земледельцы без ирригации, проживающие в соседстве с земледельцами Хорезма и в пределах древнехорезмийского государства. Разведение крупного рогатого скота, коневодство.

7. Хорезмская низменность в дельте Амударьи. Ирригационное земледелие с придомным и, возможно, отгонным скотоводством.

8. Акчадарьинский коридор и северная Акчадарьинская дельта на востоке Хорезма. Скотоводы, характер хозяйства неясен, скорее всего — полукочевники. Оседлые поселения с ирригацией в Барактамском оазисе. Культурные связи с присарыкамьшскими районами.

9. Древняя дельта Сырдарьи — Жандарьинский и Кувандарьинский районы. Оседлые и пастушеские скотоводы. Прimitивная ирригация и земледелие. Территория зимовок больших групп скотоводов. В едином комплексе с этим районом в связи с этим надо рассматривать и районы 10 и 11.

10. Центральные Кызылкумы. Кочевники и полукочевники на колодцах и родниках в зоне возвышенностей и гор. Тесная связь с низовьями Сырдарьи с одной стороны и оазисами Согда.

11. Восточное и Северное Приаралье. Кочевники. Весенние и осенние пастбища для кочевников, зимующих в низовьях Сырдарьи.

12. Малые и Большие Барсуки и прилегающие невысокие горные массивы (Мутоджары и др.). Кочевники. Район почти не изучен археологически.

Интересно отметить, возвращаясь к наиболее исследованно-

му району Узбоя, что когда в связи с новым обводнением Узбоя в средние века заселяются его берега, то культурные ареалы (выделенных Х. Юсуповым на Узбое¹⁰) почти полностью повторяют картину древней эпохи.

Изучение памятников Присарыкамшской дельты Амударьи обогатило нас знаниями и о различных по происхождению и характеру культуры группах скотоводов и их взаимодействии с земледельческим населением на протяжении от УП в. до н.э. до У в. н.э. Широкое обводнение дельтовых районов к началу УП в. до н.э. привело к заселению этого района новыми группами скотоводов, для которых известны крупное осадлое поселение Куясай-2 с ремесленным производством и серия курганных могильников. Материальная культура куясайцев освещалась в печати¹¹, следует обратить лишь внимание на тот факт, что теперь после широких раскопок Л.Т. Яблонского курганных могильников на возвышенности Сакар-чага, ближайшей к поселению Куясай-2¹², можно говорить о двух группах населения и двух культурных компонентах, легших в основу куясайской культуры. В материалах Л.Т. Яблонского представлены памятники саков низовьев Сырдарьи. Для них кроме характерного и известного по материалам Уйгарака и Тагискена (сакского) погребального обряда (с рядом разновидностей) обычны предметы вооружения, конская узда и звериный стиль. Керамический комплекс принесен в этот символ той группой куясайцев, для которой были характерны погребения в неглубоких ямах, известные по могильникам Тумек-кичиджик и Тарым-кала I. Л.Т. Яблонским фиксируется различный антропологический тип для этих двух групп населения. Позже У в. до н.э., по имеющимся в настоящее время материалам, куясайцы не исчезают и не растворяются в других группах, антропологический тип в погребениях потомков куясайцев один, он, по данным Яблонского, совпадает с "сырдарьинским" сакским. Сейчас мы определенно можем говорить о том, что "куясайская" культура не исчезает бесследно в IV в. до н.э.¹³ На западной окраине Хорезма открыто большое количество поселений на естественно обводненных протоках, где наряду с гончарной хорезмийской посудой

встречена лепная, продолжающая куясайские традиции. В ряде мест вблизи этих поселений были курганные могильники, содержавшие погребения очищенных костей в сосудах и оссуариях. Часть этих погребений, особенно детские, совершалась в лепных куясайского облика сосудах. Можно даже отметить основные тенденции в развитии этой лепной посуды в эпоху после прекращения существования поселения Куясай-2. Для поселений скотоводов фиксируются особенности в строительной технике, планировке. О тесном взаимодействии с земледельческим населением свидетельствует не только гончарная керамика и заимствованный не позже IV в. до н.э. обряд захоронения, но и ряд фактов, свидетельствующих о включении скотоводов в систему государственных взаимоотношений. В зоне скотоводческих поселений и могильников создаются хорезмийские крепости-города, ставшие большими центрами, вокруг которых формировались открытые поселения (Канга-кала и Акча-Гелин). Часть такого "пригорода" на Канга-кале была заселена потомками куясайцев. В зоне расселения скотоводов создавались ремесленные поселения, на поселении Гяур-3 открыто круглое культовое здание, связанное, очевидно, с культом плодородия. В первых веках н.э. вместо усыхающих протоков мощный канал Чермен-яб имел сброс в естественные притоки на территории скотоводческих зон расселения.

Не позже рубежа IV-III вв. до н.э. в левобережный Хорезм проникает еще одна группа скотоводов, для которой характерен обряд погребения в подбоях и катакомбах (первый при северной и южной ориентировке, второй — только при южной), в ранних погребениях этой группы встречена гончарная керамика неизвестных в Средней Азии типов, своей керамике, кроме круглодонных горшочков-курильниц эти скотоводы не имели, в Хорезме они быстро перешли к употреблению местной гончарной посуды. Возможно, что они частично потеснили "куясайцев", так как местами их могильники расположены рядом, но все же можно отметить, что наибольшее количество подобно-катакомбных могильников расположено к северу от расселения куясайцев, поселений у них нет. Для этой скотоводческой

группы возможно предположить кочевой тип хозяйства с не-
большим радиусом перекочевок в пределах обводненной Присары-
камшской дельты. С усыханием всего этого района в IV-V вв.
исчезает оттуда все население.

Сравнение материалов правобережного и левобережного Хорез-
ма позволяет сейчас говорить об особенностях развития мате-
риальной культуры в каждой из них в "античный" период, что
часто связывается и с взаимодействием с культурой скотово-
дов¹⁴. После IV в., очевидно, часть последних продвинулась
в обводненные оазисы Хорезма, где археологические следы их
теряются.

Не совсем ясно место северной Акчадарьинской дельты в си-
стеме культурных ареалов, в раннее время здесь был распро-
странен хорезмийский материал при своеобразной лепной посуде
(по материалам подъемных сооружений), а в IV-V вв. Бакрамский
оазис характеризуется тесными связями с районом средней Сыр-
дарьи, неясны и истоки обводнения этого района, так как, су-
дя по археологическим материалам, Жаныдарья в это время не
функционировала¹⁵.

Дельтовая зона Сырдарьи — традиционный район зимовок для
кочевников, освоивших настояща северного и восточного При-
аралья. Еще в эпоху ранних кочевников свидетельством этому
были тесные связи Уйгарака и Тагискена с савроматами При-
уралья, что неоднократно отмечалось исследователями. Ахеме-
нидские завоевания в Средней Азии достигли этих пределов,
свидетельством чего осталась недостроенная резиденция сат-
рапов на Бабиш-мулле. С влиянием Ахеменидов на заключитель-
ном этапе существования этой империи связано широкое рас-
пространение здесь в зоне сакских зимовок сырцовый архитек-
туры, оогдийского по происхождению комплекса гончарной по-
суды (исследования ее проводились Л.М.Левиной) и неукреплен-
ных сельских поселений с арханческой по типу ирригацией¹⁶.
Сохраняются местные типы погребальных сооружений, восходя-
щие к раннесакским памятникам этого района, и местная леп-
ная керамика (чирикратская культура). После падения вла-
сти Ахеменидов происходит заметное огрубление приемов стро-
ительства и изготовления гончарной посуды. Наманения в об-

ряде захоронения (переход к выставлению трупов вместо крема-
ции — не позже II в. до н.э.), вероятно, связан с влиянием
Хорезма, но это не бесспорно. Интересно, что в погребальных
комплексах чирикратской культуры есть греческие деревянные
пиксиды и костяные вещи, вероятно, сюда попавшие в итоге
греческих походов в Среднюю Азию. Ко II в. до н.э. в связи с
усыханием западных протоков Жаныдарьи гибнут памятники чи-
рикратской культуры, носители ее покидают этот район в
III-II вв. до н.э. После этого в дельте Сырдарьи сохраняются
только традиции сырцового строительства на памятниках дже-
тисарской культуры¹⁷, занявшей ведущее место в регионе после
ухода чирикратцев. Их сосуществование, в III-II вв. до н.э.,
по крайней мере, фиксируется археологическим материалом.
Именно с джедтисарским комплексом можно связывать коренные
земли Кангюя, в эпоху экспансии территория которого сильно
расширяется. При всей сложности и спорности сопоставления
археологических культур и комплексов с этносами, роль архео-
логических материалов в изучении исторической географии этно-
культурных общностей признается большинством исследователей.

В исследуемом регионе, как это следует из характеристики
археологического материала древней эпохи, выделяются по со-
четанию прежде всего погребальных сооружений, комплексов
керамики, прежде всего домашнего производства, в ряде случа-
ев поселений и культовых построек, а также по направлению
культурных связей три области, объединяющие каждая близкие
экологические районы, отмеченные выше.

I. Северо-западная Туркмения и Устюрт, возможно, и Ман-
гышлак (I-IV в., возможно, 5 районы). Причины расширения или
сужения территории этой и других областей зависели, очевид-
но, прежде всего от палеогеографической ситуации и в какой-то
мере от политических условий (завоевания).

II. Хорезм (6-8 районы), 8 — условно.

III. Низовья Сырдарьи и Северное Приаралье. По комплексу
археологических и этнографических данных 9-12 районы.

Есть основания предполагать, что и этнические процессы,
прежде всего консолидационные, шли в пределах областей,
объединенных хозяйственной и культурной общностью. Уже сей-

час для отдельных экологических районов, внутри общего культурного единства всей области намечаются некоторые особенности (например, левобережный Хорезм, Прибалханье, чирикрабатская и джетнасарская культуры в дельте Сырдарьи в эпоху их сосуществования). Для исследуемого региона количество письменных источников весьма ограничено, интерпретация ряда из них спорна. Вместе с тем в них, вероятно, нашло отражение исторически существовавшее деление пустынной зоны Средней Азии на три области. Это данные о саках, массагетах и хорасмийцах (Страбон, XI, УШ), или о хорезмийцах и "соседних с ними по области" массагетах и дяхах (Квинт Курций Руф, УШ, 8). Массагеты локализируются большинством исследователей на территории к востоку от Каспия¹⁸ (первая из выделенных нами областей), а сакы-дахи, происходящие из области близ Меотиды (Аральское море в данном случае) и жившие за Сырдарьей и в ее дельте, могут быть связаны с третьей из выделенных нами областей¹⁹.

В средние века общая картина расселения хозяйственного освоения указанных территорий и их разграничение сохраняется с поправкой на временные изменения палеогеографической ситуации. Но широкое распространение мусульманского обряда погребения и гончарной керамики в связи с общим в Средней Азии развитием ремесла и торговли уже значительно нивелируют культуру всех трех выделенных областей. Но это компенсируют письменные источники, фиксирующие те же три историко-этнографические области.

Этнографический материал значительно пополняет и проясняет картину, реконструируемую по данным археологии²⁰. Экологические условия, прежде всего комплекс природных факторов, необходимых для ведения хозяйственной деятельности в данных конкретных условиях, определяют границы расселения и территорию, в пределах которой создается культурная и, очевидно, этническая общность, а вызванные разными причинами переселения этнических групп ("племен"), изменения политической ситуации, новые направления культурных связей обуславливают в каждом конкретном случае или на разных этапах своеобразие этногенетического процесса.

1. Вайнберг Б.И. Модели взаимодействия скотоводов и земледельцев по археологическим материалам из Хорезма и сопредельных областей Средней Азии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тез. докл. Алма-Ата, 1987. С.15-18.
2. Толстов С.Н. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С.89 и сл.; Вайнберг Б.И. Скотоводческие племена в древнем Хорезме // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С.121-130 (основную литературу по скотоводческой проблематике Хорезма см. там же).
3. Толстов С.Н. По древним дельтам... С.136 и сл.; Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. // ДИАЭЭ. Т.7. М., 1971; см. также раздел о чирикрабатской культуре (авторы Вайнберг Б.И., Левина Л.М.) в томе "Археология СССР" - "Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время" (в печати).
4. Дзупов Х. Древности Узбоя. Ашхабад, 1986; Мандельштам А.М. К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия // КСИА, 1976. Т.1. Вып.47.
5. Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устурта. Ташкент, 1978. Гл.3 (В.Н.Ягодин); Ягодин В.Н. Археологическое изучение курганных могильников Каска-нол и Бернияз на Устурте // Археология Приаралья. Вып.1. Ташкент, 1982. С.39 и сл.
6. В находящемся в печати томе "Археология СССР" - "Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время" есть обобщающие разделы по культуре скотоводов пустынной зоны (Вайнберг Б.И. и Дзупов Х. О скотоводах Северо-Западной Туркмении; Вайнберг Б.И. О скотоводах левобережного Хорезма; Вайнберг Б.И. и Левина Л.М. О чирикрабатской культуре дельты Сырдарьи), новые материалы по левобережному Хорезму обобщены автором в подготовленном к печати сборнике "Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье)", большой материал из раскопанных могильников левобережного Хорезма обобщается и готовится к публикации Л.Т.Яблонским.
7. Дзупов Х. Игды-кала - парфянская крепость на Узбое // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С.53 и сл.
8. Эта точка зрения не была поддержана специалистами по сарматской культуре при обсуждении материалов из раскопок В.Н.Ягодина.
9. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // Свод археологических источников. Вып. д I-10, 1963, раздел керамики; Она же. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. С.43; Пшенищук А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983. С.21, 102, 115-117. Табл. X, 5, например.
10. Дзупов Х. Пандзобские туркменские племена XIV-XV вв. Ашхабад, 1975.

11. Вайнберг Б.И. Памятники куро-сарской культуры // Кочевники на границах Хорезма (ТХАЭЗ. Т. II). М., 1979. С. 7 и сл.
12. Яолонский Л.Т. Исследование могильника Сакар-чага I // Археологические открытия (АО). 1981. М., 1983. С. 482; Он же. Раскопки курганов в Северной Туркмении // АО 1982. М., 1984. С. 492; Он же. Раскопки курганов в Северной Туркмении // АО 1983. М., 1985. С. 559; Он же. Раскопки курганов в Северной Туркмении // АО 1984. М., 1986. С. 478. Он же. Работы левобережного отряда // АО 1985. М., 1987. С. 612; Он же. К этногенезу населения Северной Туркмении (могильник раннесакского времени Сакар-чага 3) // СЗ. № 5, 1986. С. 45-54; см. также доклад Л.Т.Яолонского в настоящем сборнике.
13. Вайнберг Б.И. Скотоводческие племена в древнем Хорезме. С. 122.
14. Кой-кылган-кала - памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. - IV в. н.э. // ТХАЭЗ. Т. 3. М., 1957. С. 122-126, 130; Вайнберг Б.И. Скотоводческие племена в древнем Хорезме. С. 126; Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977. С. 94-95.
15. См.: Толстов С.П. По древним дельтам... С. 136 и сл., 227 и сл.
16. Андрианов Б.А. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969. Ч. II. Гл. V.
17. См. доклад Л.М.Левина в настоящем сборнике.
18. Обзор литературы на эту тему см.: Литвинский Б.А. Древние кочевники "края мира". М., 1972. С. 158 и сл.
19. Иная точка зрения в работе: Литвинский Б.А. Саки, которые за Согдом // Труды АН Таджикской ССР. 1960. Т. СХХ. Не останавливаясь здесь на всей аргументации, изложенной нами в упоминавшемся томе "Археологии СССР", обратим внимание на то, что Б.А.Литвинский игнорирует четкую традицию античных источников о том, что пределом ахеменидской империи на востоке были Сырдарья, поэтому подвластная ей группа саков (дахи, отождествляемые по источникам с "саками, которые за Согдом") не могли проникать к востоку от Сырдарьи.
20. См., например: Оразов А. Хозяйство и культура населения Северо-Западной Туркмении в конце XIX - начале XX в. Ашхабад, 1972; Типы сельского хозяйства Туркестана. Ташкент, 1924; Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. М., 1929; Оразов А. Схема расселения прибалхизских кочевников в конце XIX - начале XX вв. // Вестник МГУ. 1961. № 6; Востров В.В., Мукинов И.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX - начало XX вв.). Алма-Ата, 1968; Андрианов Б.В. Этническая территория каракалпачков в северном Хорезме (XVIII-XIX вв.) // ТХАЭЗ. Т. 3. М., 1958; Еднанко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпачков. М.-Л., 1950.

ПАМЯТНИКИ ДЖЕТНАСАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ (СЕРЕДИНА
ПЕРВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э. - УШ В. Н.Э.)

Дельта Сырдарьи в Восточном Приаралье с глубокой древности являлась местом традиционных зимовок и вместе с тем своеобразным перекрестком исторических путей передвижения скотоводческих племен и народов, зоной постоянных культурных, торговых и этнических контактов между скотоводческими племенами и земледельцами древнейших оазисов Средней Азии и Казахстана. В этом регионе в обширнейшей разветвленной дельте происходили активные процессы взаимодействия различных хозяйственно-культурных типов, а также сложные этногенетические процессы, что позволило С.П.Толстову еще в конце 40-х годов выделить Приаралье как территорию особо значимую в этнической истории, назвав ее "Аральским узлом этногенеза" I.

Именно здесь в бассейне самых северных из древних русел Сырдарьи - Пракувандарьи и Кувандарьи на протяжении полутора тысяч лет развивалась чрезвычайно своеобразная, резко отличная от всех среднеазиатских и казахстанских культур, очень архаическая по своему облику джетнасарская культура. Для джетнасарской культуры характерно сочетание мощных крепостей с монументальной архитектурой с курганным обрядом захоронения, полное отсутствие неукрепленных сельских поселений, размещение городищ небольшими группами (по 8-10 крепостей) непосредственно на берегах древних рек и речных протоков; особая традиционность и консерватизм основных черт культуры на протяжении всей многовековой истории ее существования в регионе. К настоящему моменту известно около 40 джетнасарских городищ, площадь от 2 до 15 гектар, высотой от 8 до 25 метров над уровнем современной поверхности, причем каждое окружено сотнями и тысячами курганных погребений.

По крайней мере с середины первого тысячелетия до н.э. и до середины первого тысячелетия н.э. обитали двухъярусные многослойные городища. Первоначальное ядро каждого состояло из круглой или овальной в плане двух-трехэтажной крепости со сложной фортификацией и сплошной внутренней жилой застройкой. Изначально ряды узких сводчатых помещений и больших подквадратных залов и дворов с плоскими перекрытиями были окружены крепостными стрелковыми сводчатыми коридорами. С последних веков до н.э. вся внутренняя застройка крепостей представляла собой систему из множества однотипных двух- и трехкомнатных жилых секций, состоящих из функционально различных помещений. При этом основная жилая комната во всех случаях сохраняла один и тот же интерьер: напольный центральный открытый очаг и низкие широкие лавки вдоль стен, а также выделенное предвходное пространство. Местоположение каждой секции оставалось неизменным на протяжении столетий, хотя внутри основных стен секции происходили многочисленные перестройки, менялось не только взаиморасположение комнат, но и их число, но всегда сохранялся характерный интерьер основного жилого помещения и общая площадь секции. Каждая жилая секция была связана с определенным отсеком оборонительного стрелкового коридора. Стрелковые коридоры возводились на всем своем протяжении по единому плану глухими отсеками. Поэтому в случаях военной опасности обитатели каждой жилой секции защищали свой отсек оборонительного коридора, снабженного 3-мя бойницами, а гнездовое расположение городищ, при котором крепости находились (внутри каждой группы) на расстоянии не более нескольких километров друг от друга, позволяло с любого городища подавать световые сигналы не менее, чем шести соседним крепостям.

Как выше указывалось, вокруг джетиасарских городищ располагались некрополи, насчитывавшие сотни и тысячи курганов. Каждый курган, обычно окруженный рвом с перемычкой с южной стороны, содержал одно или несколько одновременных грунтовых захоронений, большей частью в простых могильных

ямах с боковыми нишами для сосудов с заупокойной пищей. Но наряду с грунтовыми могилами под курганными насыпями находились и подземные кирпичные гробницы - склепы, встроженные в специальные котлованы, перекрытые сводами или ложным куполом. Интерьер камеры последних представлял собой уменьшенную в несколько раз копию интерьера основного помещения жилой секции соседнего городища вплоть до мелких деталей.

Необходимо отметить, что исследовав сотни помещений и десятки жилых секций, функционировавших на протяжении длительного промежутка времени, мы не смогли выделить какую-либо. Все они равнозначны по размерам, интерьеру основного жилого помещения, планировке. Аналогичная картина наблюдается и в погребальных сооружениях. Это, несомненно, свидетельствует о их равнозначности и в области социальных отношений.

Обусловленные экологической средой некоторые специфические черты комплексного хозяйства джетиасарского общества, где доминирующую роль играло скотоводство, в определенной степени способствовали сохранению типа натурального хозяйства и консервации социальных отношений. Тип хозяйства, а также особенности социальной организации джетиасарского общества в свою очередь отразились на всем облике материальной культуры, придав ей особую архаическую окраску и необычайную устойчивость и консерватизм, несмотря на ряд весьма ощутимых влияний иных культур и этносов в каждый определенный период истории.

Вместе с тем, географическое положение джетиасарских памятников в местах традиционных зимовок, на перекрестке путей передвижений народов, а также определенные социально-экономические факторы, присущие джетиасарскому обществу, способствовали тому, что носители джетиасарской культуры оказались участниками активного этнического и культурного взаимодействия с населением иного происхождения.

Развернутые на базе охранных работ широкие раскопки погребальных памятников в джетиасарском урочище позволили

нам в последние годы исследовать в 16 некрополях около 500 курганов, при этом 12 из вышеупомянутых находятся на небольшом расстоянии друг от друга вблизи одного лишь городища Алтын-асар (городища Джети-асар № 3). Параллельно с изучением погребальных памятников продолжалось проводимое нами в течение нескольких полевых сезонов стратиграфическое исследование джетиасарских городищ. В итоге получен огромный археологический и краниологический материал, позволивший выделить ряд этносов этнокультурного взаимодействия, развивавшегося на территории Восточного Приаралья и расширить их характеристику, данную нами ранее².

На протяжении тысячелетия с последних веков до н.э. в районах бытования джетиасарской культуры наблюдается неоднократное появление чужеродных элементов в материальной культуре, возникновения целых групп "чужих" курганов, "чужих" могильников, строительство единичных городищ с нехарактерной для джетиасарской культуры планировкой и иным керамическим комплексом (например, городище Ашаг-асар, расположенное в 2,5 км к северу от так называемого "Малого дома" городища Джети-асар № 3). Так, в некрополе Джети-асар II/2, находящемся в 4,5 км к юго-западу от городища Томпак-асар, подавляющее большинство раскопанных курганов содержало грунтовые захоронения с отличным от господствующих в джетиасарской культуре типом могильной ямы, с иным погребальным инвентарем, в котором были погребальные сосуды совершенно других пропорций и технологии изготовления, чем характерная джетиасарская керамика. Установлено, что для джетиасарского керамического комплекса типичны сосуды (горшковидные, кувшины, фляги, миски, чаши, кружки и т.п.), изготовленные тщательной ручной лепкой, иногда с частичной подправкой на гончарном круге медленного вращения, обожженные в гончарных печах, покрытие густым красным, красно-коричневым, темносерым и черным ангобом и лощением, часто украшенные прорезным геометрическим и налечным орнаментом. Для джетиасарских сосудов характерна шаровидность тулова, четко выделенное, часто цилиндрическое высокое горло, определенные пропорции, при которых диаметр всегда меньше

или равен диаметру венчика и т.п. Кухонная посуда кострового обжига джетиасарского комплекса имеет свои устойчивые пропорции (например, диаметр дна всегда меньше диаметра венчика) определенное соотношение ширины и высоты тулова и определенную форму венчика) уступ под горлом и целый ряд других характерных деталей.

Вместе с тем, в погребальном инвентаре курганов могильника Джетиасар II/2 встречена и другая керамика, для которой характерны совсем иные пропорции и технология изготовления. Так, например, у кружек цилиндрическая форма тулова, широкое дно и устье; у кувшинов днище намного шире устья, покатые плечики и невысокое, часто лишь намеченное горло. Эта посуда изготовлена гораздо небрежнее ручной лепкой, имеет неровный обжиг до ангобного покрытия, что сделало последний легко снимающимся, "пачкающимся". Аналогичные пропорции имели и "кухонные" горшки кострового обжига.

По найденным в курганах предметам украшения, борта, оружие, а также судя по массовым находкам аналогичной посуды в датированных слоях городища Джети-асар № 12, можно отнести период бытования вышеуказанного могильника к последним векам до н.э.

Интересно отметить, что в некоторых курганах данного могильника, где под одной насыпью располагались веером несколько одновременных погребений, в части могильных ям наряду с "чужими" сосудами с "пачкающим" ангобом были и характерные джетиасарские фляги, кувшины, кружки.

Позднее, уже в первом тысячелетии н.э., подобные сочетания местных и чужеродных элементов в погребальном инвентаре неоднократно повторяются, хотя, очевидно, появляются другие этносы и другие культуры.

Так, к западу и юго-западу от городища Джети-асар № 3 (Алтын-асар) на соседних протоках одного древнего русла довольно четко прослеживается одновременное существование некрополей не только с разными типами погребальных сооружений, но и погребального инвентаря, хотя при этом в таких погребениях встречались одинаковые наборы характерной дже-

тынасарской керамики. Неоднократно отмечались случаи, когда в одном кургане содержалось два одновременных захоронения, но в одной могильной яме в погребальном инвентаре были лишь "чужие" сосуды, а в другой могиле — типично джетынасарская посуда. Зафиксированы и отдельные захоронения, где сочетается джетынасарская посуда с "пришлой" и неместным инвентарем. Так, например, в соседних могильниках — некрополях Алтынасар 4а и Алтынасар 4к, расположенных на расстоянии нескольких сот метров друг от друга на одном и том же берегу одного и того же крупного речного протока, в курганах, датированных одинаковыми комплексами III—IV вв. н.э. (например, тождественными наборами украшений, зеркалами сарматского типа, импортными фибулами и т.п.), отмечены различные типы подкурганых погребальных сооружений, как-то грунтовые ямы с боковыми нишами для сосудов с заупокойной пищей, простые грунтовые ямы, катакомбы. Если в погребениях первого типа были лишь характерные джетынасарские сосуды, то в погребальных сооружениях второго и третьего типа найдена керамика совершенно иных форм, иных пропорций, частью изготовленная на гончарном круте быстрого вращения, керамика, отдаленные аналоги которой находим в предгорьях Кержантау и Каратау, долинах Арыси, Таласа³. В этих же погребениях довольно много деревянной посуды: кружек, чаш, овальных и прямоугольных в плане блюд на коническом поддоне или четырех ножках. При этом необходимо отметить, что сами захороненные во всех трех типах погребений лежат на одинаковых камышовых циновках (или завернуты в них), в одинаковом положении, с одинаковой ориентировкой, в сопровождении погребального инвентаря. В его состав помимо сосудов, входят и одинаковые наборы женских украшений, мешочки с бронзовым зеркалом, брусочком мела и речной раковины, оружие в виде сложных луков, железных кинжалов и мечей, одинаковые пряжки и бляшки, фибулы.

То же можно сказать и о могильниках Алтынасар 4б, Алтынасар 4л, Алтынасар 4о и Алтынасар 4м, значительная часть погребений которых может быть датирована IV—VI вв. н.э. В

могильниках Алтынасар 4л и Алтынасар 4м у многих курганов отличен и тип надмогильного сооружения — вокруг курганной насыпи было сооружено дополнительное земляное кольцо. В этих могильниках преобладающим становится новый тип подкурганного грунтового погребения — подбой, обычно вырубленный под западной стенкой могильной ямы.

Но если в могильнике Алтынасар 4б (как и в большинстве других некрополей, вроде Алтынасар 4в, 4о) подбой отделен от входной могильной ямы обычно слоем камышовых циновок, аналогичных тем, в которые заворачивали захороненного, то в могильнике Алтынасар 4м подбой (а иногда и вся могильная яма) закрывались деревянными решетками. Вообще в некрополе Алтынасар 4м дерева особенно много. Здесь не только деревянные решетки, деревянные детские кроватки, но и разнообразная деревянная посуда, плетеные корзины, деревянные седла, колчаны. Во многих курганах этих могильников (например, могильника Алтынасар 4м) при одинаковых наборах предметов быта, украшений, оружия, наременных бляшек и пряжек и т.п., джетынасарская керамика полностью отсутствует, зато весь набор посуды для заупокойной пищи представлен в дереве. В то же время в других курганах отдельные джетынасарские сосуды стоят рядом с деревянными, а в третьих в закрытых деревянными решетками подбоях встречена лишь характерная джетынасарская керамика.

Взаимодействие носителей джетынасарской культуры с иными племенами в урочище не проходило бесследно и для "джетынасарцев". Так в конце III—IV в. н.э. гибнут в огне военных столкновений многие джетынасарские городища, другие спешно покидаются и забрасываются их жителями, в джетынасарской материальной культуре появляются "чужие" элементы, в том числе и "гуннские". Очевидно, под давлением волны кочевников с востока происходит передвижение больших групп джетынасарского населения в районы Северного Кавказа и далее на запад, а также одновременное передвижение их по правому берегу Сырдарьи на юг и юго-восток, по крайней мере, до районов юго-западной Ферганы.

В то же время джетынасарское население оказывало значительное влияние не только на племена, которые попадали на его территорию и постепенно смешивались с исконными жителями. Это влияние хорошо прослеживается и в районах расселения носителей отарско-каратаусской и каунчинской культур Южного Казахстана и Ташкентского оазиса, а также в более южных областях (в Фергане, Самаркандском и Бухарском Согде, Кеше, Нахшебе, Северной Бактрии) ⁴. Оно проявляется в распространении как самой джетынасарской керамики, так и характерных элементов ее оформления, а также строительных приемов вплоть до определенного стандарта кирпича и новых для указанных районов типов погребальных сооружений. То же можно сказать и о западных районах. Так, исследование последних лет выявило аналогичную ситуацию в некоторых памятниках Северной Осетии того же времени ⁵.

В конце V-VI в. н.э. в самом урочище Джеты-асар перестает функционировать еще ряд поселений, некоторые городища заключаются в кольцо новых крепостных стен, вместо округлых и овальных в плане городищ со сплошной жилой застройкой строятся прямоугольные в плане крепости с фортификацией иного типа без каких-либо следов внутренней застройки, появляются иные типы подкурганных захоронений. Аналоги инвентаря в тюркских памятниках Восточного Казахстана, Тувы, Семиречья позволяют связывать эти изменения с влиянием тюрков. Можно отметить и некоторое увеличение монголоидности среди джетынасарского населения, а также находку древнетюркской надписи на типичном джетынасарском кувшине ⁶.

Об очередной миграционной волне из Джетынасарского урочища на юг и юго-восток в VI-VII вв. дает возможность говорить появление значительного числа характерных форм джетынасарской керамики в районах Средней Сырдарьи, в Семиречье, Чаче.

Еще позднее, в VII-VIII вв. часть джетынасарского населения переместилась из одноименного урочища в районы современных дельт Сырдарьи (так называемая "культура болотных городищ", все элементы которой были известны уже на территории урочища в материалах позднего этапа джетынасарской культуры) и

Амударьи (так называемая "кердерская" культура, в формировании которой джетынасарская сыграла, вероятно, основную роль) ⁷. Данное передвижение было вызвано, скорее всего, гидрографическими и климатическими изменениями, после чего жизнь в Джетынасарском урочище не возобновлялась.

Носители джетынасарской культуры не были простыми ретрансляторами культур различных этнических групп, взаимодействующих с "джетынасарцами" на разных этапах их истории. Жители джетынасарских городищ сами сыграли заметную роль в культурной и этнической истории многих народов Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Северного Кавказа и других регионов.

1. Толстов С.П. Аральский узел этногенетического процесса (тезисы доклада на сессии по этногенезу Средней Азии. Ташкент. 1942 г.) // "Советская этнография", VI-VII, 1947. С.308-310.
2. Андрианов Б.В., Левина Л.М. Некоторые вопросы исторической этнографии Восточного Приаралья в I тысячелетии н.э. // Этнография и археология Средней Азии. М., Наука, 1979 г. С.94-100; Левина Л.М. Джетынасарская культура низовий Сырдарьи: контакт скотоводческих и земледельческих культур Средней Азии и Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, Наука. 1987. С.179-180.
3. Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры районов бассейна Арыси, Каратау и Каржантау в I-VI вв. н.э. // Автореферат канд. дис. М., ИГУ, 1987; Кирилов А.К. Археологические памятники Чаткала // ТИЯЛИ АН Кирг. ССР. Т.5. Фрунзе, 1956. С.3-20; Кожомбердиев И. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С.33-37.
4. Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. ТХАЭ. Т.УП. М., Наука. С.187 и сл.; Левина Л.М. Среднеазиатские связи Джетынасарской культуры в первой половине первого тысячелетия н.э. // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1980. С.170-177; Горбунова Н.Г. Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы // Археологический обзорник Гос. Эрмитажа, № 25. Л., 1984. С.104; N.G. Gorbunova. The Culture of Ancient Ferghana (VI century B.C. - VI century A.D.) BAR International Series 281, 1986, P.262.

5. Десниц Д.В. Керамика Центрального Предкавказья в I-IV вв. н.э. По материалам городища Зилги (Северная Осетия) // Материальная культура Востока. Ч.II. М. 198. Наука. С.171.
6. Кляшторный С.Г., Левина Л.М. Об одной рунической надписи с городища Алтын-Асар // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана (в печати).
7. Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи. С.86-89, 242.

В.П.Айленко

ЕНИСЕЙЦЫ - КЕТЫ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Важным источником по этнической истории древней Средней Азии является историческая ономастика. Названия - это своеобразные паспорта, удостоверения лингвистической и тем самым, как правило, этнической принадлежности проживавшего в регионе населения. На территории Средней Азии имеется значительный пласт названий, засвидетельствованных источниками I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. и не объяснимых ни из иранских, ни из тюркских языков. Следовательно, эти названия оставлены населением иной лингвистической принадлежности. На наш взгляд, ряд названий позволяет выдвинуть гипотезу о присутствии в древней и древнейшей Средней Азии этнических пластов, принадлежавших к австралоазиатскому, сино-тибетскому и енисейско-кетскому кругам. Здесь мы рассмотрим данные о возможном пребывании в среднеазиатском регионе предков енисейско-кетских народов I.

Исследование языков и этнографических особенностей енисейцев - кетов выявило их развитые южные связи². В результате были выдвинуты гипотезы о пребывании енисейцев в начале новой эры на севере Восточного Туркестана и Алтае (А.П.Дульзон) и о завоевании ими, составлявшими ядро гуннского союза, в V-VI вв. н.э. Чача и Согда (Э.Пуллиблэнк)³. На наш взгляд, имеются данные, позволяющие выдвинуть гипотезу о пребывании енисейско-кетского населения в Средней Азии в I тыс. до н.э. и первой половине I тыс. н.э.

Начнем с наиболее устойчивого вида названий - гидронимии. Наименование Амударьи Амудь известно арабско-персидской географической литературе IX-X в. и впервые упоминается в форме Амуде на карте мира ал-Хорезми, выполненной ок. 830-840-х гг.⁴ Поскольку эта карта во многом основывалась на картах греческого географа II в. н.э. Птолемея, не исключено, что название Амудь было заимствовано ал-Хорезми оттуда. Известное И.Нарикартон объяснение названия Амудь - от этнонима народа

амарды – неудовлетворительно ⁵. Нам представляется, что гидроним Амудья должен объясняться из той языковой среды, в которой он существует еще в одном ареале – Западной Сибири, на территории обитания в прошлом енисейского народа ассанов. Здесь название имеет прозрачную кетскую этимологию: ам "мать" + ул' "река", т.е. "мать – река". Хозяину рек, владычцу стихии они называли Ул'ам (Ул' – емам) – именем, состоящим из тех же основ ул' и ам (оба слова общеенисейские) ⁶. Представления енисейцев о реках как матерях – подательницах жизни (и реках – матерях своих притоков – дочерей) породило у них гидронимическую модель, включающую слова мать и река, – отсюда такие их гидронимы, как ассан. Амудья, пумп. Амтат, кет. Амзас (ср. селькуп. Амба). Это архаичная модель гидронимации, ср. санскр. mā sāgā , тайск. me kong и др.

Енисейская этимология названия Амудья находит соответствие в значении иранского ее наименования *vaḫš-*, зафиксированном в греческой передаче *ῥαῖος*, *ῥοῖος* со II в. до н.э. (Полибий, надпись из Тарт-и Сангина), а в составе антропонимов, возможно (в армянской передаче), с IV – III в. до н.э. Этимологически название Вахш восходит к глаголам *vaḫē* "расти, уваличиваться, прибывать" (о растениях, воде) или "разбрызгивать" (о воде, огне) ⁸. Связь названия реки с основой, семантика которой объединяет водный и растительный мир, отражает важнейшую роль Амударьи как подательницы жизни, что обусловило сращивание культа реки с исконным иранским божеством водной стихии и плодородия Ардвисурой Анахитой, почитавшейся применительно к данной реке в ипостаси Вахша ⁹. По свидетельству Беруни, у хорезмийцев Вахш – имя "духа – покровителя вод вообще и Джейхуна (Амударьи) в особенности" ¹⁰.

Таким образом, Вахш как ипостась иранской богини водной стихии и плодородия Ардвисуры соответствует енисейской богине Ул'ам, в силу чего иранское название Амударьи Вахш в функциональном отношении равнозначно енисейскому ее названию Амудья.

На монетах Каниши и других кушанских царей примерно I – II вв. н.э. представлена Нана, проникшая из вавилонского пантеона и олицетворяющая, на наш взгляд, важнейшую реку страны кушан Амударью. Это явствует из "речных" атрибутов иконогра-

фии кушанской Наны – чаши в руке и серпа на голове ¹¹. В.В.Тарн полагал, что божество Окса, т.е. Вахш – Ардвисура, со временем трансформировалось в образ Астарты – Нанайи, чей храм был основным в Бактрах, столице страны ¹². Действительно, значение имени Нана "мать" (ср. санскр. *nānā* "мама" и др.) и "речные" ее атрибуты на кушанских монетах означают, что древнее божество Окса, "мать – река", трансформировалось со временем в Астарту – Нану Бактр и Нану кушан. Таким образом, наименование Амударьи в кушанскую эпоху Наной, "матерью", отражает значение енисейского названия этой реки Амудья "мать река".

Как видно, несмотря на временную разницу в фиксации названий Амударьи Амудья (IX в., не исключено его присутствие на карте Птолемея) и Вахш (IV–III вв. до н.э.), косвенные данные указывают на их вероятное сосуществование около рубежа новой эры. Более полно хронологическое соотношение енисейского и иранского наименований выявляется из анализа авестийского названия Амударьи *vaḥvī dātūā* (Видевдат, I, 2 и др.) ¹³. Оно включает древнеиранское прилагательное *vaḥvī* (*vaḥhvī*) "добрая" и слово *dātūā*, значение которого в составе данного гидронима неизвестно ¹⁴. Смысл его, однако, поясняется среднеперсидской формой данного авестийского наименования – *vāhrōt*, где представлена среднеперсидская форма того же прилагательного – *vāh* и слово *rōt* "река". Система из двух парных элементов: *vāh* – *vaḥhvī*, *rōt* – *dātūā* показывает, что *dātūā* имеет то же значение, что и *rōt*, т.е. "река". Соответствующее искомое слово имеется в енисейском пумпокольском языке – *тат*, *дат* "река", широко представленное в гидронимии кетского региона: Агуйдат, Алчедат, Барендат, Итат и т.д. ¹⁵ Его мы и усматриваем в названии *vaḥvī dātūā* "Добрая река" ¹⁶. Как заметил А.Гумбольдт, "самые древние названия горных цепей и больших рек первоначально почти всюду означали только гору и воду" ¹⁷. Именно это представлено в данном случае – древнее енисейское название Амударьи *dātūā* обозначало просто "реку". Заимствовав его, авестийские иранцы оформили его своим эпитетом *vaḥvī*, что определенно указывает на

хронологический приоритет енисейского названия перед авестийским. Видимо, соответствующий вывод следует и для пары Амуль-Вахш. Если говорить об абсолютной хронологии, то географическую часть I фрагмента Видевдата можно проецировать на первую половину I тыс. до н.э.¹⁸ Следовательно, тогда и бытовало енисейское наименование Амударьи *dat*. Примерно в конце того же тысячелетия, видимо, существовало другое ее енисейское название Амуль¹⁹.

Рассмотрим еще два среднеазиатских гидронима возможного енисейского происхождения. Птолемей (Geogr. VI, 12, 3) приводит название одного из двух основных притоков Яксарта (Сырдарьи) *δῆμος* (codices *δῆμος* cod. Z *ἀῖμος*); Историк IV в. н.э. Аммиан Марцеллин упоминает его в форме *δυμας* (cod. V *δῖμας*) как наименование всей Сырдарьи (XXIII, 6, 59)²⁰.

Близкое название носила и Кашка Дарья - в китайской передаче IV-VI вв. (Ши Вэй) Думо, в истории Тимура Шереф ад-дина Йезди - Тум²¹. Судя по этим передачам, огласовка исходной основы колебалась между о, у, ъ. Аналогичное колебание гласной в основе находим в енисейских названиях рек и лексемах, с которыми может быть сопоставлен среднеазиатский гидроним: пумпок, т.ом, оымское тым, ария. томя, коттск. тума, тум²². Значение приведенной основы - "черный", в гидронимическом узусе она образовала название ряда рек Западной Сибири - Том(ь), Тома и др. Эту основу мы усматриваем и в упомянутых среднеазиатских гидронимах²³. Это находит подтверждение в тюркской кальке названия притока Яксарта Дюмо(с) у Птолемея. Упоминание греческим географом два притока Яксарта, стекающие с тех же гор, что и сам Яксарт - Дюмо и Баскитис вполне корреспондирует с двумя составляющими Сыра Нарыном и Кара Дарьей. По значению енисейское название Дюмо(с) "Черная" соответствует тюркскому названию Кара (Дарья), следовательно, это тюркская калька енисейского наименования данной реки, подтверждающая предложенную кетскую этимологию. Время возникновения этой кальки - гуннское или афталитское определяется появлением тюрков в регионе, имевшим место ок. IV в. н.э. В енисейских языках имеется ряд древнетюркских заимствований, относящихся к скотоводству, металлам и бытовой терминологии²⁴. Выявлен-

ная калька Дюмо(с) - Кара Дарья фиксирует одну из зон енисейско-древнетюркских контактов - Фергану. Другой такой зоной была историческая область Чач, название которой в китайской передаче Чжеше известно с первой половины V в. н.э.²⁵.

Э. Пулдиолэнк считал название Чач енисейским по происхождению и сопоставлял с енисейскими обозначениями "камня" - кет. ты'с, котт. ший, пумпок, чыс при значении китайской и тюркской калек - названий той же области Ши(го), Таш(кенд) "каменная" (страна)²⁶. Впервые тюркская калька упоминается Беруни, но древнетюркское таш и енис. ты'с (и прочие его формы) находятся в тесной генетической связи²⁷, что может указывать на непосредственное калькирование енисейского названия области Чач древнетюркским Таш (кенд). Это могло иметь место не позднее гуннско-афталитского времени, т.е. IV-VI вв., ибо в самом начале VII в. малый хан Ши го "управлял всеми тюркскими княжествами"²⁸, что может быть понято как указание на принадлежность тюркам и самой "Каменной страны".

Продолжим выявление енисейско-иранских ономастических параллелей. Кочевники - неарии обозначались в "Авесте" словом *tūga-* "туранский", *geer.* туранцы. В литературе высказывались различные мнения о границах Турана и этносе его обитателей. Южное пограничье Турана проводится по Сыр-или Амударье²⁹. На последнюю указывают следующие обстоятельства. В I в. н.э., а может быть и раньше, согласно "Цзяньхэньшу", в состав Канцзюя помимо Чача (Юнь) входили также части Согда (Сусле, Фуму) и Хорезм (Юегань)³⁰. Согласно версии Моисея Хоренского, вероятно, основанной на данных Птолемея, и другим сведениям, область Тур соответствует Хорезму³¹. В средневековом иранском сказании об Арише повествуется о проведении границы между Ираном и Тураном в месте падения стрелы, выпущенной этим богатырем из Табаристана в вонзившейся в землю около Балха или Амударьи³². Эти данные позволяют полагать, что пределы авестийского Турана проходили на юге примерно по Амударье, которая, стало быть, и разделяла в какой-то мере иранский и неиранский мир. Имеющиеся в литературе мнения об этнической принадлежности туранцев сводятся к представлениям о том, что они иранцы, либо тюрки, либо кочевники вообще, без этниче-

ского уточнения; последнее представляется наиболее приемлемым ввиду отсутствия определенных данных об этносе туранцев ³³. Некоторый свет на это может пролить этимология самого слова

tūra-, которое считали либо иранским, либо тюркским, что малоосновательно ³⁴. Если обратиться к енисейской лексике, то в ней имеется прилагательное *tur-(*тул-) "чистый" ³⁵. Его мы и усматриваем в авест. tūra-, подтверждение чему заключается в значении названия Согд (который, как отмечалось выше, был составной частью Турана) – др. перс.

Suguda-, авест. suya- из др. иран. *suxta- (от глагола "жечь") "чистый", дословно "сожженная", т.е. ритуально очищенная огнем страна ³⁶. Таким образом, енисейское название страны Тур- и иранское Согд имеют одинаковое значение и одно из них является калькой другого. Рассмотренные выше примеры показали первичность енисейских наименований, что следует и в отношении данной пары известных Авесте названий Туран и Согд.

Ввиду ограниченного объема статьи мы привели лишь некоторые названия, относящиеся к древней Средней Азии, которые могут быть объяснены как енисейско-кетские по происхождению. Мы располагаем гораздо большим числом подобных названий, но должны отметить, что сами по себе ономастические этимологии не обладают доказательной силой: они получают убедительность в комплексе данных экстраономастического свойства – языковых, фольклористических, исторических и т.д. Мы можем подкрепить енисейские этимологии среднеазиатских названий данными о енисейско-иранском контакте в области языка и фольклора.

Древнейшая стадия енисейско-иранских контактов отражена в рассмотренной ономастической номенклатуре "Авесты" и, как отмечалось выше, может быть отнесена к первой половине I тыс. до н.э., причем в это время, видимо, уже существовали отдельные енисейские языки. По заключению С.А. Старостина, в языке предшествующей, пранисейской эпохи иранизмов нет ³⁷. Несколько предположительных енисейских заимствований из протоиранского выявил Я.Харматта: котт. арт'а "верный", "правильный" < ир. *arta-; котт. чак "сила", чага "сильный" < ир. *sak-; котт. чак "спускаться", "сходить" < ир. *sak "идти" ³⁸.

В качестве возможных енисейских заимствований из древнеиранского, на наш взгляд, могут быть определены котт. кунту "сильно" (ср. ир. беркуштукду, то же) < др. ир. gušt- "сильный", кет. оей "ветер" < др. ир. vaayu- то же (в андауке кетских слов в отсутствует и потому в заимствовании передается через б, но в андауте в источника сохранилось: кет. тывей, тывый "южный ветер", но уд'бей "северный ветер"). Вероятным кетским заимствованием из среднеиранского kau- (др. ир. kavau- "царь", "вождь") мы полагаем кет. кий, ир. кей, котт. хийи "вождь", "князец" ³⁹. К среднеиранскому первому (последние столетия до новой эры – первая половина I тыс. н.э.) относятся и общие у кетов и иранцев мифологемы. Соответствие кетского отрицательного персонажа Калмесэм с иранским Ахурамаздой, в том числе ономастическое, выявил В.Н. Топоров ⁴⁰. У кетов известен рассказ о гибели коня и богатыря, параллельный сказанию о смерти Рустама (враги роют яму, куда богатырь и конь падают). Обративший внимание на эту параллель Р.В. Николаев считал, что серия подобных сказаний возникла в скифо-сибирской культурной среде, откуда распространилась на юг (в Среднюю Азию) и запад ⁴¹. В свете гипотезы о енисейцах – кетах в Средней Азии эта параллель, на наш взгляд, естественно объясняется заимствованием кетами среднеиранского эпического мотива. Среднеперсидское (Aš)daha, по нашему мнению, является источником имени культурного героя кетов Доха. Среднеперсидский (Aš)даха, т.е. "змея Даха" – это Aži(š) dahāka младший "Авесты", змеообразное божество доиранского населения Средней Азии. Енисейцы заимствовали его имя у иранцев и восприняли его в свой пантеон в образе Доха, со временем превратившегося в культурного героя. Связь Доха с Дахакой проявляется в его глубоком "змеином" облике: Дох ассоциируется с лебедями, а кетское слово, обозначающее "лебедя" – тух – одновременно имеет значение "змея", т.е. ассоциация Доха с лебедем в представлениях кетов нового времени ранее, в I тыс. н.э. была ассоциацией со "змеем" ⁴².

Таким образом, лексические и фольклорные заимствования из иранской среды в енисейскую являются результатом длительного контакта иранцев и енисейцев. Эти заимствования подтверждают

предложенные здесь енисейские этимологии среднеазиатских названий, представленных в "Авесте", тем, что вводят их в более широкий круг енисейско-иранских контактов. Ономастические данные в свою очередь свидетельствуют, что эти контакты осуществлялись на территории Средней Азии. Начальная стадия контактов может быть отнесена к первой половине I тыс. до н.э., на что могут указывать, с одной стороны, вышеупомянутые кетские заимствования из древнеиранского, а с другой — заимствование иранцами, ариями старшей "Авесты", енисейских названий Амударьи (авест. *dātyā* и ограничиваемой то странн (авест. *tūre-*, ир. *tūgān*). Позднейшая стадия этих контактов относится к первой половине I тыс. н.э., на что указывают енисейские лексические заимствования из среднеиранского, фольклорные мотивы среднеиранского эпоса и младшей "Авесты", заимствованные енисейцами вместе с иранскими именами (Калмесзм, Дох, сюжет с гибелью богатыря и коня в яме), наконец, воспринятые иранцами и тюрками енисейские названия среднеазиатского региона (Чач, Амудь, Тум(а)). Отметим еще раз, что список ономастических соответствий может быть продолжен.

Изложенный материал позволяет сделать следующие выводы исторического плана. Уже в раннем I тыс. до н.э. енисейцы (в числе других народов) обретались на юге Средней Азии, по обеим сторонам Амударьи. Выявленные в литературе сходства енисейских языков с тибето-бирманскими и северо-кавказскими позволяют географическое обоснование при такой локализации енисейцев в указанное время⁴³. Здесь же енисейцы заимствовали лексику и ономастику австроазиатского типа (канг "река", праенино. *кыт- "конь", "лошадь", появившаяся в регионе в середине II тыс. — об этом мы выскажемся отдельно), причем праенисейский характер заимствований указывает на II тыс. до н.э. как вероятное время этих контактов. Вторгнувшись с севера иранские и индийские арии с рубежа II—I тыс. до н.э. оттесняли австроазиатское, сино-тибетское и енисейское население. Енисейцы передвигались на север региона, в область Сырдарьи, где их пребывание в первой половине I тыс. н.э. фиксируется по названиям Чач и Тум(а). Вторжения тюрков (лингвистически фиксируются древнетюркско-енисейские контакты, сказавшиеся и

на этнографическом облике енисейцев) оттеснили енисейцев далее к северо-западу. После середины I тыс. енисейцы через Балхаш и Семиречье (к названию озера ср. кет. *балгаш* "грязь") вышли к верховьям Оби и Енисея, откуда примерно с праимонгольского времени передвигались по названным рекам вниз, постепенно утрачивая или преобразовывая черты народа южного происхождения.

1. Ввиду ограниченного объема материал дается сжато, более подробно будет изложен в другом месте. Напомним читателю, что изолированная семья енисейских языков включает кетский, югский, аринский, пумпокольский, коттский, ассанский языки, из которых живыми являются только два первых, в силу чего енисейские языки называются также кетскими.
2. Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Лингвистические вопросы этногенеза кетов в связи с проблемой вхождения в циркумполярную область // УП международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады. М., 1964. С.9-II; Алексеев Е.А. Южносибирские элементы в культуре кетов // IX международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады советской делегации. Ч., 1973.
3. Дульзон А.П. Кеты и гунны. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1968. II (3). С.139. Pulleyblank E.G. The Hsiung-nu language // Asia Major. 1962.9.Р.239. Русский перевод: Э.Дж. Пуллиблэнк. Язык сюнну. // Зарубежная тюркология. М., 1986. I. С.38-41.
4. Малышев Ю.С. Географическая карта мира Мухаммада ал-Хорезми в интерпретации Боахима Лелевеля. // Хорезм и Мухаммад ал-Хорезми в мировой истории и культуре. Душанбе, 1983. С.160. Форма Амуде является развитием формы Амудь. Карта ал-Хорезми не сохранилась, она реконструирована по экспертам из нее Абу-л-Феди (XIII в.).
5. Marquart J. Bräunlich nach der Geographie des Sa. Moses Chorezmi. В. 1901. S.136. Id. A catalogue of the provincial capitals of Iran. 1884. P.110.
6. Об общеенисейском характере ассанского ул' см.: Дульзон А.П. Общее название реки у кетоязычных народов // Ученые записки Дальневосточного университета. Владивосток, 1962. 5. С.8. Подтверждение енисейской этимологии среднеазиатского гидронима Амудь мы видим в том обстоятельстве, что енис. ул' "река" сохранилось в реликтовом состоянии в сакастанском наименовании растения хаж-и ули. Это название привел Беруни (Избранные произведения. Ташкент, 1974. 4. С.873). Значительная часть сохранившихся в "Фармакогнозии"

сакастанских обозначений растений значится в персидских словарях, некоторые в индийских, но многие из них не поддаются идентификации (Каримов У.И. Предисловие к кн.: Беруни. Избранные произведения. Ташкент, 1974.4. С.45). К числу последних относится и вторая часть обозначения хайшара (карли) жаж-и ули. Персидское жаж (жажа) - это разновидность волчеца, чертополоха (Valliers I.A. Lexicon Persico - Latinum. Bonn. 1864.2.Р.174-175).

В слове же ули мы усматриваем енис. ул: "река", ибо характерной чертой этого растения является произрастание его на реках: Беруни начинает рассказ о нем с указания, что это "растение, произрастающее на берегах рек".

7. Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичилян И.Р. Вотив А.троска из храма Окса в Северной Бактрии // Вестник древней истории. 1985. 4. С.94, 105.

8. Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg. 1904. Sp. 1337.

Розенфельд А.З. Заметки по гидронимии юго-восточного Таджикистана // Топонимика Востока. М., 1964. С.178. Я.Харматта возводил название Вахш к глаголу vaxsh- "разорнигивать" (Harmatta J. Cusanica // Acta orientalia Academiae scient. Hungaricae. 1960.11.Р.198), что менее вероятно.

9. Geiger W. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen. 1882. S.47. Marquart J. Wehröt und Arang. Leiden. 1938. S.34. Tarn W.W. The Greeks in Bactria and India. Chicago. 1985 (reprint). P.102. Realencyclopaedia der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart. 1943.18(2).Sp.2007.

10. Бартольд В.В. Сочинения. М., 1965. 3. С.319.

11. О "водном" характере этих атрибутов см.: Тревер К.В. Золотая статуэтка из селения Хайт (Таджикистан) // Труды Госэтимологии. Л.-М., 1958. 2. С.137. На монетах кушанского царя Хувиши Вахш изображался в мужском образе, что обусловлено греческим влиянием - у греков божества больших рек имели мужской облик, ибо по-гречески слово "река" - по ротамос - мужского рода. Что это результат греческого влияния, показывает изображение Амударьи на кушанских монетах в образе богини Ардохто. Ее имя включает, согласно одной имеющейся этимологии, имя Ardvī- (Ардвисур), а согласно другой этимологии, эпитет vahvī "добрая" (Я.Харматта, В.А.Лившиц и др.); поскольку и то и другое было обозначением Амударьи, мы полагаем, что в образе Ардохто отразилось женское божество основной реки страны кушан Амударьи, принявшее иконографические признаки богини судьбы.

12. Tarn W.W. Op.cit. P.115.

13. Связь названия vahvī dātū с Амударьей помимо прочего явствует из того, что в греческом данное иранское на-

звание отражалось как *axos (тогда как *axos, *oxos - из ир.vaxsh-), а об Охе в античной традиции имелось такое противоречивое представление (см.: Strabo, XI, 7, 3-4; B. I, 9, 2; II, 5), что вся эта путаница про- все всего разрешается предположением, что *axos было эпитетом Окса, ошибочно принятым за отдельную реку в греческой традиции, вследствие чего его помещали в разных местах, но, заметим, в связи с течением Окса.

14. Dātū употреблялось и самостоятельно в качестве гидронима (например, "Ардвисур - яит", ХУІ, II2).

15. Обычно оно употреблялось в составных гидронимах приведенного типа, что соответствует и структуре авестийского наименования vahvī dātū, но изредка употреблялось и самостоятельно - Тет, Тез, аналогично узусу авест. dātū.

16. В иранской передаче dātū, через у, видимо, выражена палатальность енисейского t', конечно же может быть и енисейского и иранского происхождения.

17. Гумбольдт А. Центральная Азия. М., 1915. С.81.

18. Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. М., 1988. С.63, сл., 96-99; Э.Херифельд датировал географическую часть "Видедата" временем ок. 128 г. до н.э., Ф.Андреас - ок. 147 г. до н.э., с ним солидаризировался Г.Нибберг, отметивший, однако, что в ней присутствуют отдельные более древние пассажи. А.Кристensen определил в ней следы метрической организации текста, что указывает на древность метрических пассажей "географии" "Видедата", сравнимую с временем гат (Christensen A. Le Premier chapitre du Vendidad et l'histoire primitive des tribus iraniennes. København. 1943. P. 3-5, sp.74).

19. Полученная хронология показывает, что в указанное время существовали уже отдельные енисейские языки, т.е. праянисейская общность относится ко времени до первой половины I тыс. до н.э. Это указывает, что для дальнейших сопоставлений следует привлекать формы отдельных енисейских языков, а не праянисейские.

20. Согласно Аммиану Марцелину, по горам и равнине в стране согдов текут две судоходные реки Араксат и Димас, образующие Оксийское озеро, т.е. Арал. Араксат - это Амударья, называвшаяся древними авторами также Араксом (Herod. I, 201, 202, 205, 209-211. Strabo, XI, 8, 6). Димас в таком случае Сырдарья, также впадающая в Арал.

21. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1960. 2. С.274; Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С.178. прим. 16; Бартольд В.В. Сочинения. 3. С.31, 205.

22. Перечисленные енисейские основы см.: Дульзон А.П. Общее название реки. С.5-6; Хелимский Е.А. Архивные материалы ХУП в. по енисейским языкам // Палеоазиатские языки. Л., 1986. С.204.
23. Отметим сохранение енисейского аффиксного -а в фиксации среднеазиатского гидронима Аммианом Марцеллином. Конечная сигма в нем обязана грецизации.
24. Поляков В.А. Способы лексической номинации в енисейских языках. Новосибирск, 1987. С.80 сл.
25. Бичурин Н.Я. Указ. соч. 2. С.242.
26. Пул्लибланк Э. Дж. Указ. соч. С.38-41.
27. Поляков В.А. Указ. соч. С.82.
28. Бичурин Н.Я. Указ. соч. I. С.279.
29. См.: Minorsky V.F. *Turan* // *Enzyklopaedie des Islam*. Leipzig, 1931. 1962. I. S.951. Spuler B. *Amu Darya* // *Enc. Iranica*. 1982. I. S.996.
При наличии указания на Амударью как пограничье Турана связь туранцев в Сыр-ом означает не пограничье, а лишь то, что туранцы обитали и по Сыру.
30. Бичурин Н.Я. Указ. соч. 2. С.186. Согласно "Таншу", Канг соответствует области Самарканда (Chavannes E. *Documents sur les Tou - kien (Turcs) occidentaux*. St.-Pb. 1903. P.132). Согласно греческому географу Ш в. до н.э. Эратосфену (у Страбона, XI, 8, 8), Окс отделял согдийцев от бактрийцев, т.е. Амударья была южной границей Согды.
31. Minorsky V.F. *Op.cit.* S.951. Herzfeld E. *Zoroaster and his world*. Princeton. 1947. 2. P.710.
32. Herzfeld E. *Op.cit.* I. P.442-444, Пьянков И.В. Массажеты Геродота // *Вестник древней истории*. 1975. 2. С.64.
33. Мнение о том, что туранцы - общее обозначение кочевников Средней Азии восходит к В.Гейгеру, который собрал данные "Авесты" о различных неарийских народах региона (Geiger W. *Op.cit.* S.194).
34. Так, М.Моле считал его производным от иранской основы *tav- со значением "сильный" (Molé M. *Le partage du monde dans la tradition iranienne* // *Journal asiatique*. 1952. 240 (4). P.459). Такое значение, однако, подходит к этнониму, а не хорониму. Р.Фрай отмечал единую основу названий *tur-an* и *tur-k*, оформленную в обоих случаях суффиксом множественного числа, соответственно иранским и тюркским; в основе он усматривал "обозначение какого-то тотема пратюрков Центральной Азии" (Фрай Р. *Наследие Ирана*. М., 1972. С.66-67). Аналогичность суффиксации - хороший аргумент, однако данная этимология отпадает по той причине, что, если говорить о

- тотеме, то из числа свойственных тюркским языкам обозначений животных и птиц известно лишь тюркское *tur* "козленок, теленок" (Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1905. III. 2. Стб. 1442), мало подходящее для тотема "быстроходных", как они называются в "Авесте", туранцев.
35. Его реконструировал С.А.Старостин по итгскому *tud-en* "чистый" (Старостин С.А. *Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков* // *Кетский сборник*. Л. 1982. С.217). В коттском, аринском, пумпокольском при зафиксированном итгском *tud-en* ожидается **tur-* по соответствию их р итгскому *d*.
36. Об этимологии названия Согды см.: Harmatta J. *The origin of the name Sogdian* // *Acta classica Universitatis Debrecenensis*. 1977. 13. P.3-6.
37. Старостин С.А. Указ. соч. С.204.
38. Harmatta J. *Proto - Iranians and Proto - Indians in Central Asia in the 2nd millennium B.C. (linguistic evidence)*. // *Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности*. М., 1981. С.80.
39. О других трактовках кетского слова см.: Пул्लибланк Э. Дж. Указ. соч. С.58; Старостин С.А. Указ. соч. С.213.
40. Топоров В.Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии // *Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье*. М., 1981. С.150.
41. Николаев Р.В. *Солнечный конь* // *Скифо-сибирский мир*. Новосибирск, 1987. С.154-155.
42. У сибирских народов по одному культурному герою, у кетов их два - Альбэ и Дох, что свидетельствует о заимствованном характере одного из них.
43. Необходимо разъяснить антропологический аспект. Кеты представляют собой смешение монголоидных и европеоидных рас, и можно предположить, что черты монголоидности у них приобретенные, ибо в I тыс. до н.э. в Средней Азии монголоидов не было.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРЕДЫСТОРИИ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

Цель настоящего доклада — выяснить, какой этнос занимал Среднюю Азию и восточную часть Иранского плато в I тыс. до н.э., какова этническая природа таких хорошо известных народов, как бактрийцы, согдийцы, хорасмийцы, арахи, саранги, арахи и т.д. Обычно, по утвердившейся традиции, их называют восточными иранцами, но при этом не всегда бывает ясно, какой смысл вкладывают в это определение (этнический или просто географический).

По мнению автора, все эти народы представляют собой отдельную этническую общность, отличающуюся как от западных иранцев, так и от восточных; под последними нужно понимать для I тыс. до н.э. скифские (в широком смысле) народы, говорившие на восточноиранских языках. По основным своим этническим признакам выделяемая общность занимает промежуточное положение между западно- и восточноиранскими общностями, поэтому ее можно было бы назвать "центральноиранской" (имея в виду, что это название, подобно названиям "западно- и восточноиранский", будет иметь этнический, а не географический смысл). В то же время, по всей совокупности своих признаков центральноиранская этническая общность — вполне самостоятельная и имеет достаточно четкие границы. Наметить пути для обобщения этих положений автор и попытается в дальнейшем тексте доклада (привести полную аргументацию здесь, конечно, невозможно).

Если взглянуть на этнографическую карту, то предполагаемая этническая общность окажется явным территориальным прадщественником таджикского народа. Совпадение территории этой общности с исторически засвидетельствованной территорией расселения таджиков — действительно велико, хотя нужно заметить, что сама по себе географическая преемственность двух этносов еще ничего не говорит об этнической преемственности

их, тем более — о монополярной преемственности. В данном случае этническая близость двух сопоставляемых этносов — налицо, но приходится констатировать, что прямой и непрерывной преемственности между ними не было (поэтому и речь идет только о "предыстории", а не, скажем, о "ранней истории").

Центрально-иранская этническая общность, как и другие подобные общности, оставила после себя определенное культурное наследие, включающее и словесные, и вещественные памятники. К числу первых относятся Авеста и в основе своей — вся примыкающая к ней более поздняя зороастрийская литература. Данные Авесты часто трактуются как общеиранские или неопределенно как "иранские". Но следует сказать, что они целиком и полностью укладываются в географические и хронологические рамки центрально-иранской этнической общности. Следует заметить, что все авестийские тексты безусловно должны быть датированы доахеменидскими временами. К более позднему времени может относиться, самое большее, лишь перекомпоновка уже имеющихся авестийских текстов по традиционным образцам. К числу вещественных памятников относятся материалы широкого круга археологических культур, эталонным памятником для которых обычно принимается Яз I—III (включая чустскую культуру и соответствующие археологические памятники Афганистана: Тиллятепе, Нади-Али, Мундигак У—УП и др.).

Центрально-иранская общность имела и свое этническое имя: "арья". Таково было ее самоназвание, что засвидетельствовано Авестой. В ней дан и перечень стран арьев: среднеазиатские и восточноиранские области; Персии и Мидии как-будто и не существует. Если считать этот перечень просто списком иранских стран, то состав его будет совершенно не понятен, особенно если учесть, что Видевдат, в котором содержится этот перечень — самая поздняя часть Авесты, составленная к тому же в Западном Иране, видимо, в Рагах — самой западной из перечисленных стран. Имеется множество различных толкований указанного перечня как отражения той или иной политической общности — преимущественно Аршакидского государства на том или ином этапе его истории. Но все они совершенно неубедительны,

т.к. сводятся просто к механическому сопоставлению территорий — так можно примеривать авестийский перечень к любой политической общности восточного Ирана любого времени, вплоть до Афганского государства. Перечень будет понятен, если считать его просто списком тех стран, которые являются арийскими именно с точки зрения составителей Авесты. Как известно, "арьями" называли себя и западные, и восточные иранцы, и индийцы, но с точки зрения составителей Авесты они не были таковыми.

Рассматриваемая этническая общность была известна и древним грекам под названием "арианов" — названием, производным от "арья". Причем любопытно, что если проследить первоисточники сведений греков об арианах, то окажется, что все они восходят к данным, полученным непосредственно от центрально-иранских народов. Перечень стран арианов приводит Эратосфен. Исследователи обычно возводят этот перечень к тем или иным политическим общностям — опять-таки преимущественно к Аршакидскому государству, несмотря на прямое указание источника на то, что он имеет этническое содержание и несмотря на тот факт, что Эратосфен вообще не располагал сведениями о современном ему Парфянском государстве — сведения его относятся к более раннему времени. После Эратосфена о странах арианов рассказывал Аполлодор Артемидский. Он, видимо, определял принадлежность к арианам по языковому признаку.

Данные Авесты, Эратосфена и Аполлодора о территории обитания арьев в основном совпадают. Но если их выстроить в хронологической последовательности, то по ним можно наметить и некоторые изменения в границах, что вполне естественно в течение столь длительного отрезка времени. Все эти данные письменных источников можно конкретизировать с помощью, в общем, совпадающих с ними археологических данных о территории распространения памятников типа Яз. К сожалению, такие памятники на всей территории проживания центрально-иранских народов обнаружены нерасширенно, что затрудняет использование археологических данных.

Разрозненные упоминания о народе "камбоджей" в индийских и некоторых античных источниках, противоречивые на первый взгляд, кажется, тоже будут понятнее, если считать, что "камбоджи" — это общее наименование центрально-иранских народов, обитавшее у индийцев. Возможно, что и персы употребляли это название в том же смысле (если имя "Камбиз" — действительно этнофорное). Понятно, что индийцы и западные иранцы, называвшие себя "арьями", не могли употреблять это слово в качестве этнического имени центрально-иранской этнической общности.

История центрально-иранской этнической общности как целостной общности укладывается в рамки I тыс. до н.э. Проблема сложения этой общности, разумеется, не может быть обсуждена в настоящем докладе во всем своем объеме. Ограничусь лишь некоторыми общими соображениями. Местом сложения указанной общности следует считать, согласно Авесте, страну Арьянам-Вайджа, которую нужно локализовать, если строго придерживаться указаний источников, в бассейне верхней Амударьи. Это была большая страна, которая примерно соответствовала Бактрии (в широком смысле) более позднего времени (в авестийские времена название "Бактрия" употреблялось лишь в узком смысле — оазис Балха). Очевидно, страну Арьянам-Вайджа нужно считать прародиной именно центрально-иранских народов, а не вообще иранцев, как часто говорят, т.к. авестийские арии — это только центрально-иранские народы. Такое мнение, как будто, подтверждается и археологическими данными, т.к. здесь же обнаружены и древнейшие памятники типа Яз I. Сам процесс сложения центрально-иранской этнической общности был достаточно сложным. Этот процесс, видимо, сложился из двух этапов. На первом происходило наложение протоиранского слоя на какой-то местный автохтонный субстрат, представлявший собой, скорее всего, одну из групп древнейшего доиндоевропейского населения, современным реликтом которого являются буршики. Эти события не нашли отражения в Авесте, но на них указывают многие другие данные, и, в частности, археологические. Археологически они могли быть засвидетельствованы такими памятниками, где андроновские элементы накладываются на культуру местного не-

олиты, типичного для горных областей Средней Азии и соседних регионов. Такие памятники открыты в настоящее время таджикскими археологами. На втором этапе происходило наложение уже обособившегося центрально-иранского этноса на более ранний индоиранский субстрат и их сосуществование в течение некоторого времени. Этот процесс нашел широкое отражение в Авесте и других материалах – возможно, даже более широкое, чем обычно полагают. Археологически он выражен в смене памятниками типа Яз I памятников типа Намазга VI и в их частичном сосуществовании. Все это обусловило своеобразие центрально-иранской этнической общности.

Важным этапом в этнической истории центрально-иранских народов было вхождение их в широкое объединение, во главе которого стояли правители, носившие титул "каши". Судя по древней и очень устойчивой традиции, центр этого объединения находился сначала в современном Афганистане, а потом в Балхе (Бактра), т.е. в пределах центрально-иранской этнической общности. Создание древнебактрийского царства археологически, видимо, выражено в переходе от этапа Яз I к этапу Яз II. Гипотеза о доахеменидском Хорезмийском царстве мне представляется совершенно искусственной конструкцией. О некоторых каши говорится, что они правили всеми арийскими (т.е. центрально-иранскими) странами. Это, конечно, способствовало консолидации данной этнической общности.

Позднее центрально-иранские народы входили в состав государственных образований уже иноэтнического происхождения: ахеменидского и эллинистических. Но в политических и административных границах этих образований часто вполне отчетливо проследиваются географические контуры центрально-иранской этнической общности. Археологически собственно ахеменидский этап в истории центрально-иранских народов представлен, видимо, памятниками типа Яз III, хотя одновременно с ними могли существовать памятники типа Яз II. Археологические памятники эллинистического времени выделяются достаточно четко и о их своеобразии нет нужды говорить. В эту эпоху на территории обитания центрально-иранских народов появилось

много западных иранцев, греков и других чужеземцев. Центральнo-иранские народы подверглись мощному культурному воздействию со стороны Передней Азии, но они, судя по многим признакам, упорно сохраняли свою этническую самобытность.

Новая ситуация сложилась в период от IV по I вв. до н.э. В этот период в разное время и с разных сторон на территорию расселения центрально-иранской этнической общности проникают во множестве восточные иранцы, которые создают там новые государственные образования и постепенно ассимилируют местное население. Несколько позже с запада начинается наступление западных иранцев. В результате этого центрально-иранский этнос, конечно, не исчез, но сплошной его ареал был разорван и остались лишь отдельные изолированные очаги.

Единственный центрально-иранский язык, дошедший до нас в связанных текстах – это язык Авесты. В современных классификациях иранских языков он занимает обособленное место – промежуточное между западными и восточными иранскими языками. В нем выделяется диалект Гат – первоначального ядра Авесты, который несколько ближе к восточно-иранским языкам. Скорее всего, языки отдельных центрально-иранских народностей – бактрийцев, ареев, сарангов, арахосиев и других – отличались один от другого не более, чем на уровне диалектов.

Язык Авесты еще в прошлом веке называли бактрийским. Но Хеннинг определил в качестве бактрийского язык кушанских памятников – совсем иной, восточно-иранский язык, и с тех пор название "бактрийский" за ним и закрепилось. Однако правомерность такого определения вызывает очень большие сомнения. Письменность для этого языка была создана при Канишке или его ближайшем предшественнике, которые происходили из среды пришлых завоевателей – тохаров (печчи). И было бы очень странно, если бы эти цари составляли свои надписи не на своем языке, а на языке местного населения, изобретая для него новую письменность. Аналоги такой ситуации было бы трудно подыскать. Это тем более вероятно, что судя по археологическим данным, пришлые тохары быстрее устанавливали контакт с греческим и эллинизированным населением, чем с местным иранским, упорно придерживавшимся своих древних обычаев. Как бы

то ни было, никаких следов существования т.н. "бактрийского" языка в Бактрия до вторжения тохаров-иечки - не имеется. Известные нам имена бактрийцев вроде бы не обнаруживают никаких черт, характерных для этого языка. А недавно ставшее известным бактрийское имя "Атросок" находит прямое соответствие в Авесте. Очевидно, т.н. "бактрийский" язык - это восточно-иранский язык скифского народа тохаров (иечки), пришедших в Бактрию во II-I вв. до н.э., и его правильное было бы назвать "тохарским", если бы это, к сожалению, не низывало терминологической путаницы.

Сложнее обстоит дело с языками согдийцев и хорасмиев. Известные по памятникам согдийский и хорезмийский языки - восточноиранские. Но памятники эти относятся к эпохе, намного более поздней, чем расселение племенами. Вполне возможно, что окранные восточно-иранские народы, наиболее тесно соприкасавшиеся с восточными иранцами, в это время перешли на восточно-иранскую речь. Видно, не случайно, что хорезмийский и согдийский языки обнаруживают следы специфических связей с авестийским, и возможно, что это субстратные следы первоначального языка хорасмиев и согдийцев.

Местные центрально-иранские языки могли сохраниться и после прихода восточно-иранских кочевников. Еще к сасанидскому времени относится известие о каком-то языке Балха. А в более поздние времена источники говорят о персидских местных языках Балха, Термеза, Хутталя и других областей, причем наряду с тохарским.

Все это хорошо согласуется с тем, что мы знаем о письменности центрально-иранских народов, которые пользовались арамейским письмом, доставшимся им в наследство от канцелярий ахеменидских сатрапов. Но у них существовала и своя собственная письменность, т.н. "неизвестная", нерасшифрованная, письменность, памятники которой разбросаны на территории расселения центрально-иранских народов, но преимущественно в Бактрии, и относятся ко времени между V в. до н.э. -

III в. н.э. Недавняя находка такого памятника на Айханум со всей определенностью свидетельствует, что этой письменностью пользовалось именно местное население Бактрии - негреческое и дотохарское. Случай употребления этого письма в трилинге рядом с т.н. "бактрийской" версией свидетельствует, что язык "неизвестной" письменности отличается от т.н. "бактрийского" языка Кушанов. Очевидно, "неизвестная" письменность была исконной письменностью центрально-иранских народов, которой они пользовались и в глубокой древности, и позднее, когда они в отдельных очагах говорили на т.н. "местных" языках, нетохарских и персидских.

Считается, что авестийский язык не оставил прямого продолжения среди более поздних иранских языков. Но в Афганистане и Пакистане еще и доныне сохранились реликтовые языки ормури и парачи, которые, как и авестийский язык, занимают промежуточное положение между западными и восточными иранскими языками. Иногда почему-то полагают, что близость этих языков к западно-иранским языкам предполагает миграцию носителей их из Западного Ирана на восток в сравнительно позднее, историческое время, как будто непринадлежность их к восточно-иранской группе обязательно свидетельствует о приходе с запада. Думается, что это не так. Многие факты указывают на глубокую древность и значительно более широкое, чем сейчас, распространение этих языков в прошлом: они, или близко родственные им языки, послужили субстратом для некоторых диалектов белуджского и афганского языков, носители их населяли многие оазисы как к югу, так и к северу от Гиндукуша, в т.ч. Мазари-Шариф (рядом с Балхом). Можно поставить вопрос: не являются ли языки ормури и парачи реликтами центрально-иранских языков?

Существуют и другие черты, характеризующие центрально-иранскую этническую общность и в достаточной мере свидетельствующие о ее самобытности.

Физический облик представителей этой общности отличался восточносредиземноморским антропологическим типом. Антропологические материалы, сопутствующие памятникам типа Яз, довольно скудны - это, видимо, объясняется своеобразным погре-

бальным обрядом, практиковавшимся носителями культур "язовского" круга, обрядом выставления. Но и имеющийся материал позволяет предполагать, что восточносредиземноморский антропологический тип был свойственен носителям этих культур с самого начала. Данный факт может иллюстрировать роль этнического субстрата центрально-иранских народов, т.к. предшествовавшее им население характеризовалось тем же антропологическим типом. Впрочем, здесь нужно учитывать, что и андроновцы, среди которых вероятнее всего искать протоиранцев — прямых предков центрально-иранских народов, нередко имели, особенно в Западном Казахстане, тот же тип. Современные же центрально-иранцам степные народы, их соседи на севере, антропологически отличались от них. Разумеется, речь идет лишь о преобладающих типах. Непроходимого антропологического барьера не было. Иной антропологический тип был, видимо, и у западных иранцев того времени. Центральные иранцы долго сохраняли свойственный им антропологический тип. Показательно, что в захоронениях, совершенных по обряду выставления в разных его разновидностях, вплоть до пенджикентских наусов, преобладает восточносредиземноморский тип, в то время как в курганных и грунтовых могильниках давно уже господствовали иные типы, в частности, тип среднеазиатского междуречья.

Очень интересна проблема социального строя центрально-иранской этнической общности. Характерной чертой социального строя Средней Азии в эпоху раннего средневековья, довольно хорошо освещенной источниками, была выдающаяся роль военного сословия, представители которого являлись и землевладельцами. В источниках того времени они назывались дикканами. Но вся совокупность источников — Авеста, античные известия и археологические данные — свидетельствуют, что та же черта была свойственна социальному строю центрально-иранских народов и в значительно более раннее время. И тогда у них ведущую роль играло военное сословие, которое традиционно называлось "колесничими", хотя фактически это были не столько колесничие, сколько тяжеловооруженные всадники. Именно они, видимо, жили в укрепленных "усадебках", хорошо известных археологам. Во главе их стояли "властители" (састары), жившие во дворцах на

высоких платформах или на "скалах". А наиболее могущественные из "властителей" были и "владыками областей". В зарубежной литературе давно уже принято называть этих владетелей "рыцарями" и "баронами". И надо сказать, что сходство тут, во всяком случае внешнее, действительно велико. И оно подтверждается ставшими сравнительно недавно известными изображениями бактрийских тяжеловооруженных всадников.

Источники позволяют поставить и интересный вопрос о происхождении этого сословия. В более поздней мифологической традиции первым "владыкой области" считался Хушент, а первым дикканом — его брат. Хушент носил прозвище "парадата" ("пишад"). То же прозвище (в форме "паралаты") носили, как известно, "парские" скифы: именно эти скифы вторглись с востока в Северное Причерноморье и подчинили местное земледельческое население, которое позднее стало называться "скифами-земледельцами и пахарями". Может быть, и в Средней Азии первоначальными носителями центрально-иранского этноса были удачливые завоеватели, происходившие из среды пастушеских, степных или горных племен, со своими дружинами, подчинившие и постепенно ассимилировавшие автохтонное земледельческое население. Такой вывод, в общем, согласуется с традиционным представлением о том, как распространялись иранцы по Иранскому плато.

В ходе дальнейшего процесса этнической консолидации центральных иранцев, очевидно, был и другой существенный момент. Знаменателен такой факт: в период Яз I вся фортификация, похоже, была направлена на то, чтобы отгородить обитателей дворцов на платформах от окружающего сельского и прочего населения, и лишь в период Яз II появляются оборонительные стены вокруг всего поселения. Это, мне кажется, позволяет проследить и изменения в степени этнической обособленности разных социальных слоев населения. Конечно, этот процесс сопровождался и какими-то событиями большого социального значения. Я думаю, что на гребне этих событий и поднялся Зороастр со своей проповедью, время которого, если слекотать традиционной дате, как раз и приходится на начало периода Яз II. Идеология первоначального зороастризма — это идеология

крестьянства, направленная не только против кочевников, но и против враждебных местных "властителей".

Своеобразие центрально-иранской этнической общности проявляется вполне отчетливо и в области духовной культуры. Представления народа о своем происхождении обычно выражаются в генеалогических легендах. Такие легенды у индоиранских народов очень разнообразны, но все они обнаруживают глубокую генетическую связь между собой и, видимо, восходят к общим древним архетипам. По-видимому, с самого начала генеалогические легенды существовали в двух вариантах: социальном и этническом, хотя впоследствии они самым причудливым образом переплетались и сливались друг с другом. Оба варианта представлены в Шахнаме и, поскольку прототипы их прослеживаются в Авесте, их можно считать центрально-иранскими по своему происхождению. Социальный вариант представлен преданием о Кей-хусре и его сыновьях, в том числе Хушенге, а этнический — преданием о Феридуне и его сыновьях. Сравнивая архетип этих легенд с версией Авесты, а затем с версией Шахнаме, можно проследить, как рационализировались эти легенды, превращались в "историю". Но путь эволюции этих легенд здесь — свой, совершенно иной, чем, например, у скифов или индийцев. Так, этнический вариант генеалогической легенды в древнейшем его виде включал мотивы борьбы прародителя с горным драконом, брака с речным божеством, похищения коров и т.д. В Шахнаме он представлен в виде сказания о борьбе с Зохаком. Авестийская версия этого сказания — где-то на полпути между указанными крайними версиями, хотя, видимо, все же ближе к версии Шахнаме.

Здесь мы подходим к вопросу об историческом эпосе центрально-иранской этнической общности. Обычно каждая общность имеет свой цикл исторических преданий, свой исторический эпос. Имели его и центральные иранцы, но, как ни странно, в наиболее полном виде он дошел до нас в составе персидско-таджикского исторического эпоса — Шахнаме, в ее окончательном виде оформленной, как известно, великим Феридуном. Центральные-иранские предания составили не только большую часть этого эпоса, но и в повествовании о ранних временах и вообще

подменили собой первоначальный персидский эпос.

Если в той части Шахнаме, которая повествует о ранних временах вплоть до Кейнидов включительно, изъять поздние наслоения, заимствованные из сакского и парфянского циклов, то оставшаяся основа будет довольно точно соответствовать эпосу, отраженному в Авесте. Звеном, искусственно соединяющим эту основу с более поздней, собственно западно-иранской частью, является фигура Бахмана, отождествляемого с Артаксерксом. В целом же Ахемениды удивительным образом оказались исключенными из персидской "Книги царей", хотя известно, что у древних персов существовал цикл сказаний о них.

Как ни близки этнически западные иранцы к центральным, это явление все же требует объяснения. Думается, что парфяне к этой подмене совершенно непричастны, т.к. их никак нельзя признать носителями центрально-иранского эпоса. Видимо, единственное объяснение заключается в следующем. Эпические предания центрально-иранских народов распространялись вместе с зороастризмом, тоже возникшим в среде центральных иранцев. Уже при Ахеменидах в Западном Иране можно уловить следы центрально-иранских эпических сказаний. В дальнейшем авторитет зороастрийской религии способствовал все большему распространению и выдвижению на первый план именно центрально-иранского эпоса. Не случайно хранителями его выступают маги. Известно, что и Сасаниды, при которых оформился персидский эпос "Книги царей", сами были сначала магами — служителями храма Анахиты, зороастрийского божества среднеазиатского происхождения. Не случайно, может быть, и то, что хранителями центрально-иранских эпических традиций являлись дехканы.

Центрально-иранская этническая общность имела и свою систему религиозных верований и обрядов, и свои, весьма специфические, погребальные обряды. Но остановиться подробнее на всем этом здесь, к сожалению, нет возможности.

Вся сумма рассмотренных материалов позволяет, мне кажется, говорить об отдельной этнической общности, которую можно назвать центральноиранской. Будучи вполне самостоятельной, она в то же время занимает промежуточное место между западноиранской

и восточноиранской этническими общностями. По некоторым признакам она ближе к западноиранской общности, чем к восточноиранской.

Прямой и непрерывной связи с более поздним этносом на той же территории — таджикским народом она не имеет, тем не менее, многие важные элементы культуры и даже специфические черты социального строя, засвидетельствованные для таджиков на протяжении их истории, уходят своими корнями в культуру центральноиранских народов, без изучения которых невозможно понять ни прошлое, ни настоящее таджикского народа.

1. История таджикского народа. Т. I. М., 1963.
2. Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Отв. ред. Б. А. Литвинский. М., 1972.
3. Дандамаев М. А., Луко-нин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
4. The Cambridge History of Iran. Vol. II, III (1, 2). Cambridge, 1985, 1983.
5. Frye R. N. The history of ancient Iran. München, 1983.

Б. А. Ахмедов

ЗНАЧЕНИЕ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ В ИЗУЧЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

К числу слабо разработанных проблем истории Средней Азии и Казахстана относятся сложные вопросы этногенеза и этнической истории.

Для изучения наиболее ранних периодов этнической истории важное значение имеют "Авеста", священная книга зороастрийцев, древнейшие части которой отражают исторические реалии начала I тыс. до н. э., а также "Хвадай намаг" ("Книга о владыке")¹, в котором изложена история древнего Ирана и временно подпавших под его владычество народов и стран, до Сасанидов включительно. Правда, оригинал этого сочинения не сохранился. Не дошел до нас и его арабский перевод, выполненный в сер. УШ в. замечательным стилистом, поэтом и переводчиком знаменитого индийского сборника сказок "Панчатантра" (известного у нас под названием "Калила и Димна"), Абдаллахом ибн Мукаффи. Перевод ибн ал-Мукаффи был известен под названием "Китаб сияр ал-мулук" ("Жизнеописание царей"). Но к счастью, "Хвадай намаг" не пропал бесследно. Важнейшие части сочинения сохранились в "Уййун ал-ахбар" ("Источники преданий") ибн ал-Кутайбы (ум. в 889 г.) и в знаменитой "Истории" Табари (838–932). Из среднеперсидских письменных источников назовем еще "Шахристан-ха-йи Иран" ("Города Ирана"), составленное в VI в. н. э.² В этих трудах можно встретить сведения и о древних жителях Средней Азии и Казахстана.

Ценные сведения по древнему периоду этнической истории Средней Азии и Казахстана, в частности о саках, тохарах, кангха, их хозяйственной жизни и торговых связях с Индией содержатся в эпической поэме на санскрите "Махабхарата" ("Сказание о великой битве бхаратов"), древнейшие сюжеты которой восходят ко второму-первому тысячелетиям до н. э., а поздняя редакция датируется началом I тыс. н. э.

Для изучения древней истории Средней Азии и Казахстана, вернее саков, массагетов, бактрийцев, согдийцев, хорезмийцев и др. чрезвычайно ценны сведения древнегреческих и римских историков и географов: Геродота (У в. до н.э.), Эфора (IV в. до н.э.), Страбона (I в. до н.э. – I в. н.э.), Помпея Трога (I в. до н.э. – I в. н.э.), Плиния (I в. н.э.), Климента Александрийского (II в. н.э.), Элиана (II–III вв. н.э.) и др.³

Немаловажное значение в изучении древней истории Средней Азии и Казахстана, особенно этнической истории населявших ее в прошлом народов (усунь, кангюйцев, даев, юэжи, согдийцев и др.) имеют китайские хроники: "Исторические записки" Сыма Цяня (конец II – начало I в. до н.э.), "История старшего дома династии Хань" (25–265 гг. н.э.), "История дома Вэй" (386–581 гг.), "История дома Суй" (581–618 гг.), "История северных дворов" (VII в.), отдельные фрагменты из которых, в переводе на русский язык, были опубликованы в свое время выдающимся синологом Н.Я.Бичурным⁴. Они в основном отражают агрессивную политику феодальных правителей, но тем не менее содержат ценные сведения о торговых и политических связях Китая со Средней Азией (особенно с Киргизией, Ферганой и Ташкентом) и с Казахстаном.

Небезынтересны также сведения китайских путешественников: Сун Юня (519 г.), Сюань-цзана (ок. 639–645), Хой Чао (726 г.) и др.⁵

Весьма ценные сведения содержат арабоязычные, персоязычные и тюркоязычные сочинения IX–XV вв. Из их авторов хотелось бы здесь отметить ал-Балазури (ум. в 892 г.), ат-Табари (839–923), ал-Истахри (849–934), Ибн Хаукаля (X в.), ал-Иа'куби (ум. в 897 или 905 г.), ал-Мас'уди (ум. в 956 г.), Иа'кута (II79–I229), Яхмуда Кашгари (род. между I029–I038); Гардизи (XI в.), Фахр ад-Дина Мубарак-шаха Мерверруди (вторая пол. XII – нач. XIII вв.), Рашид ад-Дина (I247–I3I8), Шараф ад-Дина 'Али Нездзи (ум. в I454 г.), Улутбека (I394–I449).

Труды арабоязычных авторов (Балазури, Табари, Истахри, Мас'уди и др.) важны тем, что в них мы находим ценнейшие сведения о расселении тюркоязычных племен⁶ на территории Средней Азии и Казахстана, в том числе в пределах оазисов Бухары,

Самарканды, в Шаше, Фергане, Чаганиане, Хутталане, Тохаристане (область в верховьях Амударьи) и Дихистане (область в юго-восточной части Прикаспия, севернее р.Атрек); в них со-держится и описание совместной борьбы тюрков и согдийцев про-тив арабских завоевателей.⁷ Так Табари, сообщая о событи-ях 54/674 г. писал, что арабский наместник Хорасана, Убайдал-лах [ибн Зийад] переправившись через реку (Амударья – Б.А.) отправился "к горам Бухары на верблюдах. Именно он был пер-вым, кто, идя против них, перешел через горы Бухары во главе войска. И он завоевал Раштун и половину Байкенда, а оба они принадлежат к Бухаре... Убайдаллах ибн Зийад встретил в Бу-харе тюрков, а с их царем была его жена Кабадж-хатун..."⁸. Заслуживает внимания сообщение этого источника о 2.000 от-личных тюркских стрелков "мечущих деревянные стрелы (нуш-шаб)", которых Убайдаллах ибн Зийад привел из Бухары в Басру⁹, по-видимому для несения какой-то особой военной службы. Цен-ны и сведения историка о поражении, которое потерпел от сог-дийцев и тюрков новый арабский наместник в Хорасане Са'ид 'Абд ал-'Азиз (720–722), за что он был прозван Са'ид Хузейна (госпожа Са'ид) и смещен со своего поста; о кровопролитном сражении Асад ибн 'Абдаллаха (наместник Хорасана в 724–728 и 735 гг.) в Хутталане с тюрками и их хаканом; в этой битве большая часть арабского войска была перебита, а оставшиеся в живых попали в плен; о кровопролитном сражении между ара-бами и тюрками у селения Сидра в области Балха (на месте или около нынешней Ахчи), в котором на стороне хакана участвова-ли царь Согда, владетель Шаша Курсул, Харабугра, владетель Хутталана тохарский джабгуу и турки ал-Хутталая. Когда же хакан осадил арабов в Балхе, то на его стороне стояли маве-раннахры, жители Тохаристана во главе с джабгуу и 30.000-ным войском¹⁰.

Для изучения этнической истории народов Средней Азии и Ка-захстана большую ценность представляет известный географиче-ский труд анонимного автора "Худуд ал-'алам" ("Границы мира"), оставленный в 983 году¹¹. В нем мы находим важные сведения о расселении многих тюркских племен: тогузгузов, ятма, хирхиз (киргиз), халлух (карлук), чигил, тухси, кимах, гузз,

печенег, кипчак и др.

Как видно, в VI—VII вв. турки играли большую роль в политической жизни Средней Азии, и не только в политической жизни. Правильно отметил академик Б.Г.Гафуров: "с VI—VIII вв. турки начинают играть существенно важную роль в среднеазиатской этнической истории" ¹².

Важные сведения о расселении в Средней Азии тюркских племен (башанак, кипчак, огуз, йамак, баштырт, басмил, кай, йабаку, татар, киргиз, чигил, тухси, йагма, играк, жарук, кумул, уйгур и др.) приводит Махмуд Кашгари ¹³.

Сведения Табери и Махмуда Кашгари о тюрках и тюркских племенах Центральной и Средней Азии и их расселении подтверждают Гардизи (XI в.) и Фахр ад-Дин Мубарек-шах Мерверуди (вторая полов. XII — нач. XIII вв.). Например, у последнего читаем: "... На востоке вилайета тюрков расположена страна Чин, с запада граница Туркестана соприкасается с Румом, с севера она проходит по стене Гога и Могога, а с юга проходит по снежным вершинам гор Хиндустана..."

Этот же автор сообщает, что у тюрков была письменность: [они] "знали тайны волшебств и небесных светил; обучали детей грамоте. У них было два вида письма: один — сутлский, другой — тогузгузский. В сутлском [писюме] было 25 букв и отсутствовало три: "аа", "аа" и "тайн"; пишется справа налево. [При этом] буквы не соединяются друг с другом... Тогузгузское письмо... состоит из 28 букв; пишется справа налево; [при этом буквы] друг с другом не соединяются..."

Турки также умеют слагать стихи — касиды и рубаи... Племена у тюрков многочисленны... Названия их следующие: турк, йамак, киргиз, чигил, анмур, харлух, клинк, йагя, салук, халадж, огуз, ...гай, ...кай, уран, тухси, тибат, кара тибат, сакулай, кимджи, камак, хазар, кара хазар, хифчак, алти гузз, кара гузз, тогузгузз, йагма, аракун, кийак, салтыр, йазгир, рукур, баяндур, алашандулик, уйгур, тутрак, байат, тутурга, дучатан, суйик, йабагу, эфшар, бакриз, бекили, йоба, откух, лй'зутар, урул, дартелик, басмил, ал-Барсхан" ¹⁴.

Фахр ад-Дин Мерверуди указывает на те же границы расселения тюркоязычных народов, что и Махмуд Кашгари ¹⁵.

Остановимся еще на некоторых источниках.

Широкоизвестный труд Рашид ад-Дина, основанный на достоверных сведениях, является неоценимым источником для изучения этнической истории тюркоязычных народов Средней и Центральной Азии. Большое место в своем труде Рашид ад-Дин уделял истории более чем пятидесяти тюркских и тюрко-монгольских племен, населявших империю Чингиз-хана и его потомков. При этом ученого занимают такие вопросы, как история появления их на исторической арене, разветвления их на разные подразделения и роды, как жизнь предков и видных предводителей каждого племени. Из сообщений Рашид ад-Дина явствует, что в числе племен преобладали племена тюркского происхождения. Заслуживает внимания исследователей еще и тот факт, что такие племена, как джалаир, сунит, татар, меркит, курмаут, таргут, уйрат (ойрат), тумат, булгачин, теленгут и др. по происхождению были тюрками и только во времена Чингиз-хана стали называться монголами. Вместе с тем многие монгольские племена: урянкат, кенгурат, уряут, хушин, сулдус, илджурин, баят, кингит, катакин, салджуит, тайджуит, чинас, сиджуит, урут, дурбан, баарин (бахрин), барулас, хазаркин, джурат, будат, дуглат, йисут, сукан, кунгият во времена Чингиз-хана, а возможно несколько раньше, отюречились ¹⁶. Наиболее крупными и организованными из тюркских племен были керит, найман, онгут, тангут, уйгур, бакрин, киргиз, карлук и кипчак ¹⁷. Характеризуя их всех, Рашид ад-Дин пишет: "Их обиталища (юрт) и становища (макам) были в определенных местах. Их внешний облик и язык похожи на внешность и язык монголов, потому что в (древности) монголы были народом, принадлежащим к тюркским племенам." ¹⁸

Большой этнографический материал содержит "Зафар-наме", труд историка эпохи Тимура Шафар ад-Дина Али Йезди. В нем приведен перечень более сорока племен и народностей: турк, арлат, узбек, асс, уйрат, ит барак, уйгур, башкирд, бимас, татар, таджик, токмак, тенжит, тайджуит, туржмен, джалаир, дурман, салджуит, шамйан, халадж, доглат, сулдус, ганчи, хазара ганчи, сайхут, кипчак, казак, хазара казак, чотир, кззак, кара татар, кара хитай, кара калканлик, киргиз, гар-

лук, калмак, конгурат, кангли, кият, кайан, кайтаг, келечи, малжар, могул, мекрит, манкут, мумак, мангит, найман и др.¹⁹ Среди этих названий племен есть такие, которые не упоминаются ни в числе пришедших с Чингиз-ханом племен в XIII веке, ни в составе т.н. узбеков Шейбани-хана (нач. XVI в.). Это племена: арлат, туркман, кангли, сайхут, шамйан, кара татар, кара хитай, казак, хазара казак, чотир казак, ганчи, хазара ганчи, мумак. Примечательно, что здесь отдельно упоминаются несколько этнонимов крупных этносов — узбек, таджик, казак и родовые ответвления последнего: хазара казак и чотир казак²⁰.

Надо отметить также исторический труд Улугбека "Тарих-и арба' улус" ("История четырех улусов")²¹. Он интересен тем, что в нем мы находим новые сведения о появлении этнонима "узбек", как собирательного имени для всего турко-монгольского населения восточной части Дашт-и кипчака задолго до воцарения здесь Узбек-хана (1312–1341). Рассказ автора по этому поводу вкратце сводится к следующему "Узбек-хан ибн Торгул после смерти Токтай-хана в 712/1312 г. воссел на престол в улусе узбеков (дар улус-и узбек). В течение восьми лет после восшествия на престол он жил в области (мамлакат) Аржа Дашт-и кипчака, проводил время на охоте, в увеселениях и знакомился с улусом. После этого, по настоянию Самца Ата, в 720/1320 г. он принял ислам и его святейшество прозвал его Мухаммад Узбек-ханом. Владеа за ним большая часть населения улуса тоже приняла мусульманство...²² Из этого следуют два вывода:

1. Территория восточной части улуса Джучи еще до Узбек-хана называлась улусом узбеков.

2. Узбек-хан через восемь лет после своего восшествия на престол обратил население своего улуса в ислам.

По XVI–XVIII вв. мы располагаем большим количеством источников. Основные из них: "Таварих-и гузиде, нуорат-наме" ("Избранная история, книга побед") анонимного автора, "Шейбани-наме" Камал ад-Дина Бинаи и Мухаммад Салиха, "Михман-наме-йи Бухара" ("Книга бухарского гостя") Фазлаллаха ибн Рузбехана, "Тарих-и Абу-л-Хайр-хани" Мас'уда ибн Усмана Кухистани,

"Бабур-наме" Бабур, фундаментальный труд Хафиз-и Таныша Бухари "Шараф-наме-йи шахи" ("Книга шахской славы"), "Шаджара-йи турк ва могул" ("Генеалогия турков и могулов") Абу-л-Гази-хана и очень интересный, но малоисследованный труд Мухаммад Вафа-йи Керминеги и Алим-бека "Тухфат аль-хани" ("Ханские подарки"), известный также под названием "Тарих-и Рахим-хани" ("Рахимханова история").

В этих сочинениях приводятся не только названия и перечни туркоязычных племен, переселившихся среднеазиатское междуречье и Казахстан в XVI–XVIII вв. Как показывает тщательное изучение данных источников, массив турко-монгольских племен, переселившихся из Дашт-и кипчака в средне-азиатское междуречье в самом начале XVI века вместе с Шейбани-ханом и составивших один из поздних этнических компонентов в сложении узбеков, по численности был невелик. Согласно "Таварих-и гузиде, нуорат-наме", "Шейбани-наме" Бинаи и "Тарих-и Абу-л-Хайр-хани", он состоял из 24–26 племен: кушчи, бургут, найман, уйгур, курлаут, гирайли, кият, конгурат, тангут, ички, дурман, ябагу, хитай (потомки древних киданей), чимбай, шункарлы, шадбаклы, ийджан, каучин, мангит, джургун, минг, бачкырл (башкырл), маджар, салур казан, ички байри²³. По "Шараф-наме-йи шахи", составленной в конце XVI в., число их — более сорока: бахрин, беш юз, дурман, джалаир, кенегес, мангит, минг, маджар, найман, алчин, арлат, судгуз, тонгярук, уйгур, халадж, хитай, ширин, утарчи, кангли, катаган, кипчак, конгурат, кият, аргун (аргын), ябу, мутал, саджават, тубан, тума, кераит, карлук, сарай, турк, уйшин и др.²⁴ По данным Махмуда ибн Вали (XVIII в.) число их превышает пятьдесят. К тем племенам, которые приведены в "Шараф-наме-йи шахи" добавлены: буйрак, кырк, курама, дугдак, юз, келечи, узз, кулан акилы, кука араб, куш аяк, уйрат, буличи (булгачи), мекрит, фулавчи, шабят, месит и др.²⁵

Сведения Махмуда ибн Вали совпадают с материалами "Шаджара-йи турк ва могул" и "Тухфат аль-хани".

Надо сказать, что и здесь, у Улугбека и авторов XVI–XVIII вв. встречаются новые имена племен, отсутствующие в составе турко-монголов Чингиз-хана и узбеков Шейбани-хана, а именно: алчин,

ябу, торк, тонгярук, буйрак, дугдак, келечи, узз, кока араб, месит, шабайт, ширин, катаган, саджават, сарай, кулан аянли, куш аяк, фулавчи, беш юз, кирк. По-видимому часть их (алчин, ябу, торк, тонгярук, буйрак, дугдак, келечи, узз, катаган, халадж) относятся к тюркоязычным племенам VI-X вв., пришедших в среднеазиатское междуречье в составе турков Каганата и государства Караханидов, часть же (месит, шабайт, саджават, сарай, фулавчи, ширин, без юз, кирк) относятся к тюрко-монгольским племенам Дашт-и кипчака и Семеречья, перекочевавшим в упомянутый выше регион в XIII-XIV вв. во времена Чагатайдов.

В сочинениях XIV-XVII вв. приводятся не только названия тех или иных племен, но и указываются территории их расселения, роль и место того или иного племени в общественно-политической жизни страны и в военном строе узбекского войска. Прекрасной иллюстрацией к этому мог бы служить специальный раздел "Бахр аль-асрар", опубликованный в свое время В.В.Бартольд²⁶. В этом отношении интересны упомянутые выше сочинения Мухаммад Вафа-и Керминеги и Алим-бека, где указывается состав некоторых племен и территория их расселения. Так, в XVII-XVIII вв. племена бахрин, етти уруг и джалав-ры заселяли Миянкалат; кенегеси - Шахрисабз и его область; мангыты - в основном Карши; сарай - Хузар; буркуты - Нур; дурмены - Кубадиян; юзы и утарчи - Хисар, Ура-тубе и Ургут; кырки - Джизак; конгураты - Байсун и Киптут и т.д. Историк приводит интересные сведения о роде или племени ябу (входившем в состав племенного союза етти уруг) и обитавшем между селениями Туржестан и Шахарах в Миянкалате в тумане Самджан, о родах шади и мерке из племени юз, обитавших в Ургуте и Хисаре²⁷.

В XVI-XVII вв. в литературе ("Шараф-наме-и шахи", у Турли Фараги и др.) появляются сообщения о 92 родах, а в некоторых сочинениях, в частности в "Маджма' ат-таварих" ("Собрание историй") ферганца муллы Сайф ад-Дина Ахсикети (XVI в.), "Насаб-наме-и узбек" ("Генеалогия узбеков"), "Асамя-и навали ду фирка-и узбек" ("Названия девятиности двух узбекских родов") и в "Тухфат ат-таварих-и хани" - приводится

полный их перечень.

Мы отметили здесь, в качестве примера, лишь отдельные сочинения средневековых авторов. Цель наша была лишь привлечь внимание исследователей к значимости письменных памятников и изучению этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. При этом мы даем себе полный отчет в том, что во-первых, на данных только одного сочинения делать далеко идущие выводы научно неприемлемо, а во-вторых, любой вопрос истории должен разрабатываться на базе всех источников: вещественных, письменных этнографических и фольклорных; путем их комплексного изучения.

1. О нем см. Розен В.Р. К вопросу об арабских переводах "Худай-наме" // "Восточные заметки". СПб., 1895. С.153-191.
2. Текст его издан Блошэ в Париже в 1895 г. См. также: Markwart J. A catalogue of the provincial capitals of Ebraukah (Pahlavi text version and commentary). Roma, 1931 (Analecta Orientalia, N 3).
3. См. Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н.э. - III в. н.э.). Хрестоматия. Под редакцией Л.В.Баженова. Ташкент, 1940. С.19-25, 126-127, 133.
4. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Сочинение монаха Иакинфа. Ч.I-III. СПб., 1851. Второе издание: Бичурин Н.Я. (Макинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Редакция текста, вступительная статья и комментарии А.Н.Бернштама и Н.В.Конера. Т.I-III. М.-Л., 1950-1953.
5. Chavannes E. Voyage de Song yun... BEKFEQ, t.III, 1903; Buddhist records of the western world. Transl. by S. Beal, vol. I-II, London, 1906; W. Fuchs. Hiei Chao Pilgerreise durch Nordwest- und Zentral-asien im 726. SPAW, 1938.
6. Мы останавливаемся только на источниках по этнической истории тюркоязычного населения; что же касается ираноязычного, то они рассмотрены в известной книге академика Б.Г.Гафурова. (Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С.27-43, 83, 203-210, 370-373 и др.).
7. Балазури. Китаб футух аль-булдан. Каир, 1901. С.417, 422, 440; Истахри. Description d'orient musulmane auctore al-Istakhri, Lugduni-Batavorum, 2-ed, 1927 (BSA, 1).

- С.9, 212, 216. Мас'уди. Мурудж аз-захаб ва мада'ин ал-джавахир. Каир, 1909. С.245, 247; История ат-Табари. Перев., прим. В.И.Беляева. Подготовка к печати О.Г.Большакова и А.Б.Халидова. Ташкент, 1987. С.44, 181 и др.
8. История Табари. С.44.
9. История Табари. С.44.
10. История Табари. С.181, 242-244, 247, 248, 251 и др.
11. После Бартольда и Минорского этот труд был издан в Иране (1962), Афганистане (1342 х.с.) и Душанбе (1983).
12. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Москва, 1972. С.371.
13. Махмуд Кошгарий. Туркий сўзлар дёвони. Т.1 Ташкент, 1960, 64-бет.
14. Tarikh-i Fakhru'd-Din Mubarakshah being the historical introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Din Mubarakshah Marwar-rudi compiled in A.D. 1206. Ed. from unique Manuscript by E. Denison Ross, London, 1927. P.37-38, 40-45, 47.
(Чтение названий многих племен требует специального исследования и уточнения).
15. Там же. С.37-38.
16. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. С.92-125, 156-197.
17. Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т.1. Кн.1. С.125-151.
18. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. С.92.
19. Шараф ад-Дин 'Али Йезди. Зафар-наме. Ташкент, 1982. Сведения о названиях тюркских племен разбросаны по всему труду, извлечены и объединены автором доклада.
20. Шараф ад-Дин 'Али Йезди. Зафар-наме. Л.6а, 21а, 42а, 45б, 54а, 68б, 71б, 105б, 119б, 148б, 155а, 258б, 270б, 275б, 276б, 277б, 300а, 302а и др.
21. Об этом сочинении подробно см. Ахмадов Б.А. Улутбек и его исторический труд "Тарих-и арда 'улус" // Сб. Из истории эпохи Улутбека. Ташкент, 1979. С.35.
22. Тарих-и арда 'улус, ркп. Британского музея, инв. № АДД 16190. Л.122а.
23. Таварих-и гузиде, нусрат-наме. Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица ссылок оглавлений А.А.Акрамова. Ташкент, 1967. С.276, 285, 288, 325 и др.; Камал ад-Дин Банаи. Шейбани-наме, ркп. ИВ АН Уз. ССР, инв. № 844. Л. 1б, 2а, 3а, 4а, 5б, 13ад и др.; Тарих-и Абу-л-Хайр-хани, ркп. ИВ АН СССР. С.478. Л. 218б, 220аб, 224б, 229б, 230б, 233а.
24. Сведения о них разбросаны по всему труду.
25. Сведения о них разбросаны по всему труду.

26. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVI веке. Соч. Т.П. Ч.2. М., 1964. С.388-399.
27. Тухфат аль-хани, ркп. ИВ АН Уз. ССР. Инв. № 2604. Л. 63б, 69б, 106а, 107а, 120б и др.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ в УШ-ХУ вв.

(этнос и феодальное государство)

При изучении этногенеза народов Средней Азии должна быть учтена монгольская и тимуридская эпохи, во время которых действовали такие важные факторы, как переселения народностей и племен, усиление кочевнического тюркского элемента в массе всего населения, социально-культурное воздействие пришлых племен. Эти факторы тесно связаны с феодальным государством, его акциями, его природой, его структурой.

Накануне монгольского завоевания усилилось проникновение тюркского, прежде всего, кипчакского элемента в Среднюю Азию. Это были кипчакские контингенты в составе войска хорезмшахов в разных частях их государства¹. Проникновение кипчаков отмечают источники еще при Текеше². В окружении матери хорезмшаха Мухаммеда Теркен-Хатун было много выходцев из кипчакских племен. Она сама была из огузской или кипчакской аристократии — из племен баят или урани.

Происходит сильное отторжение Хорезма. Плано Карпини заметил, что там говорят на кипчакском языке³.

С востока в середине XII — начале XIII вв. идет другая волна — продвижение кара-китаев, карлуков и некоторых других племен Притяньшанья и Семиречья. Значительные их массы переходят на службу к хорезмшаху. Так, правитель Отрара Тадж ал-Дин Бильге был кара-китайским ханом. Следующий правитель Отрара был кипчакским предводителем из окружения матери Мухаммеда.

В городах Средней Азии еще в XII веке тюркская речь была почти слышна наряду с таджикской, о чем свидетельствует, например, сообщения Мухаммеда ал-Багдади, секретаря Текеша⁴.

После завоеваний чингизидов некоторая часть монголов переселилась в Среднюю Азию. Известны 4 тысячи войск Джагатай и их предводители: Караджар из племени барлас, Мугэ из племени кунгират, Джагатай "малый" из племени сунит и Хошук (Коших) из племени сулдус⁵. В основном это проникновение шло в Семиречье

и через него в Мавераннахр. Орда Джагатай кочевала в районе Или и была также как орды первых Джучидов, центром притяжения монгольских и монголо-тюркских племен. В 1260-х гг. источники отмечают переселение в Среднюю Азию племен джалаири и барласов, быстро отторженных.

В XIII веке арлаты расселились в северном Афганистане и Бадахшане, каучинцы — в Фергане, в Южном Таджикистане, в районе Термеза, джалаиры — у Ходжента и Ангрена, барласы — в районе Кашкадарьи у Каша, кунгираты в районе Ташкента, сулдус — в районе Балха и т.п.

Многие племена, объединенные монголами и вовлеченные в их завоевательное движение, были различного, преимущественно тюркского происхождения. Среди них упоминаются: джалаир, сунит, татар, меркит, курлут, тергут, ойрат, тумат, будгачин, теленгут, урянкат. Рашид ад-Дин говорит о них как о племенах "ныне известных под именем монголов"⁶.

Многие монгольские племена были отторжены еще в Центральной Азии или потом в Дешт-и-Кипчаке и Средней Азии. Монгольского хана из династии Джагатаидов Ибн Баттута называет тюрком.

После монгольского завоевания в Семиречье, а затем и в Мавераннахре усилился так же каракитайский, карлукский, тангутский и в некоторой степени китайский этнические элементы⁷. Сын карлукского хана Арслана получил от Менгу-каана в 1250-х гг. Узгенд с округой⁸. Позднее эта группировка карлуков в Семиречье сохранилась как обособленная масса довольно долго и потом только вошла в состав узбеков. Использование карлуков и уйгуров в управленческом аппарате при монголах способствовало усилению влияния этого этноса в Средней Азии. Уйгурский этнический компонент в XIII-XIV вв. более силен сравнительно с предшествующим временем и в Хорасане.

Проникшие на территорию Средней Азии в XIII-XIV вв. тюрко-монгольские кочевнические племена сливались с тюркским полуседлым населением, обосновавшимся в Средней Азии еще в предмонгольскую эпоху (карлуки, туркмены, уйгуры, кипчаки, кайлы, огузы и др.). Монгольское нашествие вызвало массовые переселения племен и народностей, живших в Средней Азии задолго до прихода монголов. Например, Рашид ад-Дин сообщает, что при

взятии Джэнды и Янгиента монголы заставили 10 000 кочевников-турков (туркмен) идти с ними на Хорезм, но некоторые из них бежали в Мерв и Амударью⁹.

Давление переселившихся в Среднюю Азию монгольских и тюркских народностей, кочевников, по преимуществу, занявших равнинные пространства Средней Азии, заставило коренное население в некоторых районах уйти в горы. Так, в Таджикистане, по свидетельству этнографов, жители ряда горных кшлаков считают своей первоначальной родиной равнинные районы Куляба, Бухары, Самарканда, а начало своих горных поселений относят к XIV-XV вв.

Переселение турков в Среднюю Азию продолжается в XIV веке и в XV веке. При Тимуре в результате походов против монгольских правителей Семиречья было вывезено оттуда в Мавераннахр множество пленных, главным образом, турков и монголов. В Мавераннахре образовался значительный контингент турков-гулямов¹⁰.

Походы Тимура и Тимуридов способствовали перетасовыванию старых улусов. Были разгромлены многие улусы в Моголистане: так, например, Тимур развезал во время походов на Моголистан улусы племен бахринов, джалаиринов, которые Тимур разделил на курены и отправил в Самарканд. Тимур разгромил кипчаков Семиречья, бывших под водительством Сары-Бугта.

В числе приведенных Тимуром племенных были и булгаты из махмурчьи Или и Иртыша¹¹.

Улугбек во время победоносных своих походов в Моголистан взял в плен и вывез в Мавераннахр множество монголов и расселил значительное их число по всей державе. Часть этого монгольского населения Улугбеком была отправлена к Шахруху в Герат.

После победы ояратов в 1470-1471 гг. на Или сколо 10 000 монголов Дуус-хана откочевали в Ташкентскую область и Фергану, усилили и без того сложный родоплеменный состав этих областей.

С другой стороны, имели место частые рейды узбеков Дешти-Кипчака вглубь государства Тимуридов, образование их постоянных поселений и кочевий в Хорезме.

При Абу-Саиде значительная часть дештских аргынов из кочевых узбеков из районов Сырдарьи откочевала в Мавераннахр и потом участвовала во взятии Герата в 1457-1458 гг.¹²

Добавим, что в конце XV века значительная группа мангытов из Дешт-и-кипчака переселилась в Мавераннахр.

Вообще, следует сказать, что монгольские и тимуровские войны были существенным фактором в этнической истории Средней Азии. Мы наблюдаем мощное воздействие государства на этнос. Имеет место большая мобильность ряда племен и народностей. Например, монгольское племя кара-татар было переселено при Хулагу в Иран, на границу с Сирией и в Малую Азию. Тимур переселил их оттуда в Мавераннахр (30 000 семей). Во время перехода они восстали в Мазандаране, и только после смерти Тимура часть из них переселилась в Хорезм, как сообщает Абд ар-Реззак Самарканди¹³. С какой легкостью дали и переселяли кочевые образования Тимур, свидетельствует такой пример, взятый из "Зафар-наме" Низам ад-Дина Шами. Тимур приказал, чтобы "всех джунгурбанийцев" (джагуни-курбани, видимо, туркменское объединение в Хоросане), разделив между эмирами, переселили в Мавераннахр. По прибытии в Самарканд Тимур отправил Али-Бека (главу этого объединения) в Андижан, где он был позднее казнен, а джунгурбанийцев переселил в Ташкент¹⁴.

Однако, следует заметить, что по заключению антропологов, эти перемещения монгольской и тимуридской эпох не вызвали существенного изменения антропологического облика населения Средней Азии. Сохранился старый антропологический тип (раса Среднеазиатского Междуречья). Но, все же к XIII-XV вв. относится некоторое усиление монголоидности, главным образом в восточных и северо-восточных районах.

Таким образом мощным этнополитическим фактором была сильная централизованная власть, государство, осуществлявшее завоевание и переселение народностей и племен.

Перемещения племен и народностей в XIII-XIV вв., роль их в процессах этногенеза в Средней Азии следует увязать с изучением особенностей улусной структуры монгольских ханств - Джучидского, Хулагуидского, Джигаидского. Новые, по сравнению с домонгольской эпохой, феодальные структуры, крупные кочевые улусы по-новому кроют этническую карту Средней Азии и Казахстана. В XIV-XV вв. складываются в Средней Азии новые этнополитические общности.

Существенную роль в этнических процессах в Средней Азии монгольского периода сыграл улус Хайду — потомка Угедая, возникший в середине XIII века. В его границах объединились территории Семиречья, Прииртышья, части Мавераннахра, и соединились и перемешались местные племена, племена, припленные с монголами и те, которые привел сам Хайду с Востока. Подобные крупные улусы были сильным этнополитическим фактором. При Хайду возвысилось в Семиречье племя дуглат, распространившееся и в Мавераннахре.

Хайду много воевал на Востоке с уйгурами, одерживал над ними победы и, вероятно, значительная масса уйгуров волилась в ту смесь племен и народов, которую представляло собой его государство.

К середине XIV века Семиречье (Моголистан) при Тогдук-Тиму-ре политически отделяется от Мавераннахра. Тюрки Мавераннахра, собственно Джагатаидского улуса, называют кочевников — моголов "джете" (разбойники), моголы зовут джагатаев Мавераннахра — "караунасами" (метисы, чернь). Политическое разграничение Мавераннахра и Моголистана отложилось и в этнической истории Средней Азии, приводя к обособлению будущих узбекской и киргизской народностей.

Там, где было больше всего пришло монголо-тюркского этноса, сильнее всего сохранялись и кочевые традиции — в Семиречье. Преобладание кочевых традиций в Моголистане выражается во множестве фактов. Характерно, что те ханы джагатаиды, которые ориентировались на кочевническую знать, имели свои орды-ставки в Семиречье, те джагатаиды, которые стремились к союзу с купечеством, оседлой знатью, горожанами переносили свои ставки в Мавераннахр (в Карши). Переносы ставки хана, как центра притяжения кочевых племен, также способствовали перемешиванию различных этнических групп на Востоке Средней Азии и в Мавераннахре.

Эти особенности Семиречья — Моголистана отразились в этногенезе киргизов, привели к интенсивному смешению с джун-кипчакскими и сибирскими этническими группами.

В Мавераннахре под властью Джагатаидов, а потом Тимуридов складывался среднеазиатский этнос — джагатаи и джагатайский

(староузбекский) язык.

В XIV-XV вв. термин "джагатаи" имеет следующую семантику:

1. Государство — улус Джатаи, в XV веке как наследство прошлого, доставшееся Тимуридам.

2. Привилегированная конная часть армии.

3. Народ, тюркский, преимущественно кочевой этнос, как противоположность городским жителям — сартам, таджикам.

Крупные феодально-государственные образования получают в XIV-XV вв. новые названия, и эти названия, вначале — этнополитические, становятся затем этнонимами, ими называют весь народ. Так возникают такие этнонимы, как татары, джагатаи, моголы, узбеки, ногаи (мангыты), казахи, шейбаниды (в XVI в. так называли подданных Мухаммеда Шейбани). Это — новые наименования народа, по имени хана, по его происхождению, прозвищу или по прозвищу народа, данному соседями (татар, казах, могол). Эти названия отличаются по своему характеру от более древних племенных названий, как отличаются новые улусные объединения феодальной эпохи от первобытных племен. Иногда используются старые племенные названия (татары, мангыты) для этих новых объединений, но это как бы "вторичное" использование этих старых этнонимов. Более древние наименования племен и союзов племен входят в эти этносы как подразделения племен и союзов племен, что старые племенные образования распадаются, и осколки их входят в новые объединения. Этот процесс среди кочевников Джун-и-Кыпчака в Средней Азии шел и раньше, но особенно он усилился после монгольского завоевания, благодаря рассмотренным выше причинам. Так получилось, что в новых образованиях (узбеки, казахи, чагатаи, ногаи и др.) встречаются одни и те же наименования подразделений: кыпчак, арлат, барлас, мангыт, кунрат, сундуз, кыят, каучин и др.

Таким образом, другим мощным этнополитическим фактором было разделение на крупные государства-улусы.

Кочевники-тюрки на территории Средней Азии в XIII-XIV вв. создавали "улусы" и "илы" под главенством беков. Именно эти улусы составили вооруженные отряды этих беков. Известен улус джалаири в районе Кашка-Дарья, уничтоженный Тимуром в 1376 г. Джалаиры частично откочевали в другие места, частично перешли

к осадности на перифериях этого улуса в долине Анграна. Назовем так же улус ойратов в Хоросане в XIV в. во главе с эмиром Шейх Али, сыном эмира Али Кушгчи и эмиром Аргуном из семьи Джани-Курбани. Отряд кипчаков во главе с Сары-Бутгой, разгромленным Тимуром в Семиречье, был в составе армии Тимура вместе с кипчацким кошуном Османа-Бахадура. В составе армии Тимура были также отряды из племени меркит, сулдуз. В армии султана Хусейна был отряд в 1000 конников из джалаилов. Группа из племени найман жила в Мавераннахре в XV веке¹⁵. Примеры могут быть умножены. Все это были кочевые улусы-или, и их владельцы, их держатели происходили из кочевой аристократии. Таким образом, турки-монгольский этнос, пришедший в Среднюю Азию в XIII-XV вв. представлен, главным образом, военно-кочевыми объединениями. Это — кочевое население Средней Азии и главная сила армии Джатаидов, а потом — Тимуридов. Беки и их отряды из племен барлас, минг, кипчак, каучия, уйгур, борин, арлат и др. часто упоминаются на страницах истории Средней Азии.

В монгольскую и тимуридскую эпоху интенсивно шел процесс перераспределения феодальных уделов-улусов, илий, а в связи с этим и расщепление, и объединение кочевых групп.

Предводитель улуса-или обычно давал новому объединению свое имя или прозвище, или имя своего прежнего рода или племени. Например, в Семиречье в XV веке группа из племени канглы стала именоваться "бекчик" по имени своего предводителя Бекчика¹⁶.

При комплексном археолого-этнографо-историческом исследовании удалось установить, что именно в монгольско-тимуридский период в районах Нижнего Узоя образуется новая этническая группировка "огурджали", в которую входят осколки разных племен туркменов: кара ойлы, джеджи, эрсаринцы, сакары, и турков (ширван из Азербайджана), и каких-то осколков турецкого населения Золотой Орды, на что намекают сообщения Абул-Гази о том, что в переселении сюда народностей и племен участвовали золотоординские ханы Джанибек и Бирдибек. Эта группа оставила так называемую "актамскую культуру"¹⁷. Название этой группировки происходит или от имени их предводителей, или от названия центра расселения. Новые этнические группы возникали в резуль-

тате вхождения в один удел-улус¹⁸. Таким образом, перераспределение населения по мелким улусам и илиям, представлявшим феодальные ленные держания, было еще одним мощным этнополитическим фактором.

Сложный этнический состав имел город в Средней Азии в XIII-XV вв. Строительство новых городов в быстрые исторические сроки на базе привлечения материальных и людских ресурсов, добытых во время завоевательных войн, было характерно для монгольской эпохи и продолжалось при Тимуре.

При монгольском завоевании толпа разноэтничных пленных, которых монголы тянули за собой (хашар), оседала постепенно в оазисах и городах Средней Азии. В эпоху Тимура происходят массовые переселения горожан, например, вывоз населения из Ургенча в города Мавераннахра, где образовалась даже этническая группа населения "ургенджи"¹⁹. Стал правилом вывод пленных из завоеванных городов Ирана, Месопотамии, Малой Азии, Сирии, Индии и других стран в Мавераннахр. Это вело к возрастанию смешанности населения среднеазиатских городов в XIII-XV вв. Этнические различия города и степи в XIII-XV вв. еще значительны. Источники XV-XVI вв. отличают людей, живущих в селениях (дехниши) от людей, живущих в зимовках (кышлак-ниши)²⁰. Четко различают сартов-горожан от жителей степей — кочевников-джатаидов. Но постепенно эти различия стали не столько этническими, сколько различиями образа жизни. В городах XIV-XV вв. есть сарты-турки. Происходит отторжение городского населения. Возникают новые турецкие города. Например, Андижан, построенный при джатаидском хане Дува во II-й половине XIII века. При строительстве Андижана Дува переселил множество разноэтничного люда и каждый квартал назвал по имени того или иного народа²¹. Но преобладали среди них все же турки. Усилению турецкого элемента в городах способствовало то, что значительная часть городского патрициата, вельможное окружение Джатаидов, а потом Тимуридов, была выходцами из монгольских и турецких кочевых аристократий — главным образом барласов, привилегированного племенного объединения, из которого происходил сам Тимур. Проникновение турков в города отражается в топонимике городов этого времени, например, "кып-

чаские ворота" в Герате. Несмотря на сохранение хорезмского языка в хорезмских городах Ибн-Баттута называет Ургенч "тюркским городом" ²². Этот характер города бесспорно усилился после выселения Тимуром части населения в Самарканд и уничтожения другой части. В условиях постоянного соседства с кыпчакской степью, с кочевыми узбеками и периодической политической зависимостью Хорезма от них, туркизация хорезмских городов идет быстро. Значительной туркизации подвергается оседлое население городов Шаха и Фергана.

Но в городах сохраняется ираноязычная речь. Существует двуязычие: например, об этом свидетельствуют надписи на монетах XIII-XV вв. На них есть ираноязычные легенды, обращенные к жителям именно городов на самаркандских монетах XIII в. на медных монетах Улугбека. Но в XIII веке на монетах Средней Азии помещалось монгольское слово *менгу* (монета), а в XV веке на серебряных монетах (начиная с правления Тимура) есть монгольское слово - "утеману" - "слово нате" и тюркские - "ярлык", "ярлыкшадан" ²³.

О двуязычии в среде тюркского населения в городах сообщает Навои. Он писал: "Все турки - дети и старики, слуги и беки понимают сартский язык. Они его знают настолько, что в затруднительном положении могут объясниться, а некоторые из них могут даже говорить на этом языке красноречиво и изящно. Тюркские поэты на языке фарси пишут красноречивые стихи и замечательные речи".

Этническое различие кочевого и оседло-городского населения в XIII веке консервировалось оторванностью монгольской кочевой аристократии от городской жизни, управления оседлыми оазисами. Как известно, в XIII веке эту функцию выполняла администрация, подчиненная непосредственно общеимперским монгольским властям, Каракоруму. В конце XIII века происходит некоторое сближение кочевой аристократии с оседло-городским населением. Такие джагатайские ханы, как Кебек и Тармаширин, стремятся к этому. Они реформируют административную систему, делают оседлой свою ставку-столицу. Но все же джагатайская аристократия далека от оседлого образа жизни. Продолжают сосуществовать два мира - оседлые оазисы и города

с их торговлей и ремеслами и военно-кочевая стихия в степях.

В XIII-XIV вв. оседание кочевников задерживалось тяжелым экономическим положением городских и оседлых земледельческих районов Средней Азии. В тимуридскую эпоху этот процесс оседания кочевников заметно усиливается. И, хотя в XV веке эта двойственность сохраняется (джагатайская кочевая военная аристократия со своими отрядами и оседлые земледельческие районы и города), при Тимуридах происходит заметное сращивание части джагатайской аристократии с управлением оседлыми районами, с крупными землевладельцами, чиновниками и купцами. Усиливается на этой почве проникновение тюркско-джагатайского этноса в города.

Сам Тимур с его агрессивной политикой, - не что иное как персонификация классового союза кочевой джагатайской знати с ее грабительскими устремлениями и военной мощью с одной стороны, и торгово-ремесленной верхушки городов и крупных землевладельцев, - с другой. Новые феодальные владения-сюргалы соединяют, видимо, кочевое и оседлое население в одном феодальном держании.

Таким образом, оседание кочевников и проникновение их в города было еще одним фактором этнического развития населения Средней Азии в указанное время. Способствовали этому в значительной степени политические факторы: тюркские династии, армия и чиновничество. Этот процесс привел к образованию тюркского городского населения в Средней Азии в ряде районов. В других районах этот процесс шел малоинтенсивно и там победил таджикский язык.

1. Райнд ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, 2. М.-Л., 1952. С. 206, 214.
2. Бартольд В. В. Сочинения. Т. V. М., 1956, С. 406.
3. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрика. М., 1957. С. 72.
4. См.: Семенов А. А. К вопросу об этническом и классовом составе северных городов империи Хорезмшахов в XII в. н. э. // Изв. АН Тадж. ССР. Отд. общественных наук. 1952. № 2. Сталинабад.

ЭТНОГЕНЕЗ КАЗАХСКОГО НАРОДА: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Одним из наиболее интересных вопросов истории Казахстана является проблема этногенеза казахов, в которой как бы сфокусированы все основные и узловые вопросы истории и культуры казахского народа. Она затрагивает практически все аспекты конкретно-исторического процесса, поскольку является одним из наиболее ярких проявлений исторического процесса, выражением многообразия форм общественного развития. В этой связи бесспорный научный интерес представляет изучение проблемы этногенеза казахов, одного из крупных кочевых этносов Евразии, игравшего большую роль в исторических судьбах региона. Вследствие этого закона то повышенное внимание, которое вот уже на протяжении более чем полутора столетий прослеживается в многочисленных научных исследованиях к данной проблеме¹.

Первые попытки объяснить происхождение казахского народа, датировать этот процесс, выявить потоки его генезиса и выявить его составные элементы были предприняты еще в XVIII в. В числе авторов, интересовавшихся этой проблемой, мы можем назвать В.Н.Татищева, Г.Ф.Миллера, И.Е.Филера, П.И.Рычкова, М.Т.Евмелева и др. Важная мысль в этот период была высказана В.Н.Татищевым, который писал, что "...через так много тысяч лет народы, переходя мешались, иногда пленниками и покоренными себе размножались, иногда пленением и обладанием от других язык свой переменили и оставить принуждены были"², выступив тем самым против механического отождествления современных ему народов с древними.

Долгое время изучению проблемы этногенеза казахов мешало то, что многие русские и зарубежные исследователи смешивали казахов с киргизами и вследствие этого полагали, что казахи ведут свое происхождение от енисейских киргизов³.

Важное значение на рубеже XVIII-XIX вв. имели публикации И.П.Фалька, П.С.Палласа, И.Г.Георги, И.Г.Андреева, Х.Бар-

5. Бартольд В.В. Сочинения. Т.1. М., 1963. С.540. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1,2. М.-Л., 1952. С.275.
6. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1,1. С.92 и далее.
7. См.: Бартольд В.В. Сочинения. Т.П. Вып.1. М., 1963. С.145.
8. The Ta'rikh-i-Jahan-gusha' of ... Juwayri; p.6.1. Ed.by Qazwini.-Leiden-London, 1912. (E.I.N.Gibb. Memorial Service, XVI, 1). P.58.
9. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1,2. С.200-201.
10. Материалы по истории Киргизов и Киргизии. М., 1973, С.103, 125.
11. Там же. С.132, 135, 139. См.: История Киргизской ССР. Т.1. Фрунзе, 1984. С.399-400.
12. Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV-XVI вв. М., 1982. С.11.
13. Материалы по истории туркмен и Туркмени. Т.1. М.-Л., 1939. С.531.
14. Там же. С.523.
15. Султанов Т.И. Указ. соч. С.11-13.
16. Юдин В.Н. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другим народами // Изв. Каз. ССР, серия общественных наук. 1965. Вып.3. С.53, 59; История Казахской ССР. Т.2. Алма-Ата, 1979. С.247.
17. Юсупов Х. Приузбойские туркменские племена XIV-XV вв. Ашхабад, 1975. С.65.
18. Ср. высказывания в том же духе: К.А.Пищулина. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV - начале XV вв. Алма-Ата, 1977. С.159-160.
19. Шаниязов К.Ш. Некоторые вопросы этнической динамики и этнических связей узбеков в XIV-XVI вв. Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986. С.90.
20. Бартольд В.В. Сочинения. Т.П. С.120.
21. Материалы по истории киргизов... С.116.
22. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. СПб., 1884. С.308; См. А.А.Фрейман. Хорезмийский язык. М.-Л., 1951. С. 8-9.
23. Е.А.Давидович. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII веке. М., 1972. С.17, 27; Тизенгаузен В.В. Нумизматические новинки // ЗВРАО. (Записки восточного отделения Русского археологического общества). Т.6. СПб., 1892. С.253; Давидович Е.А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979. С.266 и сл.

данеса, Г.Спасского, Е.К.Мейендорфа и особенно Я.Гавердовского и А.И.Левшина. Гавердовский высказал предположение о родстве скифов и казахов, а Левшин пошел еще дальше. Он попытался наметить схему этногенетического процесса и истоки его искал в древнетюркской эпохе. Основу казахов, по его мнению, составили многочисленные тюркские и монгольские племена, которые перемешивались друг с другом и составили единый народ. Интересное положение было высказано выдающимся синологом Н.Я.Вичуриним, который считал предками казахов древних кангюев⁴.

Но в целом вплоть до середины XIX в., несмотря на большой интерес ученых к проблеме этногенеза казахов, отсутствовали сколько-нибудь серьезные исследования. Это объяснялось слабостью источниковой базы, отсутствием достоверных данных.

В изучении этногенеза казахов 60-е годы прошлого столетия стали переломными. Это связано прежде всего с тем, что благодаря работам В.В.Вельяминова-Зернова широкому кругу ученых стали доступны в русском переводе извлечения из восточных хроник, в частности "Тарих и Рашиди" Мухаммад Хайдара и другие источники, которые позволили осветить завершающую фазу этногенеза казахов⁵. В этот период наметилась тенденция видеть в источниковедческом аспекте ключ к изучению всей проблемы этногенеза казахов. Это достаточно ярко проявилось в дискуссии И.Красовского с В.В.Вельяминовым-Зерновым, Красовский, опираясь на источники, увидевшие свет благодаря работе Вельяминова-Зернова, совершенно иначе интерпретировал эту проблему. И если сложение казахов как народа датировалось Вельяминовым-Зерновым - второй половиной XV в., то Красовским - столетием позже. В свою очередь, Валиханов датировал ее второй половиной XIV в.⁶.

Во второй половине XIX в. изучением проблемы происхождения казахов в той или иной мере занимались Г.Н.Потанин, В.В.Радлов, А.Н.Добромислов, Н.И.Гродеков и др. Наибольший интерес привлекли работы А.Н.Харузина и Н.А.Аристов. Именно Н.А.Аристовым была впервые сформулирована самостоятельная научная концепция этногенеза казахов, которая базирова-

лась на признании важного значения в их сложении не только тюркских племен алтайского происхождения, но и местного до-тюркского этнического пласта⁷. И не случайно, что академик В.В.Бартольд после критического разбора труда Аристова пришел к выводу, что его книга представляет одно из самых отчаянных явлений в отечественной литературе по востоковедению. Сам же Бартольд при изучении проблемы происхождения казахов указывал на важную роль социально-экономических и политических процессов в этногенезе народов центральноазиатского региона⁸.

Из зарубежных авторов наибольший интерес представляли работы А.Вамбери, который, ссылаясь на мнимое упоминание "казахов" в сочинениях Константина Порфирородного и Фирдоуси, полагал, что они являются на исторической арене в конце I тысячелетия н.э., еще в домонгольское время. Отдельные аспекты проблемы были затронуты в работах Е.Скайлера, Г.Ховорса, Скрайна и Росса, А.Мозера, Казна, М.Чаплики и др. В последующее время проблема этногенеза казахов в той или иной мере была предметом изучения А.Хадсона (1938) и Л.Крадера (1955, 1963, 1966). Однако они не внесли ничего принципиально нового по сравнению с работами В.В.Вельяминова-Зернова, Н.А.Аристова и В.В.Бартольда.

Качественно новый этап в изучении этногенеза и этнической истории казахского народа начинается в советское время. В 20-е годы целый ряд авторов затрагивает различные аспекты данной проблемы (в частности Логотов, С.И.Руденко, А.Н.Самойлович и др.). Наибольший интерес вызвали в этот период работы А.Н.Чулошникова, Б.А.Куфтина, М.Тынышпаева. Чулошников полагал, что политический союз казахских жузов дал в XVI в. начало образованию казахского народа. Особняком стояла работа Тынышпаева, который вслед за Вамбери связывал казахов с упоминаемыми у Фирдоуси и К.Порфирородного "казахами". Куфтин, в свою очередь, связывал историю казахов с иранскими племенами, в частности с саками, жившими в крае еще до прихода сюда турков⁹.

Этапной стала работа видного казахского ученого С.Д.Асфендиарова. С одной стороны, он совершенно правильно указал на исключительно важную роль территории и кочевой экономики, как главных факторов и определяющих условий формирования однотип-

ных этнических признаков казахского народа. Но, с другой стороны, он придавал большое значение внешнеполитическим факторам, считая, что о казахах как обособившемся народе, можно говорить лишь с того момента, когда закончился процесс овладения Московским царством Нижней Волгой, Уралом и Западной Сибирью и процесс ассимиляции кочевых узбеков из Дешти Кинчака оседлыми народами Средней Азии. В результате этого, пишет он, кочевые племена замкнулись на территории Казахстана, что стало решающим фактором их сложения как народа. Этот этап им датировался рубежом XVI-XVII вв.¹⁰

Дальнейшее развитие проблема происхождения казахов получает в работах М.П.Вяткина, который вслед за Асфендияровым видел в этногенезе казахов не историю смешения племен, а исторический процесс. "Единство казахской народности, — пишет он, — складывалось не на основе этнической однородности, а в результате однородных экономических и политических условий жизни племен".¹¹

Дальнейший прогресс в изучении проблемы был связан с работами С.П.Толстова, считавшего, что предками народов Средней Азии были племена, проживавшие здесь в глубокой древности.¹²

В истории Казахской ССР, изданной в годы войны, указывалось, что решающим фактором сложения казахской народности явилось образование Казахского ханства на рубеже XV-XVI вв. при Касымхане.¹³

В послевоенный период специальным изучением проблемы этногенеза казахов занимались А.Н.Бернштам, В.Ф.Шахматов, Х.Адильтгереев, М.Б.Ахинжанов, С.Ибрагимов, С.Аманжолов и др. Все они так или иначе попытались вслед за Толстовым увязать истоки этногенетического процесса с древними насельниками центрально-азиатского региона. Но они существенно расходились в датировке завершающей фазы этногенеза казахов. И если одни из них (Ахинжанов, Асфендияров) пытались возродить концепцию Вамбери и Тынышпаева о происхождении казахов¹⁴, то другие (Бернштам, Шахматов, Ибрагимов) датировали ее рубежом XV-XVI вв.¹⁵

В 60-70 гг. изучением отдельных аспектов проблемы занимались В.Н.Юдин, Ю.А.Зуев, В.В.Востров, М.С.Муканов, О.Исмагулов, Т.И.Султанов, К.В.Пищулина и другие исследователи. Каждый из них рассматривал данную проблему через отдельные ее аспек-

ты. Но работ, в которых бы она анализировалась как сложная целостность, не было. Правда, авторы пятитомной "Истории Казахской ССР" построили схему общего плана и наметили отдельные контуры проблемы, сделав основной упор на преемственности культуры древних насельников края и казахов, а также на показе смешения пришлых и аборигенных племен.

В 1987 г. Отделением общественных наук АН Каз.ССР была проведена дискуссия по проблеме этногенеза и этнической истории казахского народа¹⁶. В настоящее время по данной проблеме опубликован ряд исследований, в которых она рассматривается с неоднозначных позиций.

В целом, мы можем констатировать, что до сих пор нет адекватного понимания проблемы этногенеза казахов. Каждый из исследователей вкладывает свой смысл в ее понимание, изучает свой срез, только лишь в определенных параметрах. Поэтому до сих пор наблюдается многомерность, многозначность гипотез и построений, выдвигаются подчас диаметрально противоположные суждения, источником которых служат произвольно подобранные факты и материалы.

Прежде всего следует, видимо, уточнить терминологический аппарат. Хотя, как верно заметил А.И.Першиц, о терминах не спорят, а улаиваются, но тем не менее исследователи много дискутируют с терминами и понятиями. В свете современных задач изучения этногенеза казахов представляется очевидным следующее.

Во-первых, под этнической историей Казахстана следует понимать историю всех народов и племен, населявших регион с верхнего палеолита до наших дней, т.е. с того момента, когда биологические адаптационные механизмы должны были смениться культурными.¹⁷

Во-вторых, под этногенезом казахов следует понимать процесс формирования и сложения казахского народа, историю тех племен и народов, которые в той или иной степени участвовали в складывании собственно казахской народности. В этом случае очевидно, что этническая история Казахстана включает своей важной составной частью проблему этногенеза казахов, но при этом следует подчеркнуть, что эта проблема имеет и более узкое понимание, поскольку, видимо, не все племена, проживавшие на

территории Казахстана, принимали участие в сложении казахской народности. Некоторые из них в силу разного рода причин, могли и не оставить своего следа в казахском этносе.

В-третьих, под этнической историей казахов следует понимать историю этнического развития уже сформировавшегося казахского народа, т.е. историю его этнокультурного взаимодействия с различными типами сред: природой, социокультурой и собственно этнической сферой. На важность подобной дифференциации как в терминах, так и в понятиях, обратил внимание в своих изысканиях Ю.В.Бромлей¹⁸.

Таким образом, становится очевидным, что поскольку нас интересует проблема этногенеза казахов, то следует более подробно остановиться на анализе семантической природы именно этого понятия. В современной историографии, основное внимание сосредоточено на ассимиляционно-интеграционных процессах или, как это принято называть в современной литературе, на субстратно-суперстратных процессах, и в редких случаях на взаимодействии с адстратом. Можно ли принять подобное толкование сущности проблемы? До недавнего времени оно считалось приемлемым и единственно верным. Можно привести в этом плане интересный пример. Ряд исследователей, изучая проблему кочевничества, полагали, что поскольку номады не оставили письменных источников, то их историю можно изучать лишь анализируя историю их взаимоотношения с соседними оседло-земледельческими народами¹⁹. Эта методическая посылка, неверная в своей основе, привела к появлению целого ряда работ, в которых история внутреннего спонтанного развития кочевых народов оставалась за пределами предмета исследования. Очевидно, что с такой постановкой проблемы нельзя согласиться.

Анализ этногенетического процесса показывает, что с помощью изучения субстратно-суперстратных процессов не могут быть поняты все закономерности этнических процессов и особенно адаптивные механизмы. В этом смысле встает вполне очевидный вопрос, что же направляло и определяло характер взаимодействия аборигенов и мигрантов? И здесь исследователи обращают внимание на то, что этническая история и этногенез есть, прежде всего, процесс взаимодействия с различными типами сред

природной, социально-экономической и собственно этнической. Вследствие этого становится очевидным, что сводить проблему этногенеза лишь к субстратно-суперстратным процессам неверно, в этом случае вне предмета исследования остаются процессы взаимодействия с другими типами сред. Поэтому очень важно исследовать ту сферу, которая именуется автогенезом, т.е. внутренним саморазвитием, эволюцией, являющейся прежде всего продуктом взаимодействия общества и природы, результатом развития культуры как механизма внебиологической адаптации человека. В этом смысле представляется неправильным изучение проблемы этногенеза только лишь в сфере субстратно-суперстратных процессов²⁰.

Теперь следует четко выяснить, что же являлось осью системы координат, именуемой автогенезом. В этом смысле существующая историография крайне бедна и малочисленна. И не случайно Ю.В.Павленко обратил внимание на то, что вопрос о механизмах становления тех или иных этнических признаков остается все еще недостаточно изученным²¹. В настоящее время мы можем констатировать наличие лишь одной концепции, пытающейся объяснить в вертикальном срезе действие автогенеза. В.П.Алексеевым выдвинуто фундаментальное понятие применительно к эволюции социальных общностей информационного поля²². Нарастающая сумма информации, являющаяся достоянием данной общности, становится решающим фактором этногенеза. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что за исключением еще одной весьма интересной концепцией этнизации хозяйственно-культурных типов, выдвинутой Я.В.Чесновым, современная историография избегает исследования проблемы этногенеза в сфере автогенеза²³. Поэтому изучение процесса происхождения казахов сдерживается крайней малочисленностью серьезных разработок проблемы автогенеза. И поскольку такие проблемы теоретического характера встанут перед нами, то, видимо, и не избежать дискуссии, обсуждения теоретических аспектов проблемы.

Важно подчеркнуть, что основным фактором этногенеза являлось социально-экономическое развитие общества древних и средневековых кочевников Казахстана, эволюция общественных отношений от раннеклассовых к классовым, требовавшая регулирования

системы производственных отношений в рамках политических структур, государственных образований. И не случайно, что большая часть исследователей связывает завершающий этап этногенеза казахов с образованием казахского ханства – крупного этнополитического образования, в рамках которого произошла консолидация этнических признаков казахского этноса.

Политическая организация венчает процесс образования народа. Это положение является важной методической посылкой, имеющей одновременно методологическое значение. В этой связи встает актуальная задача исследования этногенетических процессов в тесной сопряженности с развитием социально-экономических, классовых, государственно-политических явлений²⁴.

И последнее, о методе исследования. В своей недавней работе В.П.Алексеев отметил, что для решения проблемы этногенеза необходим комплексный подход, поскольку ни антропологические, ни археологические, ни этнографические, ни лингвистические, ни источниковедческие, ни историографические исследования сами по себе не могут дать ответ на поставленный вопрос²⁵. Этногенез в диахронном плане – это процесс, а в синхронном плане – это система, имеющая свои специфические параметры развития и как всякая система, он характеризуется не только отдельными составными частями, но и свойствами, функциональными связями элементов, составляющих систему. Иначе говоря, этногенез – это сложная целостность, изучение которой требует полифакторального анализа.

1. См. Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966 и др.
2. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. I. Ч. 2. М., 1768. С. 431.
3. См. в этой связи Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т. I. Алма-Ата, 1961. С. 401–402.
4. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.–Д., 1980. С. 152.
5. См.: Вальяминов-Зернов В.В. Исследование о казимовских царях и царевичах. Т. 2. 1864.

6. См. Красовский М. Область Сибирских киргизов. Ч. I. СПб., 1868. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т. I. Алма-Ата, 1961 и др.
7. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Вып. III–4. С. 277–456 и др.
8. Бартольд В.В. Соч. Т. I–9. М., 1963–1977.
9. Чулошников А.Н. Очерки по истории казах-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. г. Оренбург, 1924; Тыныпбаев М. Материалы к истории киргиз-казахского народа. Ташкент, 1925; Куфтин Б.А. Киргиз-кайсаки. Культура и быт. М., 1926 и др.
10. Асфендияров С.Д. История Казахстана с древнейших времен. Т. I. Алма-Ата, 1935.
11. Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. Т. I. М.–Д., 1940 и др.
12. Толстов С.П. Основные вопросы древней истории Средней Азии // ВДИ. 1938. № I. С. 196–203 и др.
13. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1943.
14. Ахинжанов М.Б. Об этногенезе казахского народа. Алма-Ата, 1957; Адильгереев Х.М. К истории образования казахского народа // Вестник АН Каз. ССР. 1951. № I. С. 81–96.
15. Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР. 1949 г., сер. археологическая. Вып. 2. № 67. С. 59–99; Шахматов В.Ф. К вопросу об этногенезе казахского народа // Известия АН Каз. ССР. Сер. историческая. 1950 г., Вып. 6. № 24. С. 80–99 и др.
16. Вестник АН Каз. ССР. 1987 г. № 8.
17. Арутюнов С.А. Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982, и др.
18. Бромлей Ю.В. Очерк теории этноса. М., 1983 и др.
19. Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975 и др.
20. См. История Казахской ССР в пяти томах с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Алма-Ата, 1977.
21. Павленко Ю.В. К вопросу об условиях формирования этноса и этнических свойств // Методологические и методические вопросы археологии. Киев, 1982 и др.
22. Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984 и др.
23. Чеснов Я.В. Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
24. Павленко Ю.В. Этнос как социальная система // Новые методы археологических исследований. Киев, 1982.
25. Алексеев В.П. Этногенез. М., 1986.

ЭТНОГЕНЕЗ КАЗАХОВ: ПРОБЛЕМА И МЕТОД

Этногенез казахского народа – сложная и многогранная проблема – имеет диахронный и синхронный аспекты исследования. В диахронном плане – это процесс исторического развития этноса, его становления и формирования, динамика субстратно-суперстратных процессов, в синхронном же – целостная система, в структурном отношении представляющая собой интегральное многообразие составляющих элементов, взаимосвязанных широким спектром информационных связей. В этом смысле первоочередной важности задачей является исследование тех закономерностей и механизмов, которые объективно обуславливали воспроизводство этноинтеграционных и этнодифференцирующих процессов. Рассмотрим экологические аспекты этногенеза кочевников Казахстана, поскольку естественно-природные ресурсы среды обитания играли системообразующую роль в этнической истории человечества.

Генезис этнических общностей, протекающий обычно в рамках социальных организмов, непосредственно связан с территорией их расселения. Владение этого наличие этнической территории является неременным и обязательным условием возникновения любого этноса. Общность территории обуславливает сам процесс зарождения этнических отношений, важнейших этнических признаков и в конечном счете этнического самосознания, реализующихся в формировании этнической общности. Это определяется тем, что территория выступает как условие, материальная база этногенетического процесса, поскольку фактор совместного проживания и большая частотность информационных связей играют решающую роль в общении и деятельности людей, а следовательно, в формировании однотипных этнических признаков. Иначе говоря, территория служит базой для возникновения различного рода функциональных связей между людьми, обуславливающих возникновение собственно этнических общностей¹.

Территория, занимаемая тем или иным этносом или группой этносов, либо каким-либо этносоциальным организмом, может типологически рассматриваться по меньшей мере в двух плоскостях, с одной стороны, в качестве историко-культурной (историко-этнографической) области: являющейся территорией, на которой в результате длительных связей взаимного влияния и общности исторических судеб сложилась определенная культурная общность². С другой стороны, территория должна рассматриваться в качестве среды обитания, предметно-вещественной основы, исходного базиса хозяйственной деятельности человека, которая в значительной степени обуславливает характер развития системы материального производства, являющейся основой существования и функционирования этноса³. На важность и необходимость рассмотрения территории в ее природной обусловленности, в ее естественном выражении, неоднократно указывали классики марксизма⁴. Другими словами, природные ресурсы среды обитания являются исходной предпосылкой и необходимым условием, базисом функционирования системы материального производства и поэтому в известной степени опосредуют процесс эволюции производительных сил общества, степень их устойчивости и вместе с тем восприимчивости к различного рода хозяйственно-культурным инновациям⁵. Человеческое общество, как это неоднократно отмечалось в существующей историографии, всей своей материальной сутью на всех этапах своего развития было, есть и будет специфической частью природы⁶. Таким образом, территория может рассматриваться в своем естественном выражении как среда обитания производящих индивидов (объективно), обуславливающая характер и степень развития и эволюции системы материального производства⁷. Вместе с тем, субъективно территория может рассматриваться и в других плоскостях, типологически искусственно выделяемых для научного анализа различных общностей людей, и, в частности, в качестве ограниченной в пространственном отношении зоны, историко-культурной области, характеризующейся набором общих признаков культуры, ее специфических элементов, спроецированных на локализованную в пространстве и времени территорию⁸.

Природные ресурсы среды обитания оказывают на этнос как опосредственное — через систему материального производства, так и непосредственное влияние — на отдельные элементы культуры и быта (жилище, одежда и т.п.). Однако, как это справедливо было замечено Ю.В.Бромлеем, необходимо учитывать, что различные этносы в силу историко-культурных традиций по-разному реагируют на примерно однотипные условия среды обитания⁹. В этой связи следует уточнить, что различные этносы по-разному могут реагировать в сфере традиционно-бытовой культуры, но, как правило, примерно одинаково реагируют в сфере хозяйства на природные условия, близкие друг другу, исходя, конечно же, из наличных возможностей среды обитания. Именно на этом, собственно говоря, и базируется теория хозяйственно-культурных типов. Вместе с тем, характеризуя отношения этноса и природы, не следует забывать, что такого рода отношения имеют двусторонний характер. "А это в свою очередь, — указывает Ю.В.Бромлей, — позволяет рассматривать этнос и среду его обитания как определенную целостность — этноэкологическую систему"¹⁰.

В этой связи представляется целесообразным выделить так называемых ареальных и маргинальных зон, игравших далеко не однозначную роль в этногенетических процессах. К числу ареальных, применительно к нашему случаю, следует отнести экосистемы, характеризующиеся явно выраженной аридностью и континентальностью природно-климатических условий, зональностью и юсезонной продуктивностью, разреженностью и низкой кормовой производительностью растительного покрова, вследствие этого преобладанием ксеромезофитов, мезоксерофитов и ксерофитов, отсутствием отрицательных форм рельефа (степи, полупустыни, пустыни). По большей части они ограничены изогипсами 250–400 мм. Дефицит атмосферных осадков, повышенная величина солнечной радиации, многолетняя изменчивость природно-климатических условий, периодически повторяющиеся засухи, ограниченность водных ресурсов, пониженные плотность и биомасса растительного покрова, большая предрасположенность почвенного слоя к эрозии и повышенная чувствительность экосистем к внешним воздействиям в ареальной зоне являются

ограничительными факторами для хозяйственной деятельности человека и требуют от него своеобразных форм адаптации. В этих условиях абсолютно доминирующей, а зачастую единственно возможной отраслью хозяйства является кочевое скотоводство. Ареальная зона Казахстана охватывала территорию Туранской и Прикаспийской низменности, Устурта, Тургайского, Предуралья (Эмбенского) плато, Бетпак-Дала, Прибалхашской равнины, Центрально-Казахстанского мелкосопочника, Мугоджар, Мангыстауских гор и часть возвышенности Общий Сырт¹¹. Необходимо указать также на дифференциацию хозяйственно-культурного типа кочевничества в зависимости от характера системы водопользования¹².

К маргинальным зонам с менее устойчивым характером культуры и взаимодействия хозяйственно-культурных типов относятся субаридные районы, обеспеченные атмосферными осадками в диапазоне 300–400 мм, либо стабильными непересыхающими водоемами естественного происхождения. Они, как правило, располагались по периферии ареальной зоны в речных долинах, по которым они могли вклиниваться вглубь ареальной зоны (периферийная, локальная маргинальная зона), околоозерных районах, лесостепной и предгорной зонах и вследствие этого обычно граничили с земледельческими обществами, оазисами (межареальная зона), либо играли роль разграничительной полосы между кочевниками, принадлежавшими к различным этнокультурным общностям. Маргинальными зонами на территории Казахстана, по-видимому, были отчасти Запдно-Сибирская низменность (южная оконечность), некоторые предгорные районы Алтая, Саур-Тарбагатай, Джунгарского Алатау и западные отроги Тянь-Шаня, долины рек Сырдарьи, отчасти Иртыша, Урала, Тобола, Ишима, отдельных горных рек Семиречья, околоозерные районы Зайсана, Аральского моря и некоторых крупных, непересыхающих в летнее время озер Восточного и Юго-Восточного Казахстана. В данных экосистемах чаще всего наблюдается наличие комплексного, полукочевого хозяйства с большим удельным весом прочих видов хозяйственной деятельности, но при, несомненно, преобладающей роли скотоводства. Динамика взаимодействия кочевого скотоводства

с прочими видами хозяйственной деятельности в маргинальных зонах коррелировались как эндогенными, так и экзогенными их отношению к номуализму явлениями, развитием данного типа организации производства в ареальной зоне и корректировалась политическими (потестарными) и социально-экономическими факторами, в частности взаимоотношениями кочевников с оседло-земледельческими государствами¹³.

Указанные зоны играли далеко неодинаковую роль в этногенетических процессах на территории Казахстана и Центральной Азии, что, несомненно, было связано с различным характером и уровнем развития социально-экономической структуры населяющих их социумов и популяций. В частности, в ареальной зоне, где в силу особенностей кочевого хозяйства имело место дисперсное состояние населения¹⁴ с присущей для всех номуадов плотностью населения от 0,5 до 1-2 человек на один кв. км, по-видимому, происходила этнизация хозяйственно-культурных типов¹⁵. Здесь преобладали, несомненно, внутриэтнические связи, поскольку хозяйство кочевников носило по большей части автаркичный, натурально-потребительский характер, а вследствие этого господствовали в целом диахронные вертикальные инфосвязи. В маргинальных же зонах с большей плотностью населения при наличии нескольких контактирующих социо- и этнокультурных групп, по-видимому, преобладали межэтнические инфосвязи и значительно большую роль играли синхронные горизонтальные связи¹⁶. Вследствие такого характера развития информационных связей процессы этногенеза должны были интенсивнее происходить в ареальной зоне, нежели в маргинальных, поскольку в первой значительно быстрее складывалась культурная общность, порожденная сходными условиями среды обитания и однотипной экономикой.

Иначе говоря, процесс накопления однотипных этнических признаков гораздо быстрее происходил в ареальной зоне, которая представляла собой своеобразный этнический сгусток. В маргинальных же зонах в силу разнотипности социально-экономической структуры складывание культурной общности происходило значительно медленнее, либо могло вовсе не происходить в результате постоянного изменения этнокультурной ситуации,

политических конверсий или военных столкновений. Примером тому может служить, собственно говоря, Присырдарьинский регион и в особенности район Междуречья, где вплоть до новейшего времени имел место процесс бесконечного взаимовлияния и взаимодействия различных контактирующих этногрупп, а также постоянное чередование доминирующей роли различных социо- и этнокультурных общностей (казахи, узбеки, каракалпаки, сарты и др.). В результате этого имелись и многочисленные промежуточные этнокультурные группы (курама, кипчаки, бахтияры и др.). Иначе говоря, маргинальные регионы в докапиталистическую эпоху едва ли могли служить зонами этногенеза, зонами накопления и аккумуляции однотипных этнических признаков, зонами этнокультурного единства, поскольку интенсивность интеграционных и ассимиляционных процессов в них была незначительна. При этом мы далеки от мысли отрицать важнейшую роль маргинальных регионов в качестве ретрансляторов культурных инноваций и диффузии культурных ценностей.

Социокультурной базой этногенеза в докапиталистическую эпоху, как мы уже отмечали, являлась этнизация хозяйственно-культурных типов¹⁷. Рассмотрим в этой связи этногенез казахов сквозь призму проблемы этнизации. Этнизацией называется процесс, когда особенности ведения хозяйства и функционирования культуры в специфических условиях среды обитания влекут за собой накопление особых черт, свойств, признаков, которые в конечном счете и определяют неповторимую комбинацию этнических стереотипов, обуславливающую этнос как историко-культурный феномен. Явление этнизации базировалось на том, что в процессе производства складывался симбиоз между населением и освоенной им средой обитания, который детерминировал специфику общественной деятельности человека, автономный комплекс взаимосвязанных между собой структурных компонентов культуры, своеобразное информационное поле, функционирующее на основе оптимального равновесия в естественно-природных и социально-экономических процессах, что и приводило к особому характеру циркулирующей информации внутри данного социального организма. "Информация, циркули-

рующая внутри антропосоциогенеза, может быть разложена на несколько уровней. Первый из них — этнический уровень, то есть тот запас культурных ценностей, традиций, религиозно-магических представлений, которые входят в этническое самосознание и предопределяют включение именно в состав данного народа и никакого другого¹⁸.

Во второй половине I тысяч. н.э. заканчивается процесс генезиса кочевого хозяйственно-культурного типа (ХКТ) и, видимо, в это время он стабилизируется в своих классических формах¹⁹. Вследствие этого происходит диверсификация процесса этнизации, поскольку на этапе сформировавшегося кочевого ХКТ распространение и развитие общекочевых хозяйственных и культурных стереотипов, конвергентно имевшее место в предшествующий период, достигло своего объективного предела, за порогом которого начинается в основном дивергенция и возрастание этнической специфики различных элементов культуры²⁰. Иначе говоря, в течение I тысяч. до н.э. и первой половины I тысяч. н.э. в основном развивалось культурно-историческое единство, порождаемое спонтанным процессом генезиса кочевия на всем ареале Евразийских степей, полупустынь и пустынь умеренного пояса, т.е. происходило накопление этноинтегрирующих черт культуры, а этническая специфика проявлялась в отжидающих свой век субстратных элементах, связанных с особенностями социально-экономического функционирования в каждом регионе. С середины и особенно со второй половины I тысяч. н.э. резко возрастает этнодифференцирующая роль различных элементов культуры кочевий, т.е. акцент из сферы хозяйственных занятий смещается в более подвижную и подверженную наибольшей проникаемости сферу материальной, бытовой и духовной культуры, когда специфика этнического развития проявляется в адаптации социокультурных элементов субстрата применительно к сформировавшемуся ХКТ. С этого времени по нарастающей линии происходит накопление уже не этноинтегрирующих в масштабах кочевого мира признаков, т.е. в сфере хозяйства, а этнодифференцирующих в основном в сфере традиционно-бытовой культуры и в масштабах локальных социокультурных общностей, которые при идентичном типе дея-

тельности в силу специфических особенностей среды обитания, социокультурных стереотипов, традиций, разнообразных адаптивных механизмов обуславливают тенденцию к разведению и даже противопоставлению формирующихся кочевых этносов друг другу.

После монгольского нашествия, которое характеризуется волнами проникновения как тюркских (основное ядро), так и монгольских кочевников-скотоводов, продолжается накопление однородных признаков на базе общего процесса нивелировки их особенностей в данной экологической нише, т.е. наступает третий этап развития процесса этнизации. Если в древнетюркско-кыпчакское время (VI-XII вв.) происходило накопление специфических этнокультурных свойств, так сказать, от своего истока, то к началу XIII в. различные этнические группировки приходят уже с находящимися в завершающей фазе генезиса комплексом этнических признаков. Так, в частности, в Восточном Дашт-и Кыпчаке кыпчакская общность достигла, несомненно, большой степени однородности, тогда как мигрировавшие сюда тюрко-монгольские общности, также достигнув этнокультурного единства на территории Центральной Азии в иной экологической и социальной ситуации, значительно отличались как друг от друга, так и от кыпчаков. Иначе говоря, процесс этногенеза кочевых народов Евразии является своего рода зеркальным отражением процесса эволюции кочевого хозяйственно-культурного типа, преломляясь сквозь призму его приспособления к специфическим условиям среды обитания в каждой данной экологической нише посредством традиционных адаптационных механизмов на каждом новом витке технологических циклов. Эта глубоко прослеживающаяся сопряженность культурных и социально-экономических процессов обуславливала прямую зависимость этнических явлений от социокультурных и прежде всего образа жизни, наиболее сильно воздействующего фактора на формирование этноса²¹, от динамики взаимодействия общества и природы.

В этой связи важное значение имеет проблема анализа природы и характера процессов этнического взаимодействия местного, аборигенного субстрата и пришлого суперстрата, как,

впрочем, и кочевого населения и оседло-земледельческого адстрата, их воздействия на этногенетические процессы. Несмотря на общность основных принципов системы материального производства кочевников Казахстана, Средней и Центральной Азии и других соседних регионов, мы должны учитывать базирующуюся на натурально-потребительской автаркии специфику производственного процесса в ареальной зоне Казахстана, которая обуславливала направленность параметров этнического взаимодействия пришлых и аборигенных групп населения. Поскольку система материального производства местного субстрата была в наибольшей степени приспособлена к условиям жизнедеятельности данного ареала, то она, а следовательно, и материальная культура, впрочем, как и производственные отношения²², практически не были подвержены воздействию жизни и являлись сильнейшим доминантным фактором, способствующим ассимиляции иммигрантов. "Из всех явлений культуры, пишет В.П.Алексеев, — с географической средой наиболее тесно связана хозяйственная деятельность человека"²³. Такие же неадаптированные к условиям жизнедеятельности элементы культуры, как язык и духовная культура, в наибольшей степени были подвержены проникновению инноваций и аккультурации. Собственно на этом и базируются процессы ассимиляции и интеграции. Отсюда заданность параметров этнического взаимодействия в доиндустриальную эпоху и огромная роль местного субстрата в этногенетической истории рассматриваемого ареала²⁴ как носителя жизненно наиболее важного слоя адаптивного механизма культуры.

Именно в свете данной методологической посылки следует исследовать процесс формирования социокультурных ориентаций, традиционных способов и механизмов адаптации. Здесь важно подчеркнуть, что этносы представляют собой открытые, динамичные системы, которые инкорпорируют иноэтнические группы, постоянно стремятся к равновесию, гомеостазу со средой обитания. Внутри же этой адаптивной системы постоянно усложняются и дифференцируются составные части, поскольку именно с помощью механизма обратной связи постоянно протекают взаимоотношения с окружающей средой²⁵. Интересна в этой связи

мысль В.П.Алексеева о том, что под социальной адаптивностью подразумевается вся сумма социальных изменений, направленных на достижение оптимального равновесия во взаимоотношениях любого человеческого коллектива со средой и с другими коллективами"²⁶.

Этногенетический процесс вступил в фазу кристаллизации в середине II тысяч.н.э. в связи с функционированием ряда этнополитических кочевых объединений, которые детерминировали образование новой этнической общности — казахов. Таким образом, преобладание кочевого типа хозяйственной деятельности обеспечило историческую преемственность позднесредневековых этнических образований, их генетическую связь с древними и раннесредневековыми насельниками региона. При этом аккумуляционные процессы неоднократно затормаживались и нередко прерывались миграционными явлениями, в основном инвазиями кочевников центральноазиатского происхождения. Но главной определяющей чертой этногенетического процесса являлись непрерывность и преемственность, достаточно надежно прослеживающиеся в формах хозяйства и организации системы материального производства. Внешним по отношению к этногенезу гарантом непрерывности являлась среда обитания, которая обуславливала преемственность навыков и технологических приемов в сфере хозяйства и культуры²⁷.

1. См.: Проблемы этнической географии и картографии. М., 1978 и др.
2. См.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983 и др.
3. См.: Буков Е.М., Барт М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979 и др.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.19 и др.
5. См.: Анушин В.А. Географический фактор в развитии общества. М., 1982 и др.
6. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С.496.
7. См.: Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981 и др.

8. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-культурные области // Советская этнография. 1955. № 4 и др.
9. Бромлей Г.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
10. Там же. С.222.
11. См.: Масанов Н.Э. Экологические аспекты этногенеза кочевников Казахстана // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции по этнографии. Омск, 1984. С.43-47 и др.
12. См.: Масанов Н.Э. Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С.55-81 и др.
13. См.: Масанов Н.Э. Экологические аспекты... С.43-47.
14. См.: Масанов Н.Э. Дисперсное состояние - всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества // Вестник АН Каз.ССР, 1987. № 3 и др.
15. См.: Андрианов Б.В. Неоседлое население мира. М., 1985 и др.
16. В данном случае мы оперируем терминами и понятиями, предложенными С.А.Арутюновым и Н.Н.Чебоксаровым. См.: Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Вып.2. М., 1972 и др.
17. См.: Чеснов Я.В. Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982 и др.
18. См.: Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984. С.356-371.
19. Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Седло и стремя // СЭ. 1984. № 6. С.114-130.
20. См.: Вайнштейн С.И. Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии. IX МКЭЭН. М., 1973. С.8-11 и др.
21. См.: Капо-Рей Р. Французская Сахара. М., 1958 и др.
22. См.: Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже VIII-XIX веков. Алма-Ата, 1984 и др.
23. Алексеев В.П. Становление человечества. С.348.
24. См.: Баратова Г.С., Исхаков Г.М., Масанов Н.Э. Проблемы этногенеза уйгуров // К вопросу об историко-культурном развитии Восточного Туркестана (IX-XII вв.). Алма-Ата, 1986. С.3-23 и др.
25. Вереш П. Некоторые вопросы этногенеза венгерского народа // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985. С.115.
26. Алексеев В.П. Становление человечества. С.365.
27. См.: там же. С.363 и др.

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА В КОНЦЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э. (КИМАКИ И КЫПЧАКИ)

Характерной особенностью этногенетических процессов казахстанской зоны великого пояса Евразийских степей, как впрочем и всей Центральной Азии, было то, что этнические коллективы и племенные объединения развивались не изолированно, а в обстановке, когда их история во всем своем многообразии постоянно накладывалась друг на друга вследствие неоднократных инвазий и перемещений. В результате происходили многослойные процессы взаимодействия и взаимовлияния, метисации и интеграции различных племен. Такой характер субстратно-суперстратных процессов обуславливал исключительную сложность этнической ситуации в Евразийских степях, пустынях и полупустынях умеренного пояса, в том числе и казахстанского его региона, динамично пульсирующего в зависимости от многообразных фактов социально-экономического, политического и экологического происхождения.

В этой связи перед исследователями в актуальной форме стоит задача реконструкции основных направлений этногенетического процесса в одном конкретном историко-географическом регионе. Интерес, например, представляет изучение "монголоязычной струи" в этногенезе кочевых, тюркских в подавляющей своей основе, этнических коллективов средневекового Казахстана, игнорирование роли которой все еще наблюдается в ряде исследований, посвященных этнической истории интересующего нас региона.

Вспомним этнополитическую ситуацию, сложившуюся в восточных пределах казахстанских степей в конце I тыс. н.э. По данным письменных источников, в указанном регионе обитали племена с кочевническим укладом жизни, с общесобирательным именем кимаки. Именно под этим названием они были известны анонимному автору сочинения X в. "Худуд ал-Алам" и автору XI в. Гардизи, донесших до нас наиболее полные сведения о

средневековых народах Казахстана.

Большинство исследователей по сложившейся традиции считали и продолжают считать кимаков неотъемлемой частью кыпчаков, а если, по их мнению, и существовали какие-либо различия между ними, то они были чисто хронологическими, т.е. вначале были кимаки, а затем их место заступили кыпчаки. Например, И.Маркварт признавал кыпчаков "западной ветвью кимаков" ¹. Согласно В.В.Бартольд, "историческое значение кимаков состоит в том, что из их среды вышел многочисленный впоследствии народ кыпчаков" ². Даже в работе Б.Е.Кумекова, специально посвященной истории кимаков по данным арабоязычных источников, не исследуется соотношение этнонимов кимак и кыпчак, их этническое и политическое наполнение и их место в этнополитической истории Казахстана. В ней по-прежнему доминирует традиционное мнение о тождестве двух самостоятельных народов — кимаков и кыпчаков ³.

Однако, если отречься от довлеющей традиции и подходить к источникам непредубежденно, можно вполне убедиться в том, что речь в них идет о двух совершенно разных племенных подразделениях ⁴.

У Гардизи, которому принадлежат наиболее полные сведения о кимаках, утверждается: "Происхождение кимаков таково. Начальник татар умер и оставил двух сыновей, старший сын овладел царством, младший стал завидовать брату... После неудачного покушения на старшего брата, он убежал... в такое место, где была большая река... Река получила название Иртыш... Остатки племен направились к Иртышу... Собралось 700 человек... они образовали семь племен... Ими, Имак, Татар, Баяндер, Хифчак, Ланиказ и Аджлад... Кимаки оказывают уважение этой реке, почитают ее, поклоняются ей и говорят "Река — бог кимаков" ⁵. Как видим, основу кимакского союза составили семь конкретно названных Гардизи племен, появление которых в бассейне Иртыша носило поэтапно-миграционный характер. Анализ приводимой Гардизи генеалогической легенды (интересно, что среди перечисленных Гардизем 7 чаловек — предков-эпонимов кимакских племен — Ими, Имак, Татар,

Баяндер, Хифчак, Ланиказ и Аджлад - отсутствует само имя Кимака), позволяет очертить ту общетническую и общерегиональную среду, из которых эти племена происходили. Гардизи, как видим, вполне определенно связывает происхождение кимаков с татарами и "родственниками татар". Сведения Гардизи не являются единственными в своем роде. Они находят свои подтверждения в показаниях и других арабо-персоязычных источниках и главным среди них являются сообщения арабского путешественника Тамима ибн Бахра, совершившего в первой половине IX в. путешествие вглубь центральной Монголии, в столицу тогуз-огузов на Орхоне⁶. Посетив и подробно описав древний город уйгуров, он добавляет очень для нас ценную информацию: "направо от города... - страна турков..., налево от него - с т р а н а к и м а к о в (разряджанаша - С.А.), а впереди него находится страна Китая, до которой было 300 фарсахов"⁷. Отмеченный факт проживания кимаков налево от столицы уйгуров на Орхоне ясно свидетельствует о кочевании кимаков в начале IX в. в степях северо-восточной Монголии. В этих местах Тамим ибн Бахр, согласно его показаниям, навещал и имел личную беседу с царем кимаков, армия которого состояла из 20 тысяч всадников на превосходных конях с толстыми ногами⁸. Прежде чем добраться до этих мест, этот отважный путешественник, отправной точкой для которого был Тараз, покрыв расстояние в 80 дней пути для быстро скачущего всадника. Даже рассчитывая оптимальное расстояние для нормального человека и выносившей лошади в 40-50 км в день, мы неминуемо приходим к заключению, что общее расстояние от Тараза (современный Джамбул) до ставки царя кимаков составит не менее 3200-4000 км, что в конечном счете приведет нас лишь в восточные пределы монгольских степей.

Следует отметить, что цифру 80 или 81 день пути от Тараза до ставки царя кимаков приводят и другие арабоязычные авторы, которые, как выяснилось, основывали свои показания на данных Тихама ибн Бахра - это Ибн Хордадбеж, Ибн ал-Факих, Якут, Идриси. Однако они нигде не утверждают, что резиденция царя кимаков, до которой лежал путь в 80 дней, находилась на Иртыше. Этого и не могло быть, ибо их основной

первоисточник Тамим ибн Бахр посетил, как видим, ставку царя кимаков далеко к востоку от Иртыша. Поэтому указание всех современных исследователей кимако-кипчакской проблематики о том, что расстояние в 80 дней пути для быстро скачущего всадника от Тараза относится к местобитанию кимаков на Иртыше основанно, мягко говоря, из недоразумения и является также данью сложившейся традиции отмечать кимаков лишь на Иртыше. Кто ошибся в таком представлении первым, сейчас выяснить трудно, но это ошибочное мнение стало кочевать из одних работ в другие.

Как нам представляется, кимаков на Иртыше знают только поздние источники - Гардизи, анонимный автор "Худуд ал-Алам" и др., которые отражают позднейшую письменную традицию, когда внедрение кимаков на свою новую родину, в Прииртышье, было уже совершившимся фактом. Наоборот, Тамим ибн Бахр и следовавшие за ним авторы описывают жизнь кимаков на их старых территориях, в степи Северо-Восточной Монголии.

Небезинтересно отметить, что для Гардизи так и осталось неизвестным написание самого имени кимака, по крайней мере среди приведенного им перечисления 7 человек - предков-эпонимов кипчакских племен, написание самого имени кимака у него отсутствует. Это дало повод И.Маркварту предположить, что искомое слово кимака, возможно, образовывалось из соединения первых двух из приведенных Гардизи племенных названий - Ими и Имак (iki-iaġk kimaġk - два кимака)⁹, что не выглядит убедительным. Даже сам автор этого построения отождествил первый этноним Ими с названием огузского племени ишур¹⁰. Достоверные сведения в пользу такого отождествления приведены Ю.А.Зуевым¹¹, считавшим, что следовало бы в данном случае иметь в виду этноним эшмур, а не ими.

В таком случае можно предположить, что, вероятно, термин кимака и этноним кимака был книжным, он был введен и употреблялся только у определенной группы мусульманских авторов и, являясь традиционно книжным, распространился на какое-то реальное племя, хорошо известное для современников под другим наименованием.

Весьма показательно, что такой автор XI в., как Махмуд Кашгарский, реально знавший из личных наблюдений политическую обстановку и подлинную этноимику казахстанских степей рубежа I и II тыс. н.э. о народе кимах как таковом ничего не говорит. Молчат о них и древнетюркские рунические надписи и китайские источники. Однако Махмуду Кашгарскому на правом берегу Иртыша, где первоначально размещали кимаков и анонимный автор X в., и Гардизи, был хорошо известен только народ под именем кай¹². Они, согласно ему же, были скорее всего народом в изначальной своей основе не тюркского происхождения. Он отмечал, что у кай "... свой язык. Вместе с тем они хорошо знают тюркский"¹³. Данная фраза свидетельствует, что язык кай сложился в иной, чем тюркской, языковой среде, возможно, в монгольском этническом окружении (термин кай, если считать его монгольским, переводится как змея, дракон). Согласно Гардизи, кимаки поклонялись реке, считали её божеством, в ней, реке, обитал хозяин-дух, в образе дракона (змея - главная его ипостась). Обожествляя реку и божества нижнего мира в виде змей-дракона, кимаки, как нам представляется, могли считать себя причастными к этому образу и на этом основании именовали себя народом змей, а так как они эти представления вынесли из татарской (монголоязычной) этнической среды, они вполне могли именоваться реальным этническим именем кай¹⁴. Утверждение же древнего филолога о том, что кай хорошо знали тюркский, является свидетельством того, что к середине XI в. кай (или кимаки) были уже в значительной степени ассимилированы и оторочены окружающими их на новой родине тюркоязычными, в основном, йемекскими и кипчакскими племенами. Связав в дальнейшем свою судьбу с кипчаками и участвуя вместе с кипчаками в их расширении пределов своих влияний и кочевков далее на юго-запад и особенно на запад по Великому поясу Евразийских степей, кимакские племена становятся известными в русских летописях как участники событий в южнорусских степях в предмонгольское время. Знаменательно, что на новых территориях кимаки приобретают известность на страницах летописей не под кимаким, искусственным назва-

нием кимаков (известным только узкому кругу мусульманских информаторов), а под своим подлинным названием, отражающим их змеиную, тотемную сущность, именем кай. В древнерусских хрониках хорошо известно половецкое племя каепичи (кай + опа)¹⁵. Структура этого этнонима ясна. Как пишет К.Г.Ментес, "имя представляет собой патроним на -ич-ъ в им.п. мн.ч. образовано от сложного слова, вторая часть которого - опа/апа ("отец"). Первая часть сложения - племенное название Qaj (Кашг.) ил: Qaju ; последнему отдает предпочтение Чаркварт..."¹⁶. Одним из топонимических следов пребывания змеиногo (кимакского) племени в этих регионах является ойконим Гайдары (Кайдары - Кайлары). С.А.Плетневой установлено, что у с.Гайдары имеется разрушенное распахкой укрепленное поселение, датируемое по керамическому материалу XII в. Интересно, что рядом с городищем Гайдары был расположен город Змиев. В этой связи С.А.Плетнева замечает: "Факт существования в районе Змиева городища XII в. чрезвычайно интересен, так как и сам г.Змиев был, судя по названию, половецким становищем. Название города от слова "змея" связывает его с половцами-кипчаками..."¹⁷. С.А.Плетневой как бы вторит И.Г.Добродомов, писавший, что "очевидно, половецкий город Шарукань можно отождествить с городом Змиевым в Харьковской области..."¹⁸. Мы же можем добавить, что сопоставление половецкого городка Шарукан с ойконимом Змиевым - Гайдары исходит из, возможно, этимологии личного половецкого имени Шарукан от тюркского названия дракона, о чем подробно сообщает К.Г.Ментес, писавший, что слово Шарукан восходит "к венг. *szarkán* (*szarkóny*) или его древневенгерской форме, имевшей значение "дракон"... слово встречается впервые в 1193 г. Поппе сравнивает венг. *szarkán* с тур., крым. куман *szazavan* "дракон, змея"¹⁹.

Согласно летописям хорошо известно, что Шарукан - город донского объединения половцев, во главе которых в течение свыше 100 лет стояла династия Шаруканидов, этимологически, по нашему мнению, династия змей (подлинным основателем династии, видимо, следует считать Шарукана, в личном имени

которого персонализировался этноним). Как видим, ханами донских половцев, образовавших даже династийную линию, были представители народа "змеи" — кай-кимаки: что является продолжением традиции, зародившейся в конце I тыс. н.э. в казахстанских степях, в период, когда согласно "Худуд ал-Алам", хакан кимаков назначал "царей" кипчакам, даже отделившись от него и кочевавшим вполне самостоятельно.

В таком же династийном правящем роде мы узнаем, когда исследуем этнополитическую историю кипчакских племен, проживавших на территории Казахстана в предмонгольское время. Согласно источникам, в качестве лакаба к титулатуре ряда кипчакских ханов, участвовавших в бурных политических событиях на границах с Хорезмом в начале II тыс. н.э., встречается этноним уран. Это кипчакский хан Алп — Кара Уран, его сын Кырчи, дочь последнего Теркен-хатун, больше известная в истории как мать-соперница хорезмшаха Мухаммеда, была по диним Равид ад-Дин из уранийцев. К ним же относился и владетель Отрара, героический защитник этой крепости от осадн монголо-татарских войск Алп-Дерек, больше известный в истории под именем Иналчи.²⁰

Семантика же самого термина уран раскрывается в тюрко-арабском глоссарии 1245 г.²¹, известном как словарь Т.Хаутсма, где он переводится, как змея. Это слово — уран, по-видимому, гомотенно с тюркским глаголом "ора" — наматывать, обматывать, мотать — и является производным от этого глагола с прибавлением к нему аффикса -а(н) — ора + ан — оран-уран.

Как видно, кимакские племена, или их аристократическая правящая часть, вопреки утверждениям исследователей о том, что с начала II тыс. н.э. кимак исчезают с политической арены, продолжают принимать активное участие в исторической жизни обширного региона Евразийских степей, хотя из историографического обихода (помимо трудов сугубо компилятивных, типа Идриси и др.), использовавших определенный круг более старых источников, изымается книжное, искусственно рожденное имя кимак. Это племя становится известным под своим настоящим именем — кай, отражающим его первоначальное название.

вание, полученное на своей родине, в монгольских степях, и под именем — уран, полученным в тюркоязычной среде.

Отражением же переходного и сложного периода процесса ассимиляции "народа змей" в тюркском этническом окружении является, возможно, бытование и другого термина. Это этнический двухчлен уранкай (уран + кай). О возможности существования такого этнонима в Дешт-и Кипчак свидетельствует наличие в современных степях Казахстана своеобразных топонимических реперов (оронимы и гидронимы) с редкой этнонимной основой на уран и кай. Причем они встречаются повсеместно, притом именно там, где протекала историческая канва существования кимак-кипчакских племен в средние века. В Восточном Казахстане — речка Уранхайка и урочище под этим же именем, в Центральном Казахстане — гора Уранхай, в Южном Казахстане — местность Урангай. Много аналогичных и близких к ним топонимов в Забайкалье, Маньчжурии, Монголии, на западе — в Башкирии, встречены они в Азербайджане, в Грузии.²²

Зная, что каждая составная часть композита уранкай переводится с позиции своего языка как змея, возможно предположить, что в полном переводе этот двухчлен будет иметь форму "змея + змея". Это обычный пример образования этнонима при наложении двух однозначных терминов, относящихся к разным языкам, что является типичным для контактных зон, каким и был регион северо-восточной части Центральной Азии, откуда и переселились на Иртыш кимак. В таком случае мы вправе ожидать, что китайские источники не могли не отметить существование такого племени. Естественно, они не были известны им под искусственно рожденным, книжным именем кимак. Они им были известны под своим истинным именем. И, действительно, в тех местах, где первоначально отмечал своих кимак Тамир ион Бахр, согласно китайским авторам, обитало племя ку-мо-хи, современное чтение ку-мо-си.²³

Еще В.В. Григорьев в конце XIX в. сопоставил племя кимак с кумо-ханами²⁴, но только в 1920 г. П.Падль в рецензии на работу И.Маркварта, который, кстати, также считал кимак монгольским племенем, убедительно показал, что китайская транскрипция ку-мо-хи является передачей двух этно-

нимов, где слово ку-мо — эквивалент имени кимака, а хи — транскрипция слова — каи²⁵. Известный советский этнограф Г.М.Василевич в 1946 г. писала: "китайские источники дают два этнонима кумо+хи (IV—VI вв.) и кима+ки... В X—XI вв. мы встречаем этноним кимаки уже в персидских источниках"²⁶, в качестве народа, обитавшего на берегах Иртыша.

Когда же произошло переселение кимаков на Иртыш (будем, во избежание путаницы, называть их этим устоявшимся в литературе "книжным" именем, все время помня, что это народ "змеи" — каи в монгольской передаче, уран — в тюркской). Как мы уже отмечали, кимаков в Восточном Казахстане знают только авторы поздней информации, относящейся к X—XI вв. Более ранние писатели отмечали их значительно восточнее. Вероятно, рубеж VIII—IX вв. был именно тем периодом, когда произошла инфильтрация части кимацких племен на Иртыш. Ясно, что переселение не было единовременным актом. У Гардизи слышны отголоски каких-то 2-х или даже 3-х этапов миграции. Причиной ее явились события середины IX в. в степях Центральной Монголии, связанные с существованием, расцветом и гибелью государства уйгуров с центром на Орхоне, павшем под ударами киргизской экспансии в 840-х годах и стихийные бедствия того периода, "когда был голод, а вслед за ним открылась моровая язва и выпали глубокие снега, отчего пало много лошадей и овец"²⁷. Эпидемии и джун в придачу к военным невзгодам вынудили население полиэтнического уйгурского государства, в том числе и зависимое, а среди них кимаки, татары и "родственники татар", забросить свои кочевья и искать новые земли на стороне и, в частности, в Восточном Казахстане, где к этому периоду уже проживали племена йемеков и кыпчаков. Йемеки (Имаки — Гардизи), например, известны с VII в. в китайских хрониках под именем яньмо, как племя, связанное с тюркским этническим кругом и игравшее крупную роль в политических событиях на северных границах Запдно-Тюркского Каганата. Достаточно достоверное отождествление этнонима яньмо с йемеками производил Л.Амби и Д.А.Зуев²⁸. Махмуд Кашгарский упоминает йемеков, как тюркское племя среди кыпчаков, хотя сами кыпчаки, по его словам,

считали себя отдельной группой. "Язык йемеков близок языку кыпчаков"²⁹, — счел нужным упомянуть древний филолог.

Кыпчаки также известны как древние жители бассейна верховьев Иртыша, отрогов Алтайских гор, примыкающих к ним с юга и запада. С конца VII в. до середины VIII в. кыпчаки выступают как равноправные союзники могущественных тюрков, господствующих в степях Монголии. "Когда тюрки-кыпчаки властвовали (над нами) пятьдесят лет..."³⁰. Такая декларация надписи "Селенгинского камня" является отражением того неоспоримого факта, что кыпчаки уже к середине VII в. достигли определенного могущества в союзе с орхонскими тюрками. Согласно последним исследованиям С.Г.Кляшторного, в середине I тыс. н.э. кыпчаки были известны в истории Центральной Азии под именем политического объединения сяньто или сиров (так они именовались в древнетюркских эпитафиях)³¹. После разгрома уйгурами в 744 г. П Восточно-тюркского каганата (во главе которого стояли тюрки и союзные с ними кыпчаки), кыпчаки основными своими кочевьями избрали пастбища, расположенные подальше от притязаний новой политической власти в степях Монголии, а именно в верховьях Иртыша и юго-западных склонов Алтайского хребта, где в этот же период проживали и йемеки. С приходом сюда кимаков в первой половине IX в. они попадают под их политическое руководство. "Они приветствовали Шада (кимаков) как своего начальника", — так декларируется это событие в генеалогическом предании Гардизи. Именно в этот период термин кимака, по всей вероятности, поглощает все разнородные и разнородные племена, вошедшие в кимацкое политическое объединение. В это время этноним кыпчак находился в тени этнонима кимака.

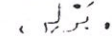
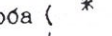
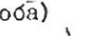
Исходя из всего сказанного, можно прийти к выводу следующего характера. Кимаки и кыпчаки не идентичны друг другу, это два разных этнических коллектива, имевших на ранних стадиях своего развития отдельную историю и различную территорию обитания. Кимаки жили в Восточной части Центральной Азии в монгольской этнической среде, возможно, они были ветвью татарского племени и восходили к протомонгольскому

сяньбийскому племенному союзу, а кыпчаки — на отрогах Алтая, в верховьях Иртыша, в Восточном Казахстане и в крайней западной части монгольских степей и, вероятно, восходили к хуннскому этническому компоненту. Кимацкое этнополитическое объединение, сложившееся в конце I тыс. н.э. в казахстанской зоне великого пояса Евразийских степей, было сложным по своему этническому составу. В него входили как племена явно монголоязычной группы (татары, ояндеры, кимаки), так и тюркоязычные этносы (кыпчаки, йемеки, уйгуры, а, возможно, и аджид — азлар?). Это свидетельствует о том, что вопрос об этногенезе казахского народа, в сложении которого одним из основных компонентов были кыпчакские племена, достаточно сложен и неоднозначен еще на стадии раннесредневекового периода, знаменуемого крупными перемещениями кочевников, метасацией и интеграцией разнообразных в антропологическом, языковом, культурно-хозяйственном отношении племен и народов.

- I. Marquart I. Über das Volkstum der Komänen // AKGWG. Bd. XIII. N 1. Berlin, 1914. S.99.
2. Бартольд В.В. Кимаки. // Бартольд В.В. Соч. Т.У. М., 1968. С.549.
3. Кумеров Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С.10 и др.
4. Ахинжанов С.М. Этнонимы "кимак" и "кипчак" // Археология эпохи камня и металла Сибири. Новосибирск, 1983. С.105-122.
5. Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью // Бартольд В.В. Соч. Т.IV. М., 1973. С.43-44.
6. Minorsky V. Tamim ibn Bahr's journey of the Vyghurs // BSOAS. Vol. XII, pt.2. 1948. P.303.
7. Ibid., P.284.
8. Ibid., P.289.
9. Marquart I. Die Iki-Imak. Ostasiatische Zeitschrift // Bd.VIII. Berlin, 1920. S.293-269.
10. Marquart I. Über das Volkstum... S.96.
- II. Зуев П.А. О семантике этнонима имур/имир // Известия Академии наук Туркменской ССР, серия общественных наук. 1968. № 4. С.95-96.

12. Махмуд Кашгарий. Девону лутотит ат-тюрк. Ташкент, 1960. Т.I, карта.
13. Там же. С.28.
14. Ахинжанов С.М. Этнонимы "кимак" и "кипчак". С.116.
15. ПСРЛ. Т.П. С.507.
16. Менгес К.Г. Восточные элементы в "Слове о полку Игореве". Л., 1979. С.61, сноска I.
17. Плетнева С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975. С.270.
18. Добродомов И.Г. Тюркская топонимика "Повести временных лет" // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984. С.140.
19. Менгес К.Г. Указ. соч. С.172.
20. Ахинжанов С.М. Из истории взаимоотношений кыпчаков и Хорезма в XII — начале XIII века // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С.59-70.
21. Курышжанов А. Исследование по лексике тюрко-арабского словаря. Алма-Ата, 1970. С.176.
22. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989.
23. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т.I. С.208.
24. Григорьев В.В. Землеведение К.Риттера. СПб., 1873. С.209.
25. Pelliot P. A Propos des Comans // Journal Asiatique. Sér.11, 1920. T.XV, P.26.
26. Васильевич Г.М. Древнейшие этнонимы Азии и название эвенкийских родов // Советская этнография. 1946. № 4. С.45.
27. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах... Т.I. С.355. Hamble L.Kastim et Gus-dum // Journal Asiatique, 1958. N.3. S.320, 28. Зуев П.А. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам // Труды ИИАЭ АН Каз.ССР. Алма-Ата, 1962. Т.I5. С.117-122.
29. Махмуд Кашгарий. Девону лутотит ат-тюрк. Т.Ш. 1963. С.29.
30. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959. С.38.
31. Кляшторный С.Г. Кыпчаки в рунических памятниках // Turgologiya. Л., 1986. С.153-164.

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ КЫПЧАКОВ XI - НАЧ. XIII ВВ. ПО АРАБСКИМ ИСТОЧНИКАМ

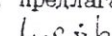
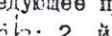
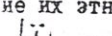
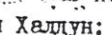
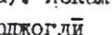
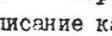
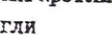
Сведения о родоплеменном составе конфедерации кыпчаков XI - нач. XIII вв. содержатся в средневековых арабоязычных исторических и географических трудах Ахмеда ат-Тини (I235-I318), ан-Нувайри (I279-I332), ад-Димашки (I301-I349), Ибн Халдуна (I332-I406), Ибн Дукмака (ум. I407), отчасти в арабо-кыпчакском словаре Абу Хаяна (I256-I345). Общий источник информации о племенном составе кыпчаков, являющийся основанием для появления почти идентичных текстов, объединяет Ахмада ат-Тини и ад-Димашки с одной стороны, ан-Нувайри, Ибн Халдуна и Ибн Дукмака - с другой. Что касается Абу Хаяна, то важно отметить, что у него в качестве основного источника упоминается недошедшее до нас сочинение более раннего автора Байлика ал-Кыпчаки (судя по нисбе кыпчака по происхождению). В словаре, созданном в Египте, Абу Хаян перечисляет в алфавитном порядке четыре племени кыпчаков - барли (* борили) , токсоба (* токусоба) , Питоба (* иетиоба) и Йимек .

Важность которых, как нам представляется, заключается в намеренном выделении из всего объединения социально весомых, элитарных групп. Подтверждение этому - в этно-исторических данных ряда средневековых мусульманских историков и географов.

Материалы по этническому составу кыпчаков означенных средневековых авторов в виде изданий или перевода оригинальных текстов были введены в научный оборот еще в XIX - нач. XX в. Предположение в то время чтения кыпчакской этнонимии оказались не во всех деталях безупречными. Современные медиоведы (археологи, этнографы, историки), широко привлекая в своих исследованиях соответствующие переводы, невольно оказываются в "плени" ошибочных трактовок. Вместе с тем общим недостатком исследовательского подхода является недостаточное следование комплексному и сравнительно-историческому

методам, которые позволяют рассмотреть исторические факты во всем их многообразии и во всей целостности. Другой изъян заключен в отсутствии разбора этнической номенклатуры с учетом контекста восточного источника.

В научных работах сводка сведений о родоплеменном составе кыпчаков использовалась в широких пределах расселения кыпчаков от Иртыша до Днепра, без разграничения. Так, информация ан-Нувайри и Ибн Халдуна зачастую привлекалась для характеристики этнического облика кыпчаков, обитавших в регионе Средней Азии и Казахстана². Однако такой подход нуждается в определенной корректировке. Ибн Халдун после перечисления известных II кыпчакских племен со ссылкой на свой первоисточник "Историю Бейбарса ал-Бундукдари", констатирует: "Эти (одиннадцать племен), а Аллах лучше знает, составляют только кыпчакские разветвленные племена. А они те, что находятся в западной стороне их (кыпчаков) северной страны"³. Далее, в этом же связанном контексте отмечается, что султан Бейбарс, вышедший из среды этих кыпчаков "относится к туркам, приведенным в Египет из той западной области, а не со стороны Хорезма и Мавераннахра"⁴. Приводимая в "Китаб ал-ибар" Ибн Халдуна историческая канва о имевшем место в I229 г. в среде одиннадцати-племенной конфедерации кыпчаков вражде между токсоба и дурут, которой воспользовались джучиды для разгрома кыпчакских сил, всецело связана с пределами Западно-кыпчакского объединения. Тем самым дается достаточно четкая локализация кыпчакского племенного союза применительно к территории их расселения к западу от Волги (Итиля).

На основании перечня племенного состава кыпчаков Западного Объединения, заключенного в трудах ан-Нувайри, Ибн Халдуна и Ибн Дукмака, предлагаем следующее прочтение их этнонимии: 1. токсоба ; 2. йетā , у Ибн Дукмака йетз-оба). Искорженное написание сетā дает Ибн Халдун; 3. бурджоглй ; 4. албурлй (олборлй) * борили; кангароглй (искорженное написание кангү-огли у ан-Нувайри и канаараали).

у Ибн Халдуна); 6. анджуглй (* анджигали) ^{أندجول}, неверно бгль ^{اوغل} у Ибн Халдуна; 7. дурут ^{دوروت}; * дурт+оба; 8. кулбобгль ^{كولبابل} неверное чтение карабобгль; 9. джортан ^{جرتان} искаженное написание джунан по ан-Нувайри и джерсан ^{جرتان} согласно Ибн Халдуну; 10. карббирклй (неверно кунун по Ибн Халдуну). Как видно из списка, главенствующим династийным племенем конфедерации западных кыпчаков XII- нач. XIII вв. было племя токсоба, вместе с тем к ведущим племенам объединения относились иетиоба, бурджогль, *борили.

Что же касается более пространного второго списка племен кыпчаков по данным Ахмада ибн-Тини и ад-Димашки скажем, что он относится к Восточному объединению кыпчаков, локализованному к востоку от Итиля, в основном на значительной территории Казахстана и прилегающих к нему землях.

Наиболее высокое элитарное положение, как показывают персидские нарративные источники, в восточном "Дашт-и Кыпчаке" занимало племя *борили (^{البوري} олбори) из числа которых выходили ханы ⁵. Первое племя в конфедерации кыпчаков в списке ад-Димашки традиционно читали как барк ^{بركو}. Достаточно сказать, что то или иное прочтение этнонима,

как показывает исследовательская практика, имеет принципиальное значение. Так, приняв чтение баргу С.М.Ахунжанов идентифицировал это этническое название с монгольским племенем баргу (вернее баргут), что увело исследователя в районы к северу от р.Селенги ⁶.

В данном случае предлагаем чтение этого этнонима как борилу, что представляется нам обоснованным и с исторической и филологической точек зрения. В качестве аргумента, подкрепляющего такой вывод, достаточно указать на опisku, проистекающую из слабо дифференцированной палеографии внешне похожих букв в стилих почерках (кнф. ^𐰚 лам), настолько обычную, что не требует особой аргументации. К тому же в Парижском списке труда ад-Димашки в разбираемом слове конечный слог написан через аффикс обладания - лу ^ل, ср. в этом же списке форму оглу ^{اغل} (вм. огль) ⁷.

Рассмотрение борилу, в качестве первого по иерархии династийного племени в составе кыпчаков, вполне согласуется с информацией о них в других независимых друг от друга источниках, отражающих историческую ситуацию, характерную для Восточного кыпчакского объединения. Борилу относится к древнетюркским племенам алтайского происхождения.

Вторым по списку значится тюркское племя токсоба (^{توكسا}), семантика этого термина достаточно однородно отмечается многими исследователями: токс/токуз "девять"+оба (патронический формант, восходящий к тюркскому оба "племя, род"). Что касается заключения Ибн Халдуна о монгольском происхождении токсоба, породившего в современных исследованиях вопрос о наличии в составе кыпчакских племен монгольского компонента, то оно не находит подтверждения в других известных нам источниках. Напротив, токсоба всюду выступает как тюркский этнос ⁸.

Третьим племенем указаны * иетиоба ^{إيتبا} (ийтаба). Типология тюркского племени иетиоба совпадает с этнонимом "токсоба", а именно - иети "семь"+оба.

Четвертое племя фиксируется как б.р.т. ^{برت} в литературе предложена его транскрипция "барат". Следует обратить внимание на то, что это племя по своему местоположению в списке входит в обычную для тюркской социальной истории когорту четырех племен, занимающих аристократическое положение. Исходя из этого, логично было бы предположить последующее упоминание данного этнонима в списке племен кыпчаков западного объединения, аналогично трем предшествующим племенам: борилу, иетиоба и токсоба. Однако племя барат не упоминается в нем, равно как и в сведениях письменных источников предмонгольской и монгольской эпохи. Предложенная конъектура барат * барак ⁹, являющаяся этническим названием одного из враждебных Огуз-хану племен ¹⁰, не находит достаточного объяснения в связи с историей кыпчаков в конкретно-исторических проявлениях эпохи. Общеизвестно, что династийная борьба всегда имела место внутри союзов племен средневековья. Ан-Нувайри и Ибн Халдун приводят лишь частный случай этой борьбы, развернувшейся в канун монгольского нашествия в среде западно-

кыпчакской конфедерации между токсоба и дурут/дурт. Необходимо заметить, что дурут в западном объединении перечисляются в списке племен седьмыми и не входят в аристократическую группу. Между тем эта вражда, характеризующая ан-Нувайри как "старинное соперничество", на первоначальных его этапах проявлялась, по всей вероятности, до известной перегруппировки кыпчакских племен на западе в пределах Восточного объединения кыпчаков, где бы дурут занимали более привилегированное династийное положение. В этой связи название племени

вызывает ассоциацию с племенем *دورت*. С филологической точки зрения палеографические особенности арабской передачи термина *دورت/دورت*, легко допускают в рукописях возможности слияния "даля" с "ра", дающий и искомый вариант *دورت* в письменных источниках. Таким образом историко-филологические выкладки позволяют нам предложить конъектуру вместо *دورت* читать *دورت* дурут/дурт (в написании арабских слов часто наблюдается стяжение долгих гласных в краткие, ср. в рамках рассматриваемых списков племен: *دورت* по Ибн Дукману и *دورت* согласно Ибн Халдуна), которая согласуется с данными средневековой этносоциальной истории кыпчаков. В основе названия племени дурут/дурт лежит сокращенная форма объединения в качестве определения - числительного, указывающего на количество объединяемых родов (дорт+оба).

Затем следует племя ал-урс, которое в исследовательской литературе транскрибируется по-разному: ал=арс, ал=урс/ал=орс II, что, наряду с формой, засвидетельствованной в парижском списке труда ад-Димашки ал=аш, представляет собой древнее племенное название зорс *زورس* урс *ورس* аси (яси). Часть ал=арс или асов была туркизирована в районе Хорезма в XI-XII вв., отдельные группировки которой вошли в состав кыпчакских племен, обитавших по соседству с Аральским морем и нижним течением Амударьи в конце первой половины XI в. ¹² Как известно, орс/асы являлись иранским племенем, родственным аланам. Что касается чтения этнонима как алтарас, в переводе якобы означающее смешанные племена и соот-

ветствующее половенскому племени елтуковичи ¹³, то это неверно по существу.

Далее упоминается тюркское племя бурджоглу *برج اغلوا*, составившее наряду с другими верхушку кыпчакского общества в южнорусских степях, а в Египте выдвинувшее из своей среды династию султанов мамлюков.

Дальше следует племя манкуртлу *منكور اغلوا*, по всей вероятности относящееся к одному из кимакских племен. По сведениям ряда средневековых авторов, в стране кимеков находились горы Манкур ¹⁴ *منكور*, близ которых кочевали группы огузских племен. Название гор как тотем скорее всего было закреплено за отдельной группировкой конфедерации кимакских (кимекских) племен. В области расселения кимеков горы Манкур идентифицируются с Улутаускими горами ¹⁵ в Центральном Казахстане.

Последним крупным племенем отмечается племя йимек *ييمك*, по другим источникам йимек *ييمك*, йимек *ييمك*, то же самое, что по многочисленным письменным источникам мусульманского круга тюркоязычный этнос кимек. Помимо целого ряда введенных в научный оборот аргументаций историко-филологического характера относительно тождественности йимеков и кимеков считаем нелишним привести факты вовсе не получившие отражение или недостаточно известные в историографии вопроса. Арабские и персидские источники зачастую при упоминании столиц племенных объединений называют их именем соответствующих племен; так, известны резиденции огузов - ал-Гуззия, карлуков - ал-Карлукия, алан - ал-Алания, хазар - ал-Хазар и т.д. В нашем случае один и тот же стольный город кимеков по одним источникам называется Йимекия ¹⁶ (Йимекия), а по другим - Кймекия ¹⁷. Далее, целостное изучение текста сочинения Гардизи о происхождении тюркских племен позволило наметить одну из закономерностей в понимании структуры сложных титулов, а именно титулы предводителей племен состояли из собственно-го племенного названия и титула определенного ранга. Отсюда начальник племени ягма носил титул ягма-тутук, царь тогуз-гузов титуловался токузгуз-хаканом, главой карлуков назывался югу-карлук. В этом контексте титул кимакского вождя опреде-

лен как йимāk-байгū/йимāk ябгū¹⁸. Приведенные аргументы убедительно свидетельствуют об идентичности племенных названий имек и кимек с одной стороны и об их тюркоязычности – с другой. Другие подходы¹⁹ в интерпретации вопроса о соотношении терминов кимек и имек должны покоиться на почве всей суммы имеющихся фактов и строгой научной методике.

В контексте списка племен ад-Димашки касательно имеков приводит принципиальной важности замечание – "а они (йимек) уже стали хорезмийцами"²⁰. Из содержания этой краткой фразы опосредованно следует: во-первых, относительная ориентация списка племен к территории Восточного объединения кыпчаков; во-вторых, определяются верхние пределы хронологических рамок списка племен, которые датируются временем правления хорезмшаха Текеша (1172-1200) и его сына Мухаммеда (1200-1220), и отмечены проникновением в государство Хорезмшахов многочисленных их групп, в частности 10 тыс. войска имеков, находившихся на службе у Теркен-хатун, жены Текеша²¹; в третьих, фиксируется движение значительных группировок племен имеков в Среднюю Азию.

Ад-Димашки вслед за тем перечисляет "более мелкие подразделения" в составе кыпчаков. Среди них первым этнонимом назван таг ^{تاج} имеющий огузское происхождение, судя по древним огузским преданиям²².

Затем упоминается одно из печенежских племен башкурт/башкирт ^{باشکورت} отдельные группировки которых расселились в районе Приаральских и Прикаспийских степей.

После этого отмечается этноним ^{کومان} (огласовка по Ахмаду ат-Тини), который традиционно транскрибируется как куманкū. В этом слове усматриваем искаженное написание этнонима куманлу. По своей структуре термин куманлу аналогичен выше реконструированному слову – *борилу, (^{بوریلو} < боркū ^{بورک}) и состоит из этнонима куман+лу (аф. обладания или отношения). Таким образом в текстах Ахмада ат-Тини и ад-Димашки выявляется упоминание этнонима куман/куманлу как самостоятельной этнической единицы. Это – факт весьма примечательный, ибо в отечественной и зарубежной историографии широко бытует установившееся мнение о тождестве

кыпчаков и куманов. Впрочем лингвистические штудии позволяют различать язык куманов (или половцев) от языка кыпчаков в рамках одной и той же эпохи²³.

Наименование того или иного лица по признаку его этнической принадлежности – явление обычное у восточных авторов. В сочинениях арабских средневековых историков содержатся антропонимы неарабского происхождения, в которых четко выделяется нисба по этнической куманской принадлежности в среде мамлюков: эмир ал-Кумани²⁴, шейх Зайн ад-дин Абу Бакр ал-Кумани²⁵ ^{القمانی}. Под новым углом зрения воспринимаются теперь сведения арабского географа ал-Идриси, который описывает в своем сочинении страну куманов, расположенную между Волгой и Днепром и доходящую на севере до земли печенегов и булгар. В "Повести временных лет" летописец считает куман именем племени наряду с туркменами, печенегами и торками. По всей вероятности, к эпониму куман восходит имя общего предка, кумандинцев Алтая. В качестве сравнительного материала ценен ономастический пласт, содержащийся в русских летописях относительно куман=половцев; так, "половчии племенем Куман", "Князь Куман", в составе собственного имени Куманопа. Имеются факты по топонимике. Так назывались в Азербайджане три селения Куманлы²⁶, деревня Кумани в Кашгаре²⁷; известные украинские топонимические названия Коман²⁸.

Сведения этнонимического, ономастического и топонимического характера позволяют с достаточно обоснованных позиций говорить об этнической самостоятельности куманов.

Данный тезис может быть усилен в свете оригинальных сведений, содержащихся в трудах средневековых арабских географов ал-Идриси, Ибн Сайда, Абу-л-Фиды о куманях, локализованных к востоку от Волги.

На карте ал-Идриси "Сурат ал-ард" к северу от двух топонимических объектов, идентификация которых не вызывает никакого сомнения, (Бахр ал-Хазр – Каспийское море и Бухайрат Хваризм – Аральское море), расположены горы Аскасия. Они описываются протянувшимися в меридиальном направлении с севера на юг с небольшим уклоном в сторону востока. Из этих гор вытекает несколько рек, в том числе, что особенно важно,

река Итиль (Волга), впадающая в море Хазар (Каспий). Описанные характеристики гор позволяют с уверенностью отождествить Аскасия с Уральскими горами. Ибн Саид и Абу-л-Фида, указывают, что в предгорьях Аскасия, к югу от него обитали куманы²⁹. На незначительном отдалении к юго-востоку от Аскасия в "Сурат ал-ард" показаны горы Тагура, где находилась цитадель страны куманов со столицей Кумания. Тагура в соответствии с реальной географической схемой сопоставима с Мугуджарскими горами. Судя по тексту средневековых сочинений, горы Тагура (Мугуджары) являлись основной областью расселения куманов. Как явствует из данных письменных источников, куманы расселялись в пространстве между северными Приаральскими степями и предгорьями Южного Урала. К югу от них находились огузы (согласно карте "Иалой Идриси" и кимаки), на западе - печенеги, на северо-западе - болгары, на северо-востоке - кыпчаки. Анализ текстологического и картографического материалов дает основание датировать сведения средневековых авторов о куманах IX-X вв. Нарративные источники фиксируют куманов как крайнюю западную ветвь кимако-кыпчакского объединения племен, задолго до их переселения в Приазовские и Причерноморские степи, где куманы с XI в. в древнерусских летописях фигурируют под калькированным именем половцев.

Далее в списке племен значится подразделение, которое в исторической литературе транскрибируется как бузъикъ. Однако в литературе конкретных сопоставлений этого термина с каким-либо этнонимом не было дано. В самом деле, в известных нам письменных источниках этот этноним больше не упоминается. В ленинградском списке сочинения ад-Димашки дается другая форма этого слова с конечным "ка" без долгого "яз". С учетом данного варианта считаем возможным иное чтение термина, а именно *базанак بازناك, что вполне укладывается в палеографические нормы. Базанак (диалектная форма?) вызывает ассоциацию с племенем баджъанак بادجاناك. Предполагаемая конъектура подкрепляется и тем, что после базанак (баджанак) следует этническая группа баджна بادجنا. Родоплеменная группа *базанак/баджна-

нак, баджна и башкирт, входившая в печенежский союз племен, в первой половине IX в. потерпела поражение от союза огузов, карлуков и кимеков и вынуждена была в основной своей массе мигрировать из области Аральского моря на запад. Отдельные их группировки остались на территории современного северо-западного Казахстана и, как свидетельствуют письменные памятники, вошли в состав объединения кыпчаков.

После баджна, о котором уже упомянули, обозначены каръ-бориклү قاربركلو, также относящиеся к печенежским племенам Приаралья³⁰.

Следующую этническую единицу данные Ахмада ат-Тини позволяют читать как уз اوز, таковым было народное произношение племени огузов.

Последним в родоплеменном составе кыпчаков отмечен этноним джортан/*шортан جورتن. Семантика этого слова указывает на тюркскую его основу.

Анализ рассмотренного родоплеменного состава кыпчаков приводит к следующему заключению: 1. Конфедерация кыпчаков относится к восточному их объединению; 2. Его хронологические рамки определяются XI - нач. XIII вв.; 3. Структура этнического состава кыпчаков была сложной и неоднородной, входившей в себя, помимо собственно кыпчакских, тюркоязычные кимекские, куманские, печенежские, огузские племена, туркизированные элементы ираноязычного этнического пласта; 4. Строгий источниковедческий подход к фактическим данным позволяет достаточно конкретно во времени и пространстве интерпретировать племенную структуру средневековых кыпчаков, а она носила на себе печать динамизма, специфичную для каждого этнополитического объединения и историко-географического региона. При этом ведущим династичным племенем в Восточном кыпчакском объединении было племя борили (олборили, олборилик), так же как и в Делийском султанате; в Западном объединении - племя токсоба, а в государстве Мамлюков Египта и Сирии - бурджогли.

1. Abu Nauyan. Kitab al-idrak li-l-lisan al-atrak. Istanbul. 1931.

2. Шаниязов К. К этнической истории узбекского народа (На материале кипчакского компонента). Т., 1974. С.76; Ахинжанов С.М. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Промышленность Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С.91; Ивнов В.А., Кригер В.А. Курганы кипчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М., 1988. С.89.
3. Ибн Хаддун. Книга аль-ибар. Т.5. С.372.
4. Там же.
5. Tabakat-i Nasiri. A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, including Hindustan, from A.M. 194/810 A.D. to A.H. 658/1260 A.D. / and the Irruption of the Infidel Moghals into Islam. Transl. by H.G. Raverty, vol. II. London, 1881, pp. 791, 796, 806, 961, 1097.
- ср. Кичинов Е.И. Сведения в "Уань-ши" о переселении киргизов XIII в. (публикация источника). // "Изв. АН Кирг. ССР". СОН. 1963. Т.5. Вып. I. С.62.
6. Ахинжанов С.М. Об этническом составе кипчаков. С.92.
7. Menget A.F. Cosmographe de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui. Texte arabe, publié d'après l'édition commencée par M. Fraehn. SPb., 1866.
8. Кумекон Б. Средневековые кипчаки по данным "Книги аль-ибар" Ибн Хаддуна (XIV в.). // Международная ассоциация по истории культуры Центральной Азии. Информационный бюллетень. Вып. 13. Т., 1987. С.97-99.
9. Ахинжанов С.М. Об этническом составе кипчаков. С.92.
10. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. М.-Л., 1952. С.84; Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Газиз хана хивинского. М.-Л. С. 18, 43.
11. Menget A.F. Cosmographe, P.264; T. Levick. Un peuple turcien par sonar: Les Araya ou Oraya // Hungaro-Turcica. Studies in Honour of Julius Németh. Budapest, 1976. P.33.
12. T. Levick. Op.cit. P.33.
13. Ахинжанов С.М. Об этническом составе кипчаков. С.92.
14. Абу Рейхан Бируни (973-1048). Избр. произв. Т.1. Памятники минувших поколений. Пер. М.А. Сады. Т. 1957; Закария аль-Казвини. Аджаиб аль-махлукат. Рукопись ИВ АН СССР. Д-370. Л.106 об; Его же. Асар ал-билад ва ахбар ал-билад. Рукопись ИВ АН СССР. Д-174. Л.218а; Шабиб аль-Харрими. Джамия ал-фунун ва салват ал-махзун. Рукопись ИВ АН СССР. В-781. Л.130а; Ибн Идрис. Нашк ал-изхар фи гараиб аль-ахбар. Рукопись ИВ АН СССР В-1033. Л.452.

15. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. А.-А., 1966. С.9-10.
16. Minorsky V. Hudud al-Alam "The Regions of the World". A Persian Geography 372 A.H.-982 A.D. London, 1937, P.310.
17. Расамд ихван ас-Сафа ва хулла ал-Вафа. Т.1. Бейрут, 1957. С.179; Ибн Саид. Книга джуграфия фи-л-акалим ас-саба. Рукопись ИВ АН СССР. С.591. Л.17а. Al-Idrisi. Opus Geographicum sive Liber ad eorum delectationem qui terras peregrare studeant, fasc. 6. Napoli-Roma, 1976. P.719.
18. Кумекон Б. О конъектуре к титулу бамаль-байгу в "Зайн ад-ахбар" Гардизи // Бартольдовские чтения. Вып.7. М., 1984. С.50-51.
19. Ахинжанов С.М. К вопросу об этнониме Уранкай (Уран-кай) // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана. А.-А., 1980. С.31-37; Его же. Этнонимы "кимак" и "кипчак". // Археология эпохи камня и металла Сибири. Новосибирск, 1983; Его же. Кимаки - Уран-Кай (Уранкай). // Историко-культурные контакты народов Алтайской языковой общности. Ч.1. М., 1986; Его же. Этноисторические связи племен Казахстана и Центральной Азии в средние века (кимаки и кипчаки) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1988.
20. Menget A.F. Cosmographe. P.264.
21. Бартольд В.В. Сочинения. Т.1. М., 1963.
22. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. С.86; Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Уфа, 1974. С.184; Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад, 1969. С.161-162.
23. Менгес К.Г. Восточные элементы в "Слове о полку Игореве". Л., 1979. С.64-65; Кононов А.Н. К этимологии этнонимов кипчак, куман, кузак // Ural-Altaische Jahrbücher. Bd. 48. 1976. S.159-164.
24. Тарих аль-Фурат. Т.9. Ч.2. Бейрут, 1939. С.437.
25. Ибн Тагриберди. Нуджум аз-захира. Т.8. Кн.1. М., 1936. С.46.
26. Агаев Г.Д. Данные этнотопонимики о расселении тюркоязычных племен в Азербайджане XI-XV вв. // Этническая ономастика. М., 1984. С.149.
27. Акимовский О.Ф. Шах-Махмуд Ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника. Крит. текст, перевод, комментарий, исследование и указатели. М., 1976. С.32, 306.
28. Pritzak O. The Polovci and Rus // АЛМА, 2, 1982. P.333.
29. Ибн Саид. Книга баст аль-ард фи-т-тул ва-л-ард. Тетуан, 1957. С.140.

Reinaud M., de Slane M. Géographie d'Aboul-téda.
Texte arabe. Paris, 1840. P.205.

30. Иланко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков.
М.-Л., 1950. С.110; Кляшторный С.Г. Древнетюркские руни-
ческие памятники как источник по истории Средней Азии.
М., 1964. С.178.

А.М.Мокеев

ЭТАПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КИРГИЗСКОГО НАРОДА НА ТЯНЬ-ШАНЕ В ХUI - сер. ХUIII вв.

В новом издании "История Киргизской ССР" в общих чертах охарактеризованы главные этапы этногенеза киргизского на-
рода и определены его основные компоненты. Вместе с тем
перед историками стоит задача всестороннего рассмотрения
особенностей отдельных этапов этногенеза этого, одного из
древних народов Средней Азии и выяснения происхождения
всех его компонентов. Как уже установлено, истоки этногене-
за киргизов восходят к глубокой древности. Однако завершаю-
щие этапы формирования киргизского народа протекали на
Тянь-Шане в ХUI-ХUIII вв., где происходил длительный процесс
взаимодействия и взаимовлияния двух его основных компонен-
тов - древних и средневековых племенных объединений При-
тяньшанья с собственно киргизскими племенами, переместивши-
мися сюда в конце ХУ века из Прииртышья и Алтая.

В этой связи следует отметить, что именно этот важнейший
период этнической истории киргизского народа в историогра-
фии изучен крайне слабо из-за того, что все исследователи,
как правило, интересовались только ранними этапами этноге-
неза киргизов и занимались выяснением дискуссионного воп-
роса: когда же киргизские племена переселились на свою ны-
нешнюю родину?

Между тем период ХUI - первой половины ХUIII вв. является
важнейшим этапом самостоятельного политического, социального
и этнического развития киргизской народности, оказавшим ог-
ромное влияние на судьбу народа в последующие столетия на
его исконно этнической территории. Важность этого периода
истории Киргизстана определяется прежде всего тем, что во
второй половине ХУ в. в результате распада государства Мо-
голистан киргизские племена, ранее занимавшие периферийные,
северо-восточные районы этого государства переместились на
свою нынешнюю родину и вновь вошли на историческую арену

Средней Азии и Центральной Азии как самостоятельный этнос.

Анализ сведений письменных источников показывает, что киргизские племена и в составе государства Моголистан вели вполне автономную и независимую от чагатайских ханов внешнюю политику, сами начинали войны и сами защищали свои земли, без участия других могольских племен. В дальнейшем, когда государственная структура Моголистана пришла в окончательное расстройство в ходе междоусобных войн, а также опустошительных вторжений калмаков Джунгарии, киргизы начинают предпринимать попытки выйти на такую экологическую нишу, где можно было бы расширить возможность ведения скотоводческого хозяйства, а также — установить непосредственные связи с крупными центрами оседло-земледельческой культуры. В результате в конце XV в. киргизские племена сумели занять богатые пастбища района Притяньшанья и получить возможность прямого выхода к оседло-земледельческим центрам Восточного Туркестана и Ферганы.

Очевидно, именно об этих, глубоко запечатленных в народной памяти событиях говорится в китайском сочинении, составленном в 70-х годах XVIII в. "Сейчас уже прошло более 330 лет с тех пор, сообщают пинские чиновники, воспроизводя рассказы киргизских старейшин, — как они (киргизы) бежали от беспорядков и в горах (Тянь-Шаня) нашли приют". Как видно из текста источника, хронологические рамки этих событий, связанных с перемещением киргизов из отдельных лесных районов Моголистана в Притяньшанье относятся приблизительно ко второй половине XV в.

Сама по себе эта крупная политическая акция, связанная о необходимостью освоения и заселения новых земель, поселения на этих землях и коллективной защиты вновь обретенной территории, с одной стороны вели к более яркому выявлению ощущения этнического единства, а с другой стороны требовали создания действенной этнополитической структуры и военной организации. И решающим моментом в процессе формирования киргизского народа явилось создание унаследованной от древних турков дуальной этнополитической организации — "Онг канат" ("Правое крыло") и "Сол канат" ("Левое крыло"), с возник-

новения которой мы можем говорить о восхождении этнической истории собственно киргизских родоплеменных объединений и местных древнетюркских и могольских племен к новой фазе — фазе сложения киргизской народности.

О времени создания подобной дуальной системы у киргизов сообщается в упомянутом китайском сочинении, составленном в 70-х годах XVIII в. "220 с лишним лет тому назад они (киргизы) собрали мирные переговоры и разделили население на равные части. Выделили два подразделения, выбрали из богатых двух предводителей, каждому указали владения: земли, реки, горы. Разделились на две ветви — северную и южную... Каждая делилась внутри на ветви". Хронологические указания о создании такой дуальной системы у киргизов, полученные манчжурскими чиновниками Восточного Туркестана после опроса киргизских старейшин и знатоков генеалогии, могут быть отнесены к началу XVI в. Они свидетельствуют о начале важнейшего этапа этнической и социально-политической истории объединенных киргизских племен, организованных теперь не только по принципу кровнородственных связей, но и в рамках более жесткой структуры территориально-политической организации.

Создание этой дуальной организации было продиктовано не только естественно-географическими условиями Тянь-Шаня и наличием двух крупных оседло-земледельческих центров — Восточного Туркестана и Ферганы, куда соответственно тяготели родоплеменные объединения "Правого" и "Левого" крыла, но и необходимость консолидации всего населения Киргизстана под властью киргизских племен.

Как показывает сопоставительный анализ сведений таких надежных источников, как "Тарих-и Рашиди" Мухаммеда Хайдаре, "Равзат ар-ризвие" Бадр ад-Дина Кашмири, "Шараф-наме-йи шахи" Хафиз-и Табризи "Джами ал-Махмат" Бахавадина и "Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариף" с данными английского путешественника А.Дженкинсона, уже по крайней мере к середине XVI в. почти вся территория современной Киргизии была населена киргизскими племенами.

Ко времени перемещения алтайской группы киргизов на Тянь-Шань территория современного Киргизстана отнюдь не была необитаемым островом. Наряду с собственно могольскими племенами здесь проживало многочисленное домогольское тюркоязычное население, сохранившее прежние хозяйственные навыки и прежний быт.

Освободившись от политического господства моголов, древнее население Семиречья и Тянь-Шаня в сравнительно краткий исторический срок включилось в дуальную этнополитическую структуру, созданную киргизами, восприняло общее этническое наименование и в свою очередь внесло в первоначальный родоплеменной состав "левого и правого крыла" немалые изменения. Вплоть до недавнего прошлого среди киргизских племен и родов упоминались и те, кто в своих наименованиях сохранял этническую номенклатуру тюркского населения Притяньшанья домонгольского времени. К их числу следует отнести следующие племена и роды киргизов: бичине (печенег), кедигер (игдер), ават (ива), оргу (аргу), бостон, окчу, кыпчак, канды, азык, кытай, черик и др.

В дуальную этнополитическую структуру киргизов волилась и значительная часть могольских племен. Сопоставление генеалогических преданий моголов и киргизов, зафиксированных в "Маджму ат-таварих", показывает значительное сходство генеалогии Ак-Огула, т.е. "правого" крыла киргизов. Это свидетельствует о том, что первоначально могольские племена волились в основном в "правое" крыло.

В число явно могольских и общих с могольскими компонента в составе киргизов относятся баарын, барак, дуулат, кайдуулат, керейит, кушчу, актачи, монгол, монголдор, барчы, нойгут, меркит, булгачы, узунджете, туманджете и др.

До сих пор в научной литературе почти не затрагивался вопрос о консолидирующих факторах в процессе формирования киргизской народности на Тянь-Шане рассматриваемого периода. Между тем, определенную роль в консолидации пришлых и местных компонентов в единую народность сыграла религия — ислам, распространение которого всячески поддерживалось

правлящей верхушкой для обоснования и укрепления своей власти над всеми племенами Притяньшанья.

Как показывают достаточно подробные сведения агнографических сочинений, составленных в Восточном Туркестане и Фергане в XVI-XVIII вв., таких как "Зийа ал-кулуб", "Джилис ал-муштакин", "Рафик ат-талибин", "Джами ал-макамат", "Маджму ат-таварих", "Матлаб ат-талибин", "Тазкира-йи ходжаган", "Актаб-и тогдук-Тимур-хан" и др., исламизация пришлых киргизских племен завершилась не позднее первой половины XVII в., под влиянием новой конфессионально-культурной среды Восточного Туркестана и Средней Азии и благодаря активной миссионерской деятельности суфийских шейхов, подвизавшихся в этом регионе. Именно при активном участии суфийских шейхов были составлены новые редакции шаджере — генеалогий киргизских племен и общекиргизских генеалогических преданий, которые отражали сущность новой идеологии, порожденной с образованием на Тянь-Шане дуальной этнополитической организации киргизского общества. Однако при всем разнообразии генеалогических обоснований мнимого родства всех племен и родоплеменных объединений Тянь-Шаня, включенных в дуальную этнополитическую структуру киргизов в условиях отсутствия строго централизованного государственного управления, а также постоянных культурных и религиозных центров, главным консолидирующим фактором киргизов Тянь-Шаня в области идеологии становится эпос "Манас". Неслучайно, что именно здесь, на Тянь-Шане в XVI — первой половине XVII века происходил окончательный этап сложения этого выдающегося произведения эпической традиции киргизского народа на наддиалектном общекиргизском языке, где нашли отражение и генеалогия, и обычное право — "торе", и история народа, не столько реальная, сколько воображаемая, какую хотели бы иметь сами киргизы. Эпос "Манас" воплотил в себе прогрессивную для своего времени идею объединения племен перед лицом внешней опасности, а в образе Манаса киргизские сказители создали фигуру того идеального вождя, который мог бы встать во главе всех киргизов, сплотить их в силу, способную противостоять любому врагу. Это уникальное явление,

когда наряду с религией и другими формами идеологии основным консолидирующим фактором становится эпическое сказание, представляет собой главную особенность в развитии собственной культуры киргизской народности на Тянь-Шане.

Как показывают свидетельства письменных источников, в процессе освоения и адаптации территории Притяньшанья у киргизов сложилось комплексное хозяйство нового типа, в котором, наряду со скотоводством заметно возросла доля поливного земледелия. Сформировалось полусеющее хозяйство со скотоводством альпийского типа (вертикальные перекочевки в горных районах Тянь-Шаня), после чего можно говорить о завершении формирования социально-экономической структуры киргизского общества.

В результате всех этих факторов в политической, социально-экономической, религиозной, идеологической и культурной областях, киргизское общество уже к концу XVI в. настолько сплотилось, что последующие трагические события в жизни народа, вызванные постоянными притеснениями со стороны могущественного Джунгарского ханства, не смогли остановить ход консолидационных этнических процессов; киргизы сумели отстоять свою независимость благодаря прочности этнополитической и социальной структуры. В дальнейшем, в XVII в. в процессе длительных контактов с казахскими жузами, некоторые казахские племена (катаган, алакчин и др.) вошли в состав киргизов. Последние значительные вкрапления иноэтнических элементов в киргизский этнос происходили во второй пол. XVII — первой пол. XVIII вв., когда значительная часть киргизских племен под натиском Джунгарского ханства временно откочевала в Ферганскую долину, в Каратегин, Бадахшан и на Памир. Эти события привели к вхождению в состав киргизской народности небольших групп узбеков, таджиков и калмыков Джунгарии.

В середине XVIII в., после разгрома Джунгарского ханства и возвращения северокиргизских родоплеменных объединений на свою исконную территорию, практически прекратились крупные миграции киргизских племен. Таким образом, к этому времени окончательно оформилась этнополитическая организа-

ция киргизской народности, возникло ее этническое самосознание, определился устойчивый хозяйственно-культурный тип, сложилось фольклорное выражение историко-культурного единства киргизских племен и утвердилась новая религиозная идеология.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что киргизская народность является историческим наследником этнического, хозяйственного и культурного и языкового развития как местных племен, обитавших на территории Киргизстана с древнейших времен, так и тюркских племен и народностей, вышедших из Центральной Азии и Южной Сибири.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Е.Е.Неразник (Москва). Приаралье: некоторые экологические аспекты этнического развития	3-14
Б.И.Вайнберг (Москва). Роль экологических факторов в формировании этнической территории (по археологическим материалам из Восточного Прикаспия и Приаралья)	15-26
Л.М.Левина (Москва). Памятники джетишарской культуры в свете этнической истории Средней Азии (середина первого тысячелетия до н.э. - VIII в. н.э.)	27-36
В.П.Яйленко (Москва). Енисейцы-кеты в этнической истории древней Средней Азии	37-49
И.В.Пьянков (Душанбе). Некоторые вопросы этнической предьстории таджикского народа	50-62
Б.А.Ахмедов (Ташкент). Значение письменных источников в изучении этнической истории народов Средней Азии и Казахстана	63-73
Г.А.Селорова-Давидов (Москва). Этнические процессы в Средней Азии в XIII-XV вв. (этнос и феодальное государство)	74-84
Р.Б.Судейменов (Алма-Ата). Этногенез казахского народа: историография проблемы	86-93
Н.О.Тасманов (Алма-Ата). Этногенез казахов: проблема и метод	94-105
С.М.Ахинжанов (Алма-Ата). Этногенетические процессы на территории Казахстана в конце I тысячелетия н.э. (кимаки и кипчаки)	106-117
Б.Кумекон (Алма-Ата). Об этническом составе кипчаков XI - начала XIII вв. по арабским источникам	118-130
А.Ч.Мокеев (Фрунзе). Этапы этнической истории киргизского народа на Тянь-Шане в XVI-середине XVIII в.	131-137

Художественное оформление: Т.В.Коваль

Утверждено к печати Институтом этнографии АН СССР

Подписано в печать 25.II.90

Формат 60X84/16

8 п.л.

6.5 уч.-изд.л.

Тираж 300 экз. Цена 1р20 к.

Заказ №92

Участок оперативной полиграфии Института истории СССР АН СССР
117036, Москва, ул.Дм.Ульянова 19